Хроники тайной войны

И.Г. Атаманенко

«МЕДОВАЯ ЛОВУШКА»

История трех предательств

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

СССР все семьдесят лет своего существования являлся государством тотального дефицита, однако никогда не испытывал нехватки в одном. В перебежчиках. Но главная угроза для Советского Союза исходила все-таки не от них, явных изменников, а от так называемых "кротов", внутренних шпионов — сотрудников КГБ и ГРУ, сановных чиновников МИДа, Совета министров и ЦК КПСС, завербованных Центральным разведывательным управлением в качестве секретных агентов. Только вот удавалось им это далеко не всегда. . Продавая противнику наши стратегические секреты, они исподтишка готовились к "мягкой посадке" на Западе…

- Игорь Атаманенко
  - Предисловие
  - Книга первая. Гималайский роман
    - Глава первая. Курс на сближение
    - Глава вторая. Операция «Узы Гименея»
    - Глава третья. Все дороги ведут в казино
    - Глава четвертая. Подслушанная исповедь
    - Глава пятая. К барьеру, шулер!
    - Глава шестая. Арийский тандем
    - Глава седьмая. Чужой среди своих
    - Глава восьмая. Хмельная явка
    - Глава девятая. Смерть прячется в холодильнике
    - Глава десятая. К резиденту на поклон
    - Глава одиннадцатая. Приглашение к сотрудничеству
    - Глава двенадцатая. Змея в шоколаде
    - Глава тринадцатая. Возвращение блудного «крота»
    - Глава четырнадцатая. Разведчики «глубокого прикрытия»
    - Глава пятнадцатая. Венский информатор
    - Глава шестнадцатая. Черт из табакерки
    - Глава семнадцатая. Поклонник лебединой песни
    - Глава восемнадцатая. Камень преткновения
  - Книга вторая. Колумбийские страсти
    - Глава первая. Тройная жизнь советского дипломата
    - Глава вторая. Из варягов в «стахановцы»
    - Глава третья. «Стахановец» зарабатывает «очки»

- Глава четвертая. На прямой линии с президентом
- Глава пятая. Губят агентов не деньги, губят их тайники
- Глава шестая. Не все Колумбы открывают Америку
- Глава седьмая. Как важно содержать обувь в чистоте
- Глава восьмая. Черный пояс по карате у женщины в белом
- Глава девятая. Мандат на самоубийство?

○ Книга третья. Тайна фаянсового экспорта
- Часть первая. «Медовая ловушка» для дипломата
  - Глава первая. «Экспроприация» драгоценностей
  - Глава вторая. «Бриллиантовые девочки»
  - Глава третья. Загадочный «урюк»
  - Глава четвертая. Из постели — в контрразведку
  - Глава пятая. «Борис бриллиантович»
  - Глава шестая. Проверка по законам жанра
  - Глава седьмая. Контрабандист поневоле
  - Глава восьмая. Психологический этюд
- Часть вторая. Тайна фаянсового экспорта
  - Глава первая. Не боги горшки… экспортируют
  - Глава вторая. Песочные замки председателя
  - Глава третья. Благословение председателя
  - Глава четвертая. «Горшечники» разбились вдребезги
  - Глава пятая. Тайна «чёрного песка»
- Часть третья. Что наша жизнь? Игра в шпионы!
  - Глава первая. На краю провала
  - Глава вторая. Как разделаться с неуязвимым противником

○ Иллюстрации

Игорь Атаманенко "Медовая ловушка". История трех предательств

Моему другу,
летописцу советской внешней разведки
Владимиру Антонову
посвящается

Предисловие

Если не считать исхода евреев из Древнего Египта, ни из одной другой страны мира не бежало столько её граждан, как из Советского Союза.

Бежали все: помощники вождей и балерины, писатели и спортсмены, министры и рабочие. Но то были, так сказать, физические перебежчики. А сколько было духовных, кто по ночам, прильнув к радиоприёмникам, с жадностью внимал каждому слову «Голоса Америки», «Свободы», «Немецкой волны» и «Голоса Израиля», чтобы хоть на час, хоть мысленно, но оторваться, убежать от советской действительности!

И дело не в особенностях менталитета граждан Страны Советов. Отнюдь. Примерно та же картина наблюдалась и в других странах социалистического лагеря.

Кстати, вы никогда не задумывались, почему мы говорили «лагерь социализма», но «мир капитализма»? Может, потому-то и бежали, что социализм был лагерем?..

Проблема перебежчиков достигла критической отметки, когда в стан противника хлынула элита — советские дипломаты, сотрудники КГБ, ГРУ и особо ценные агенты спецслужб — то есть носители самых сокровенных секретов государства.

Однако главная угроза для Советского Союза исходила всё-таки не от них, явных изменников, а от так называемых «кротов», внутренних шпионов — сотрудников КГБ и ГРУ, сановных чиновников МИДа, Совета Министров и ЦК КПСС, завербованных Центральным Разведывательным Управлением в качестве секретных агентов. Продолжая занимать престижные должности в советских синекурах, они фактически работали в пользу США, исправно поставляя своим заокеанским хозяевам сверхценную информацию. Продавая противнику наши стратегические секреты, они исподтишка готовились к «мягкой посадке» на Западе. Это была самая опасная и убыточная для СССР разновидность перебежчиков…

Книга первая. Гималайский роман

Глава первая. Курс на сближение

Столица королевства Непал Катманду лежит в живописной, утопающей в цветах, высокогорной долине в Гималаях. Жизнь коренных обитателей Поднебесья Мира течет, вернее парит, над земной суетой спокойно, размеренно и величаво.

Сегодня верится с трудом, что совсем недавно этот райский уголок представлял собой театр боевых действий, где проходила передняя линия невидимого фронта холодной войны.

Рыцари «плаща и кинжала» из противоборствующих спецслужб превратили этот край обетованный в ристалище для своих тайных дуэлей, плели здесь паутину интриг, а вербовки и похищение секретов, подкуп и измены были повседневной нормой жизни бледнолицых пришельцев с Равнины…

В 1974 году в советскую дипломатическую миссию в Непале на должность атташе по культуре прибыл Леонид Георгиевич Полещук.

Разведчик по профессии, авантюрист и ловелас по жизни, не пропускавший ни одной женской юбки, он очень быстро понял, что в Катманду ему не развернуться.

Его страсть — развлечения, которых в городе, увы, было явно недостаточно, а работавшие в нашем посольстве женщины все, как назло, замужем — не подступиться даже такому искушённому дамскому угоднику и сердцееду, каким был Полещук.

Последнее обстоятельство удручало более всего, потому что год пребывания в Непале разведчик должен был провести без жены, оставшейся в Москве.

Эпизодические набеги в местные дома терпимости удовлетворения не приносили, и свой похотливый взор молодой капитан фокусирует на иностранках, посещающих культурный центр для сотрудников дипломатических миссий, представленных в Непале.

Этот гигантский комплекс, построенный на американские деньги и являвшийся их собственностью, поразил воображение Полещука, парня из страны берёзового ситца.

Бассейн, теннисные корты, летний кинотеатр, видеозал (о видео, этом чуде техники, в Союзе ещё ничего не известно!), бильярд, спортплощадки, школа и поликлиника, куда приезжали лечиться король Непала и члены его семьи. Окружение монарха тоже считало хорошим тоном хоть раз посетить лечебно-оздоровительный комплекс при культурном центре.

Аллеи и постройки утопали в зелени, а аромат огромных, в человеческий рост, алых роз, казалось, пропитывал тебя и твою

одежду насквозь.

Территория центра обнесена двумя бетонными заборами с «колючкой», через которую пропущен электрический ток высокого напряжения.

Вход и выход — под объективами видеокамер. Ворота управляются из будок, похожих на армейские доты, в которых сидят американские морские пехотинцы.

Восторг Полещука от увиденной роскоши сменился озлоблением в адрес руководителей КПСС и родного правительства, как только ему стало известно, что месячное жалованье американского сержанта из охраны центра почти в два раза превышает его капитанский оклад. Полещук получал 500 долларов, сержант — 800. Столько же получал глава резидентуры КГБ в Непале, полковник Тимофеев.

Регулярно посещая оазис «сладкой жизни» — культурный центр, Полещук вскоре перезнакомился со всеми американскими дипломатами.

Это входило в круг его служебных обязанностей. Он для того и прибыл, чтобы изучать персонал дипломатической миссии США в Непале и подбирать среди них кандидатов на вербовку.

В этом обществе, наполовину состоявшем из мужчин, особенно выделялась яркая, чрезвычайно привлекательная блондинка Сэлли Грэйвс, и Полещук сразу увлёкся ею.

Американка вела себя раскованно и, как показалось Полещуку, даже чересчур беспечно для её лет. И хотя разведчик не был новичком на ниве покорения женских сердец, тем не менее наблюдая за американкой со стороны, терялся в догадках, сколько же ей лет.

С одной стороны, «поясок» у подбородка указывал на то, что она уже перешагнула тридцатилетний рубеж. Но с другой…

«Нет-нет, конечно же, ей ещё нет тридцати — столько живости и задора, столько грации в движениях, — с искренним восхищением следя за лёгкой поступью Сэлли, размышлял капитан-повеса. — А как заразительно она смеётся! Да и потом, разве может умудрённая жизнью женщина так по-детски наивно воспринимать простые вопросы?

Безусловно, она моложе меня! — подвёл итог своим рассуждениям Полещук, которому незадолго до прибытия в Непал исполнилось двадцать восемь лет. — Да и какая к черту разница… Любовь ровесников не ищет, поэтому вперёд, Леня, на приступ! Женщины сдаются лихим гусарам, а не скулящим студентам!..

Стоп! А что если попробовать привлечь её к негласному сотрудничеству? Нет, конечно, не сразу. Сначала определим, чего

она стоит как партнёрша в постели. Между забавами выясним, какими возможностями она располагает на службе, а там уж видно будет, стоит ли овчинка выделки — можно ли её использовать в наших интересах… Путь не близкий, но зачем же, сломя голову, напролом устремляться к вершине горы? Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт…

Впрочем, постель сотрудничеству не помеха. Практикуют же французские спецслужбисты интим со своими агентессами, почему бы и мне не взять на вооружение их опыт?

Так, пора переходить от рассуждений к действиям. Сегодня же надо пригласить её в какой-нибудь отдалённый экзотический кабачок… Внимание, она приближается! Лёня, на абордаж!»

Со своей стороны Грэйвс тоже предприняла шаги для сближения с русским атташе по культуре.

Проявив завидную предприимчивость и инициативу, она сделала всё возможное, чтобы оттеснить вероятных соперниц из числа незамужних американок, посещавших центр, и полностью овладеть вниманием новоявленного славянского витязя.

Полещуку и в голову не приходило, что Сэлли, это внешне беззаботное существо, может состоять в штате противоборствующего разведсообщества. А вместе с тем Грэйвс уже девять лет являлась кадровой сотрудницей ЦРУ, сумевшей пробиться в высшие слои этого ведомства не благодаря своей внешности, но исключительно оперативному чутью и трудолюбию.

По заданию своего шефа, руководителя резидентуры ЦРУ в Непале, Джона Беллингхэма, Сэлли приняла приглашение Полещука провести вместе вечер в каком-нибудь престижном столичном ресторане.

После этого они стали регулярно встречаться.

* * *

Любовный роман развивался бурно и стремительно, запросы американки росли с каждым свиданием, и вскоре капитан оказался полным банкротом, денег не хватало даже на прохладительные напитки и сигареты, сплошь американского производства, — ещё один манящий осколок благополучной жизни. С одной оговоркой: благополучной для тех, у кого есть деньги.

И тогда Полещука осенило: он без труда добудет деньги в казино.

Заведение его покорило. Он почувствовал себя своим среди

разношерстной, живописной публики, сплошь состоявшей из европейцев и североамериканцев, которые толпились возле зелёных столов, где метался, как сумасшедший, шарик рулетки.

Здесь была та самая атмосфера, для которой, как он считал, он рождён. Атмосфера жизни на час, погони за счастливым мгновением, сделающим тебя богатым.

Казино на две недели стало его вторым домом. В надежде ухватить «птицу счастья» за хвост он приходил туда каждый вечер и уходил под утро.

Случайно обломившиеся незначительные суммы жгли ему ладони, и он тут же покупал на них новые фишки — мысль в одночасье разбогатеть превратилась в идею фикс.

Тщетно. Ему чертовски не везло, он проигрался в пух и прах, а между тем новая пассия, Сэлли, становилась всё более привередливой и требовательной — за каждое свидание, начинавшееся в каком-нибудь экзотическом бунгало и заканчивавшееся у неё на вилле, она требовала всё более дорогие подарки.

Чтобы рассчитаться с владельцем казино, а заодно не потерять любовницу, к которой уже успел привязаться, Полещук залез в кассу резидентуры.

Положение стало отчаянным, когда одолженную воровским способом крупную сумму вернуть полностью не удалось даже после продажи дипломату из ФРГ великолепной кинокамеры и фотоаппарата «Зенит».

Обанкротившийся дон-жуан отдавал себе отчёт, что если не найдёт выход из положения, ему, возможно, придётся отвечать не только за растрату денег, предназначавшихся на оперативные расходы…

Глава вторая. Операция «Узы Гименея»

Неожиданно на помощь пришла сама любовница, Сэлли Грэйвс. Её предложение до гениальности просто: тайно обвенчаться в индуистском храме, и с соблюдением строжайшей конспирации, не раскрывая перед окружающими истинного характера своих отношений, жить вместе и, разумеется, иметь общий семейный бюджет.

Идея Полещуку понравилась — он надеялся воспользоваться деньгами американки, чтобы погасить оставшуюся задолженность.

Да и вообще, черт возьми, до чего же изобретательны могут быть порой женщины в своём стремлении заполучить права, хоть и временные, на вожделенного мужчину!

А в том, что Сэлли влюблена в него, Полещук не сомневался ни на минуту. Да и может ли быть по-другому, если американка сама вызвалась стать его женой, даже не поинтересовавшись ни его семейным статусом, ни сроком его дальнейшего пребывания в Непале. Конечно же, она влюблена по уши!

Высокомерный и заносчивый красавец капитан и мысли не допускал, что его, матерого аса разведки, кто-то может загнать в ловушку в Катманду, в этом Богом забытом уголке мира.

А вместе с тем обворожительная Сэлли, выступая в роли обольстительной приманки для русского разведчика, как раз и выполняла роль медовой ловушки.

Полещук согласился, но с одним условием: венчаться они будут не в Катманду, а в Дели, куда ему предстоит срочно вылететь для встречи с агентом «Шахом», который более двадцати лет работает на КГБ.

«Нет проблем!» — ответила Сэлли и в тот же день приобрела на деньги своего ведомства два авиабилета в Дели…

Бракосочетание происходило в престижном районе индийской столицы Шанти Никитан. Там, в одном из живописных скверов, для этих церемоний сооружен огромный брезентовый разноцветный шатёр, внешне напоминающий цирк шапито.

«Чёрт побери! — завидев храм-шатёр, мысленно воскликнул жених. — Чем-то весь этот спектакль напоминает мне венчания белогвардейских офицеров в походно-полевых условиях Гражданской войны у нас в России… Ну что ж, придётся и мне называть Сэлли “ППЖ ” — походно-полевая жена. Нет, скорее, “ПКЖ” — походно-конспиративная жена!»

В роли священника выступал жрец-индус, который, как пояснила Сэлли, за умеренную взятку согласился узаконить

тайный брак инородцев.

Тренированным движением он привязал красивым витым шнуром угол сари, в который была облачена невеста-Грэйвс, к белому шарфу, накинутому на плечо жениха-Полещука.

Затем, громко произнося заклинания на санскрите, он семь раз провёл жениха и невесту вокруг жертвенного огня.

В это время какие-то люди, очевидно, подручные жреца, из кромешной темноты шатра бросали в огонь рис и черпаками плескали туда кокосовое масло — жертвоприношения для богов.

В заключение церемонии жрец на чистейшем английском языке объявил конспираторов мужем и женой, вручил каждому из них по конверту и пригласил к столу, на котором были разложены угощения: выпечка, восточные сладости, фрукты, чай и прохладительные напитки.

Полещук взглядом поискал бутылку виски, к которому успел пристраститься в обществе Сэлли, но затем вспомнил, что индусские свадьбы традиционно безалкогольные.

А жаль, новоиспеченному мужу так хотелось опрокинуть стакан-другой настоящего шотландского вискаря в честь венчания — когда-то ещё можно будет почувствовать себя султаном-многоженцем!

В порыве страсти Полещук всем телом прижался к своей новоиспечённой жене и горячо зашептал ей на ухо:

— Дорогая, а тебе известно, что у индусов существует такое поверье, что смертью мужа боги наказывают жену за её грехи. Поэтому она должна последовать за мужем на погребальный костёр. Этот обычай называется сати, что в переводе с санскрита означает «вечная жена»… Неужели ты об этом не знала, моя милая затейница, когда устраивала наше бракосочетание?

— Мой дорогой, я впервые слышу об этом! Ты находишься в Непале меньше, чем я, а вместе с тем тебе, оказывается, известны такие сенсационные подробности индуистских традиций, как же так?!

— Не забывай, дорогая, что я — атташе по культуре, поэтому изучение традиций индуизма входит в круг моих служебных обязанностей…

Что же касается сожжения жён, то существует два вида сати — «сахамарана» (смерть вдвоём) и «анумарана» (смерть в одиночку).

В первом случае вдова сжигает себя вместе с трупом супруга, во втором — женщину, предварительно накачав наркотиками, сжигают добрые родственники после кремации усопшего. Если же она попытается выскочить из огня, то несчастную оглушают дубинкой… Скажи, ты какой вид сати предпочитаешь?

— После всего услышанного я предпочла бы умереть раньше тебя… А до этого обязуюсь беречь тебя, как зеницу ока. Теперь, насколько я понимаю, это входит в круг моих супружеских обязанностей, не так ли, дорогой?

— Это мне подходит! — весело ответил разведчик, польщённый понятливостью своей подруги-жены.

Выйдя из храма, Полещук первым делом открыл конверт.

Мама моя родная, держите меня семеро! — внутри находилось исполненное на английском языке свидетельство о браке, куда были вписаны истинные анкетные данные разведчика — вопиющая наглость жреца!

Полещук ещё раздумывал, что ему предпринять — вернуться в этот брезентовый храм-шапито и демонстративно швырнуть конверт в жертвенный огонь или устроить этому взяточнику-священнику допрос с пристрастием, — как вдруг услышал характерный щелчок замка сумочки, которую Сэлли держала в руках, — там исчез второй экземпляр свидетельства о браке.

Взгляды молодожёнов встретились. В глазах американки полыхал огонь триумфа — игра сделана, теперь ты — мой муж!

Двоеженец понял, кем инициировано письменное оформление их тайных супружеских отношений.

«Но зачем она это сделала? — спрашивал себя Полещук. — Неужели эта великовозрастная дурёха надеется таким способом навсегда привязать меня к себе?! Если это так, то она — святая простота! А если… Нет-нет, без всяких “а если”! Ясно как божий день: девочка влюбилась в меня по уши и начала чудить… Ладно, сейчас мы всё разложим по полочкам!»

Заорав во всю глотку: «Такси!!» — Полещук так резко схватил Сэлли за руку, что та от неожиданности вскрикнула:

— О нет, Леон!

«Ничего, девочка! — подумал разведчик, волоча женщину к проезжей части дороги. — Сейчас ты у меня быстро усвоишь разницу между мною и этими безобидными побирушками в лохмотьях, которые нас окружают… Я тебе не индус, не сын оборванца Махатмы Ганди, я — советский разведчик! Сейчас мы тебя быстро расколем, кто тебя надоумил на выписку свидетельства о браке, да ещё и в двух экземплярах!»

Расколоть Грэйвс не удалось даже после второй бутылки виски. Сам же брачный аферист напился так, что, проснувшись поутру в роскошном номере делийского «Хилтона», долго не мог сообразить, где находится и что это за женщина, которая обнажённой лежит рядом…

В голове с грохотом перекатывались бильярдные шары похмелья, настроение встречаться с «Шахом» пропало напрочь, и

Полещук не нашёл ничего лучшего, как отказаться от намеченной явки и продолжить возлияния по случаю бракосочетания в каком-нибудь приличном кабаке.

Тем более что Сэлли выразила готовность оплатить все прихоти своего новоиспеченного мужа:

— Ты такой забавный, Леон, когда выпьешь! Ты произносишь удивительные слова. Комплименты, которых мне никогда и ни от кого не доводилось слышать… Вообще я заметила, что все славяне отличаются утонченностью, естественностью, даже самые несчастные из них незаурядны.

Полещук хотел было спросить, где и когда Сэлли успела пообщаться со славянами, чтобы так глубоко познать их психологию, но в постпохмельном бессилии не в силах был пошевелить языком…

В последующем, начиная со дня делийского бракосочетания, все расходы по закупке спиртного возьмет на себя Грэйвс. Вернее, ведомство, к которому она принадлежит. И ведь было из-за чего!

В доставляемые Сэлли напитки спецы из ЦРУ регулярно подмешивали препарат под названием «сыворотка истины», которая притупляет мозговые центры, отвечающие за самоконтроль, «разжижает» волю, вынуждая подопытного к непроизвольным высказываниям. Разведчице оставалось только направлять их уточняющими вопросами в нужное русло, а американским «слухачам» — записывать разглагольствования захмелевшего Полещука.

Таким образом Беллингхэм вскоре узнал очень много нового о советской резидентуре, её составе и о взаимоотношениях между советскими разведчиками, действовавшими в Непале.

* * *

Перед отлётом из Дели разведчики заехали каждый в своё посольство.

Сэлли Грэйвс — чтобы доложить об успешно проведенной операции «Узы Гименея».

Полещук — чтобы составить телеграмму, в которой сообщил о несостоявшейся явке, обвинив во всём «Шаха».

К известию в московском Центре отнесутся с пониманием, потому что необязательность агентов из числа индусов была общеизвестна. Удивительные люди! Полное отсутствие дисциплины и чувства ответственности перед секретными работодателями у индусов сочетается с внешне ярко выраженным стремлением помочь своему оператору, оказать услугу, сделать

приятное и ни в коем случае не отказать в чем бы то ни было.

Перенос явки с «Шахом» устраивал Полещука и по другой причине: чаще ездишь — больше командировочных. А деньги разведчику нужны позарез…

Глава третья. Все дороги ведут в казино

Конспиративный брак и совместное проживание, как и общий бюджет, денег Полещуку не прибавили — Грэйвс оказалась на удивление прагматичной и экономной хозяйкой, ни одной рупии нельзя было потратить без её разрешения.

К чести американки необходимо отметить, что она блестяще справилась со своей ролью обольстительницы и сумела не только сохранить в тайне от «суженого» свою принадлежность к ЦРУ, но и влюбить его в себя. А тот, влюблённый и самонадеянный, так ничего и не заподозрил…

По прошествии медового месяца Полещук понял, что притворный брак с Грэйвс его финансовых проблем не устранит, и, пораскинув мозгами, вновь вернулся к идее сорвать банк в казино.

Он прекрасно помнил, что это заведение однажды уже превратило его в банкрота, однако успокоил себя тем, что две бомбы в одну и ту же воронку не ложатся.

Кроме того, в этот раз он намерен был действовать не очертя голову, но по-чекистски основательно, проработав все возможные варианты и, самое главное, разузнав как можно больше подробностей о своих потенциальных партнёрах по карточному столу — играть в рулетку он себе запретил, чтобы не испытывать более судьбу.

С помощью своих оперативных источников Полещук сначала провёл предварительную рекогносцировку на поле предстоящих сражений. Выяснил, что в казино для игры в очко и баккара регулярно собирается компания, в которую входят «братья по идеологии»: первый секретарь посольства Польши Войцех Каменский, заведующий административно-хозяйственным отделом посольства ЧССР Любомир Гржинек и консул из ГДР Курт Фогель.

Такого подарка от судьбы Полещук давно не получал! Очко и баккара — забавы, которым он ночи напролёт предавался во время обучения в спецшколе и в коих достаточно поднаторел.

Он виртуозно «заряжал» колоду, то есть умел подтасовывать карты, владел искусством передёргивания, не понаслышке знал многие «мульки» — ухищрения, к которым прибегают карточные шулера.

Всё вместе взятое внушало уверенность, что на этот раз успех ему обеспечен и он обязательно сорвёт куш.

Консул в компании игроков слыл везунчиком, Богом помазанный, удачей помеченный. Там, где другие выбивались из

сил, чтобы выиграть толику, ему валом валило.

Чех и поляк игроками были никудышними, поэтому никогда особо не рисковали, метали по-нищенски малыми суммами, рассчитывая не на своё умение, а на удачу.

Кроме восточных демократов в компанию игроков входил ещё один фигурант, чьё хроническое невезение в картах выглядело особо соблазнительно для Полещука. Именно на него он делал ставку, рассчитывая поправить свои финансовые дела.

* * *

Врач из Австрии Бруно Гольдман вносил диссонанс в социалистическое картёжное сообщество. В отличие от своих партнёров, иноверец имел одно существенное преимущество — он имел деньги. Располагая практически неограниченными суммами, он никогда не покидал стола, даже если ему не шла карта.

Случалось, что он продувался до последнего цента (играли только на доллары — местная валюта среди игроков не котировалась), и, по идее, должен был бы прекратить игру ввиду утраченной кредитоспособности, но какое там!

Каждый раз, исчерпав ресурс своего бумажника, Гольдман легко выпрыгивал из кресла и с традиционным возгласом: «Айн момент!» — покидал соратников, чтобы через пятнадцать минут вернуться вновь с деньгами.

Однако главными отличительными чертами доктора являлись его порядочность и обязательность. Хотя Гольдман зачастую и расставался с крупными суммами, он никогда никому не оставался должен. А это и есть первая заповедь, принцип и основа взаимоотношений товарищей по ломберному столу. Карточный долг есть карточный долг. Не отдать его — святотатство, а потребовать его вправе даже последний забулдыга, оборванец с окраины Катманду, что уж говорить о достопочтенных джентльменах — сотрудниках дипломатических миссий, пусть и социалистических стран!

Как стало известно Полещуку, австриец не только проигрывал. Иногда ему шла такая «пруха» — так везло, что всякий раз остальные игроки считали лучшим для себя выходом из положения сказаться больными, сослаться на ответственное утреннее совещание и т. д., лишь бы побыстрее завершить турнир.

Но всё-таки чаще Гольдман оставался в проигрыше. И, как правило, выигрывал у него консул.

Однако, судя по всему, этот факт его не очень беспокоил. Что

свидетельствовало о том, что ему важен сам процесс, а не результат карточной баталии.

При любом исходе игры он с неизменной улыбкой отдавал или забирал деньги и непременно заказывал для всех по рюмке сухого «мартини».

Никого из партнёров не интересовало, где доктор брал деньги, хотя они и подозревали, что их происхождение не совсем безупречно, а может быть, и незаконно.

По одной из версий, о которых русскому разведчику доложила агентура из числа местных жителей, Гольдман подпольно абортировал состоятельных аборигенок. По другой — кроме основной профессии он являлся скупщиком опийного мака, переправлявшим сырье в европейские лаборатории для переработки в героин.

Впрочем, никто из его партнёров не пытался найти подтверждение или опровергнуть эти версии, о которых им также было известно. Какая им польза от этих подозрений, если у каждого из них были свои тараканы на кухне и свой «скелет в шкафу»?

Гржинек приторговывал чешским хрусталём, в основном люстрами, которые у местной знати пользовались огромным успехом.

Каменский делал бизнес на дешёвых польских лекарствах и янтаре, который под видом «осколков Луны» шёл нарасхват.

Как ни странно, лишь консул ничем не торговал. Впрочем, ничем, кроме въездных виз в ГДР, у него возможностей торговать не было. Но кому они здесь, в Непале, да и вообще в мире, нужны? Непальцев, желающих взглянуть вблизи на «витрину социализма», Полещук что-то не встречал. Поэтому наличие свободных денег в кармане гэдээровского дипломата капитан для себя объяснил просто: Фогель — платный агент «Штази», Министерства государственной безопасности Германской Демократической Республики.

«Раз у консула водятся деньжата, которых хватает на картёжные забавы, — рассуждал Полещук, — значит, он подключен к какой-то оперативной разработке. Иначе, на какие бы шишы играл Фогель, ведь у всех гэдээровских дипломатов нищенская зарплата!

Не исключено, что объектом заинтересованности «Штази», по которому работает Фогель, как раз и является Гольдман. Таким образом, если шефу, полковнику Тимофееву, станет известно о моих визитах в казино, я своё присутствие смогу оправдать необходимостью “пощупать за вымя” доктора, чтобы оценить, насколько он может представлять для нас оперативный интерес…

Но пока информация о том, что я посещаю казино дойдёт до резидентуры, я уже успею “высадить” и Гольдмана, и консула из денег.

Выворачивать карманы братьям-демократам я не намерен, и не потому что испытываю к ним чувство идеологической солидарности, отнюдь! Просто с них много не получишь, так как играют они на те деньги, которые эпизодически случается урвать…

Кстати, есть ещё одна причина, почему можно чувствовать себя спокойно в компании братьев по идеологии: они никому не проболтаются, что к игре подключился советский дипломат. Ведь для каждого из них это означает саморазоблачение, ибо откуда ты знаешь, что атташе по культуре посольства СССР посещает казино, если сам там не бываешь? Так что болтовня для них чревата досрочным откомандированием из Непала, — им же категорически запрещено посещать злачные места…

Ну что ж, весь этот расклад меня вполне устраивает, — подвёл итог Полещук. — В общем, смелее в бой, тореадор!»

Глава четвертая. Подслушанная исповедь

Консул первый заметил Полещука, когда тот перешагнул порог кабинета для игры в карты и, как ему показалось, даже заговорщицки подмигнул.

«Очень даже может быть, что он меня узнал, — решил про себя разведчик, — мы же неоднократно встречались на дипломатических приёмах, хотя представлены друг другу не были. Что ж, это знакомство не повредит — если карта не пойдёт, будет у кого перехватить сотню-другую…»

Все встали.

Полещук, чтобы упредить возможный угодливый жест Фогеля, поспешил представиться сам. Таким образом разведчик дал знать консулу, что их знакомство должно остаться тайной для остальных партнёров.

Чех и поляк, узнав, что вновь прибывший — советский дипломат, то есть «старший брат», от которого можно ожидать любого подвоха, поостереглись оглашать свои титулы, назвав только свои имена.

По окончании церемонии рукопожатий и дежурных улыбок русскому дипломату предложили занять место за столом и взять карту.

Предложение прозвучало сигналом, что он принят в компанию сразу и без предварительных условий — так наркоманы со стажем охотно делятся с новичком своей дозой зелья, чтобы покрепче пристегнуть его к своей колеснице…

Однако сегодня Полещук не намерен был бросаться в воду, не зная броду, а пункт за пунктом реализовать заготовленный план.

— Господа, — обратился капитан к собравшимся так, будто и не ведал, что перед ним почти сплошь «товарищи», а не господа, — я просто хотел понаблюдать за игрой… С вашего позволения, конечно!

— Аппетит приходит во время еды, господин атташе, — произнес Гольдман, — боюсь, что у вас он может появиться именно в тот момент, когда яства на столе закончатся…

— Что ж, в таком случае я не премину явиться к следующей обедне, — парировал Полещук.

Собравшиеся ответили на реплику дежурными улыбками. Полещук, чтобы ускорить процесс сближения, придвинулся к столу и стал наблюдать за игрой, исподволь присматриваясь к игрокам.

Начал с консула, который своими барскими манерами и обстоятельностью значительно отличался от своих компаньонов.

Высокий, худощавый, пятидесятилетний мужчина, с благородными чертами лица, с рыжеватой, уже седеющей шевелюрой и подстриженными на английский манер усиками, консул в своём строгом темно-коричневом костюме напоминал Полещуку университетского профессора, экзаменующего нерадивых студентов. Впечатление дополнял взгляд Фогеля. О, это был взгляд человековеда и… актёра одновременно! В его серо-зелёных глазах поочередно сменялась целая гамма эмоций: цепкие и хищные, они в одно мгновение могли стать ироничными и даже обволакивающе нежными. Странно, но при этом выражение лица оставалось неизменно бесстрастным.

Гржинек был полной противоположностью консула.

«Рожа никудышняя, ни носа, ни глаз, — отметил про себя Полещук, — никакого выражения — петля от наволочки, да и только. С такой внешностью тебе бы, пан Мирослав, не дипломатом — сыщиком в “наружке” служить: пройдёшь рядом — никто и не заметит…»

Первый секретарь польского посольства Каменский производил отталкивающее впечатление: непропорционально большая голова с огромными залысинами раскачивалась на длинной шее, прикреплённой к щуплому, по-детски хрупкому телу с короткими кривыми ножками. Его надутые пухлые губки демонстрировали преждевременную обиду на весь окружающий мир.

«Ницше, вылитый Ницше! Горба на спине ему не хватает и… ума! А в остальном… Да и закомплексованность — та же. Вообще, давно замечено: чем меньше человек, тем больше его комплексы», — сделал заключение Полещук, понаблюдав за поляком.

Однако самой колоритной фигурой в компании был Гольдман.

Атлетического сложения при росте 180–185 см, тридцати лет от роду, он был воплощением красивого молодого арийца, прообразом «белокурой бестии».

Полещук вдруг представил Гольдмана в форме офицера СС, с автоматом в руках позирующим фотографу на фоне виселицы, где раскачиваются окоченевшие трупы партизан.

Ещё через секунду разведчику пришло в голову, что доктор одинаково впечатляюще смотрелся бы и во фраке за дирижерским пультом.

«Удивительно многогранная внешность! — подумал Полещук. — Доктор с одинаковым успехом может сойти и за преуспевающего бизнесмена, и звезду киноэкрана, и молодого посла какой-нибудь европейской державы…

Да, пожалуй, Гольдман своей внешностью, манерами, лоском более других присутствующих соответствует образу дипломата… Нет, скорее английского аристократа эпохи Оскара Уайльда… А эта его мальчишеская чувственность с намеком на бисексуальность! Она наверняка сводит с ума и женщин бальзаковского возраста, и нимфеток, и мужчин нетрадиционной сексуальной ориентации… Интересно, кому из них большее предпочтение отдаёт доктор? Ладно, события покажут!»

Посидев минут десять и отразив ещё несколько пикировок доктора, чем навлёк на себя очевидную неприязнь консула, Полещук решил, что настал момент приступить к реализации второго пункта плана: пора вводить в действие «секретное оружие».

За глаза люди о тебе высказываются куда как свободнее и откровеннее, нежели в твоём присутствии. Надо было немедленно «снять информацию» — выяснить реакцию компании на своё неожиданное появление, чтобы знать, как вести себя в дальнейшем.

С этой целью перед визитом в казино Полещук оснастил свой портфель микрофонами, магнитофоном и ретрансляционными приборами. Второй блок шпионской аппаратуры, работавшей на приём, он рассовал по карманам пиджака.

Выразительно посмотрев на часы, разведчик поднялся:

— Прошу прощения, господа, мне срочно надо позвонить в посольство… Телефон, если не ошибаюсь, находится в холле, не так ли?

Интернациональная бригада картёжников в один голос ответила по-английски: «Да!»

Лишь консул, делая вид, что всецело поглощен игрой, ещё больше нахмурил брови и сосредоточенно смотрел в свои карты.

Поведение Фогеля не осталось незамеченным.

«Да ты, старина, никак приревновал меня к доктору! — догадался Полещук. — Успокойся, партайгеноссе Фогель, вот вернусь, и ты свою порцию внимания получишь сполна… Сегодня я вас, тебя и доктора, постоянно буду держать под прицелом, вы оба — мои клиенты в предстоящей игре!»

Разведчик поставил портфель на стул, чтобы случайный посетитель не занял его место, и быстро покинул кабинет, ставший теперь студией звукозаписи и вещания.

Двигаясь в сторону туалетной комнаты, которая на ближайшие десять — пятнадцать минут должна была стать его базой по аккумулированию информации, Полещук на ходу оголил антенну, спрятанную в нагрудном кармане пиджака, а в ухо вставил миниатюрную капсулу, заменявшую громоздкий и

бросающийся в глаза наушник.

«Эх, судьба разведчика! — заулыбался от неожиданно пришедшей мысли Полещук. — Даже отхожее место в случае необходимости надо уметь превратить в исповедальню… И откуда только не приходится черпать информацию!

Ну, давайте, хлопцы-дипломаты, начинайте исповедоваться, выкладывайте всё, что у вас на душе — я, как духовник, готов принять все ваши сокровенные тайны! А грехи я буду отпускать вам за ломберным столом в соответствии с вашей искренностью…»

Закрыв дверь кабинки на щеколду, Полещук поудобнее уселся на унитазе и стал вслушиваться в реплики, которыми обменивались игроки.

После его ухода они должны были почувствовать себя в безопасности, и, по расчётам капитана, хоть чуть-чуть, но пооткровенничать — остались-то все свои.

Ждать пришлось недолго. Уже через минуту перестала звучать картёжная терминология, прекратилось и шуршание сдаваемых карт. Судя по всему, компаньоны приостановили игру, чтобы обсудить более важное событие: появление незваного гостя.

— Этот русский, он же — черт из катапульты! — вскричал поляк. — Нигде от них спасу нет!..

— А что, собственно, произошло, пан Войцех? — Полещук узнал голос консула. — Вам-то чем русские насолили? Через год вы в обнимку с ними будете праздновать тридцатилетие победы над Германией… Что-то я не совсем вас понимаю…

— Да ведь все русские, как один, работают на КГБ… Вы разве не знаете этого, герр Фогель? Он наверняка подослан сюда! — настаивал поляк. — Он же нас всех «заложит», этот Леон! И тогда прости-прощай Гималаи, Непал… А у меня ещё столько янтаря на подходе…

— Ну и что вы предлагаете, пан Каменский? Уж не хотите ли вы, чтобы я на правах главного разводящего в игре выпроводил его отсюда? — парировал консул.

— Нет-нет, герр Фогель, ни в коем случае… Я просто хотел узнать мнение присутствующих, не более… Нам надо выработать какую-то общую стратегию поведения в отношении русского…

Предложение чешского дипломата звучало более радикально:

— Слушайте, господа, а что, если мы его подкупим, а?

— Вы предлагаете дать ему взятку, так что ли надо вас понимать, пан Любомир?! Да он швырнёт вам в лицо ваши же деньги! — запротестовал Каменский.

— Пан Войцех, вы, как обычно, бежите впереди лошади… Подкупить, дать взятку можно по-разному… Можно это сделать

так, как предлагаете вы…

— Я?! Я до такого абсурда ещё не дошёл! Вы за кого меня принимаете, пан Любомир?! Я, видите ли, предложил дать русскому взятку! Вы, именно вы, предложили это сделать, а не я!! — возмущению поляка не было предела.

— Совершенно верно, пан Войцех, именно я предложил подкупить русского, но подкуп осуществить не в лоб, а исподволь… — нисколько не смутившись под натиском Каменского, спокойно произнёс чех. — Скажем, проиграть ему энную сумму, а? После этого у него пропадёт всякое желание докладывать в КГБ о том, что мы здесь собираемся… Ну, каково?

— Ну что ж, это неплохая идея, — откликнулся консул. — Можно считать, что у нас уже наметился запасной вариант нейтрализации русского. Только вот в чём загвоздка, господа. Мы ведь ни разу не видели его в деле. А что, если он из разряда «везунчиков», что, если ему карта валом валит, или, того хуже, он — шулер, а? В таком случае мы с вашим «подкупом исподволь», пан Гржинек, не то что в луже — в заднице окажемся! Молчите? То-то же! Надо сначала дать ему сыграть, предоставить возможность проявить себя, а потом уже хвататься за головы или… за бумажники!..

Вы-то почему молчите, герр Гольдман, будто вы не из нашей команды? Я, конечно, понимаю — вам не грозит проработка на партийном бюро и досрочная высылка на родину за посещение казино, поэтому вам не понять наших опасений, но вы же наш партнёр! Неужели вам безразлично, что наша компания распадётся?

— Я не разделяю ваших опасений, господа, потому и молчу… Раньше я считал, что незнание внушает оптимизм. Слушая вас, я пришёл к другому заключению: ваше незнание внушает вам пессимизм и опасения… Вам, но не мне! Потому что я знаю о русском чуть более вашего! И уж никак не могу согласиться с господином Каменским, что Леон к нам подослан…

— Но откуда такая уверенность?! — вскричал поляк и, тут же взяв себя в руки, спокойно добавил:

— Вы, герр Гольдман что-то не договариваете… Уж будьте так добры, просветите нас, чтобы мы не громоздили тут нелепицы на небылицы… Поделитесь вашими знаниями о русском, вашей осведомлённостью… Ну, невежды мы, что поделаешь!

— Вы преувеличиваете не только опасность, исходящую от русского дипломата, господин Каменский, но и мою осведомлённость… Я не ошибся, сказав, что знаю о нём чуть более вашего… Но это «чуть-чуть» позволяет мне не согласиться с вашим видением русского атташе и с вашими выводами в его

отношении… Одна случайная встреча подсказала мне, что наш новый знакомый — азартный и весьма увлекающийся мужчина… Полагаю, что он пришёл сюда в поисках острых ощущений, а не для того, чтобы выследить, а затем «сдать» вас, пан Каменский, вашим партайгеноссе из парткома! Думаю, ваши опасения безосновательны…

— Да что вы всё ходите вокруг да около, герр Гольдман! — не выдержал поляк. — Говорите же наконец по существу, не дети ведь перед вами! Вы будто молитву перед обедом читаете, или проповедь на паперти… Извините, доктор, нервы…

— Может быть, господин Каменский, вы и правы — я несколько затянул вступление… Ну так вот, теперь по существу. Только должен вас предупредить, сначала мне придётся говорить не о русском, а о других, более известных вам персонажах. Так что не торопите меня!..

Вы, конечно, помните громкий скандал в итальянском посольстве, когда в прошлом году повесился их молодой вице-консул… К сожалению, забыл его имя…

— Альдо… Альдо Бевилаква, — подсказал всезнайка Фогель.

— Вот-вот — Альдо! — обрадованно произнес австриец и тут же, поняв свою оплошность, с трагической ноткой в голосе добавил:

— Я тогда был приглашён в итальянское посольство, чтобы составить заключение о смерти… Ну вы же знаете, что до введения в эксплуатацию американского культурного центра я был единственным врачем-иностранцем в Катманду.

Приходилось выступать в разных ипостасях — я был и оперирующим гинекологом, и терапевтом, и даже психиатром… Всё это позволило мне проникнуть в такие тайны проживающих здесь европейцев и американцев, которые не снились ни непальской полиции, ни местной службе безопасности. Пациенты раскрывали мне такие секреты, которыми, быть может, не всякий приговорённый к смерти преступник поделится с причащающим его священником.

Словом, о тех людях, живых или мёртвых, к которым меня затребовали, я узнавал всё. При этом никогда инициатива не исходила от меня, то есть я нисколько не стремился что-то выведать, отнюдь. Если я и задавал вопросы, то лишь с одной целью — чтобы правильно поставить диагноз, не более…

Австриец умолк, налил себе «кока-колы» и стал не торопясь, мелкими глотками пить. Дипломаты, заинтригованные его рассказом, неотрывно следили за каждым его движением.

* * *

«Черт возьми, теперь ясно, почему гэдээровский консул так обхаживает доктора! — заёрзал на унитазе Полещук, услышав последние слова Зильбермана. Если я правильно оценил Фогеля и он, действительно, — агент «Штази», значит, он участвует в вербовочной разработке австрийца…

Стоп! А может, он, как и я, “сидит под корягой” — работает под дипломатическим прикрытием, а на самом деле — восточногерманский разведчик? Но почему же мне об этом не сообщил мой “резак”, полковник Тимофеев? Впрочем, какая к черту разница, в какой ипостаси, агента или разведчика, выступает Фогель! Дело не в нём. Главное — это доктор, который представляет безусловный интерес для любой спецслужбы. Он — находка, вездеход, имеющий в силу своей профессии возможность проникать туда, куда простому смертному не попасть и за огромные деньги! Молодцы ребята из «Штази», на призовую лошадку поставили, со временем она вас озолотит…

А ведь я тоже непромах — догадался-таки, что за птаха этот Фогель!..»

Вдруг Полещука осенило. От волнения он даже привстал со стульчака.

«Стоп, Лёня, стоп! Ты полагаешь, что этого неотразимого Бруно Гольдмана консул изучает в плане вербовки?! Окстись, Лёня, ты — просто наивняк! — выругал себя Полещук за ранее выдвинутые и, как теперь ему казалось, опрометчивые предположения. — Вспомни, как консул буквально прожигал тебя взглядом, будто лазером, во время твоих пикировок с Гольдманом. А как он заёрзал на стуле, когда ты пару раз похлопал доктора по плечу!..

Фогель влюблён в доктора, он ревнует тебя к австрийцу и даже не пытается этого скрыть! Стоп! А, может, у этих арийцев любовный роман! Что ж, вполне может быть, что эти двое страдают “болезнью аристократов”… Во всяком случае поведение консула — красноречивое тому свидетельство…

Всё, с завтрашнего дня вплотную занимаюсь этими двумя персонажами!

Значит так, телеграммы-молнии в Центр, а пока придут ответы, надо максимально подизучить эту любовную парочку через местную агентуру… Ведь если я на правильном пути, консул с доктором должны где-то встречаться — не в казино же они любовью занимаются!..

Так, кто у меня из агентов имеет подход к гостиницам? Ну да, конечно, недавно завербованный агент “Чанг”,он же полицейский! А что если эти “голуби” любовным утехам предаются на вилле доктора? У консула её нет — гэдээровские

дипломаты живут, как в общежитии, в одном доме…

Ну что ж, и в этом случае мне поможет “Чанг”.Опросит прислугу доктора, страху напустит… Да и напускать не надо — аборигены, они все заодно и против бледнолицых… В общем, сумеет! Ведь ни одно любовное свидание, даже если оно проводится в условиях максимальной конспирации, от челяди никогда не утаить. Греховными следами могут являться и измятые или испачканные простыни, и наволочки, и забытый в ванной комнате перстень, и чужие волосы в гребне хозяина, да мало ли что ещё, о чем может знать только прислуга!

Словом, за работу, Лёня!

Ну а если всё-таки консул — мой коллега, изучающий австрийца в плане вербовки, тогда что? Идея! Почему бы мне не опередить его, закрепив за собой права на Гольдмана… Кто-то же всегда старается сильнее!..

Короче, кем бы не являлся консул, если у него роман с доктором, мне ничто не мешает завербовать эту “голубую” парочку и заставить её работать на себя! Эстетствующих арийцев-извращенцев у меня на связи ещё не было!

Н-да, дела… Кто бы мог подумать, что в Непале, на задворках мировой цивилизации, можно обнаружить такую коллекцию из явных и тайных сотрудников спецслужб любой, даже “голубой” окраски?!

Стоп! А что это там доктор говорил о нашей с ним случайной встрече? Уж не путаете ли вы, герр Бруно, меня с кем-либо?

Ладно, надо дослушать выступление доктора до конца, а там видно будет…»

* * *

— Когда я прибыл чтобы освидетельствовать труп и составить заключение о смерти, — продолжил свой рассказ доктор, — я уже знал наверняка, что мне предстоит иметь дело с так называемым диалогическим видом самоубийства, это когда в конфликт потенциального самоубийцы включено ещё какое-либо лицо, которое, как правило, и является причиной психологического кризиса, корнем зла. В таких случаях уход из жизни совершается потерпевшим из желания вызвать к себе сочувствие или собственной смертью наказать обидчика. До конца доводится лишь небольшое количество таких самоубийств, и то чаще всего по несчастливому стечению обстоятельств: собирался припугнуть, но допустил либо передозировку, либо поспешность…

Что, кстати, и произошло с беднягой Альдо… Он накинул

себе петлю на шею и повесился в столовой своей виллы в тот самый момент, когда там обычно появлялся мажордом, чтобы накрыть на стол. Мажордом замешкался в винном подвале и когда вошёл в столовую, было уже поздно…

О том, что я столкнулся именно с такой шантажно-демонстративной попыткой самоубийства, свидетельствовала и составленная покойным предсмертная записка, в которой он просил прощения за свой поступок, у кого бы вы думали? Нет, не у Господа Бога и не у своих родителей… Он просил прощения у своей возлюбленной!..

— Но при чем здесь итальянец и его возлюбленная, если мы собираемся выстроить линию обороны против русского! — перебил Гольдмана поляк.

— Послушайте, пан Каменский! — не выдержал консул. — Вы или молча выслушайте до конца доктора, или сходите проветриться, пока мы здесь без вас примем решение! — и, перейдя с английского на немецкий, Фогель грязно выругался и попросил Гольдмана продолжать.

— Надо сказать, господа, что самоубийство итальянца для меня не было такой неожиданностью, как для его коллег из посольства… Дело в том, что незадолго до своей смерти Бевилаква обратился ко мне, и я консультировал его, выступая в качестве психоаналитика или психотерапевта, — суть не в определении характера консультаций, а в том, что я выяснил о его взаимотношениях с любимой женщиной…

— Герр Гольдман, а кто она, как её зовут? — опять не выдержал поляк.

Доктор не успел ответить, потому что Фогель, отбросив дипломатическую этику, заорал, как фельдфебель на плацу. Да так громко, что Полещук выхватил из ушной раковины капсулу с такой поспешностью, будто это была пчела.

— Вы закроете наконец рот, пан Каменский, или мне на правах старшего придётся попросить вас уйти?! Послушайте, а может, вы хотите сорвать нам игру с русским и поэтому всячески мешаете герру Гольдману сделать сообщение? Тогда убирайтесь отсюда немедленно, трус!

— Ну что вы, герр консул, как можно обо мне так подумать… Впрочем, извините… Нервы, понимаете ли… С этого момента я нем, как рыба! Прошу вас, герр Гольдман, продолжайте… Считайте, что меня здесь нет…

— Итальянец рассказал мне историю своей любви, — пересев в другое кресло, подальше от пана Каменского, продолжал австриец, — и вот что выяснилось, господа…

Я, с вашего позволения, опущу не относящиеся к

самоубийству Альдо подробности его знакомства с этой роковой женщиной, скажу лишь, что инициатором их отношений был не он — его возлюбленная. Хотя, как мне признался итальянец, он страстно желал этой связи, но сам бы никогда не решился сделать первый шаг…

И дело не только в том, что женщина была ослепительно красива, она вдобавок была много старше Альдо. Он догадывался об этом, но не подозревал, что разница так велика — тринадцать лет. Ему было двадцать пять, ей — тридцать восемь. Роковое число, потому что её дочери тоже было тринадцать…

Но об этом он узнал позже, а сначала они сняли виллу и стали жить вместе. Что это была за жизнь, я мог судить по отдельным высказываниям покойного.

Ну, во-первых, он мне заявил, что через три месяца с момента заключения ими гражданского брака он стал забывать местоимение «Я», так как все решения за него принимала возлюбленная. Альдо же в их содружестве — назвать их временный союз семьёй у меня не поворачивается язык — не имел даже совещательного голоса.

Она распоряжалась им, как хотела. Ну, к примеру, она могла разбудить его в три часа ночи, потому что ей захотелось попробовать пиццу или спагетти «а ля наполетана»…

И что вы думаете? Бедняга становился к плите, чтобы удовлетворить мимолетный каприз возлюбленной.

Когда пицца была готова, она заявляла, что хочет мороженого…

В четыре часа утра, доставив мороженое из ночного ресторана, несчастный Ромео узнавал, что его краля хочет ананас…

И так повторялось по три раза на неделе!

Случались вещи и посерьёзнее. Бевилакву собирались перевести на работу в итальянское посольство в Вашингтоне — возлюбленная категорически отвергла это предложение. С её слов, это помешало бы её служебному росту. И где?! Здесь, в Катманду!

И это при всём том, господа, что обычно у женщин на первом месте — чувства, а не работа. Кроме того, женщины, как правило, очень серьёзно воспринимают партнёра, но не очень серьёзно себя. В случае же с Бевилаквой всё было наоборот…

Некоторое время спустя итальянец из оставленного на прикроватной тумбочке письма узнал истинную причину, по которой женщина отказалась ехать в Штаты. В Вашингтоне проживали её родители, у которых на иждивении как раз и находилась её дочь. Тогда же несчастный узнал и возраст своей

возлюбленной…

И вы знаете, как она отреагировала на эти его открытия? Просто съездила в Женеву и во всемирно известной клинике сделала косметическую операцию по омоложению кожи лица, разумеется, на деньги суженого…

Я недавно встретил её в культурном центре. Поверьте, сейчас она выглядит много моложе, чем два года назад, то есть когда Бевилаква пал жертвой её чар…

Сегодня ей и тридцати не дашь, а ведь она уже вплотную подобралась к сорокалетнему рубежу!..

Австриец обвёл притихших компаньонов протяжным взглядом, снова отхлебнул «кока-колы» и ритмично, как метроном, продолжил повествование:

— Во время второго сеанса я спросил итальянца, что в этой женщине такого, что его держит подле неё почти два года. Знаете, что он мне ответил?

«Синьор Гольдман, если бы я был на вашем месте, я бы тоже задал себе подобный вопрос. Но ответить на него толком не могу. Половине своих поступков я не нахожу объяснений. Единственное, в чем я абсолютно уверен: я не могу без неё, но и с нею тоже…

Наша совместная жизнь превратилась в ад сплошных скандалов, бесконечную цепь её придирок ко мне… Я очень устал и не знаю, что делать… Я чувствую себя собакой, которую потерял хозяин. Только вот в чём вопрос: кто хозяин меня самого? Я или она?

Я сейчас в очередной раз пытаюсь оторвать себя от неё — я ушёл, порвал с нею… Но как долго будет продолжаться моё одиночество, я не знаю, я не уверен в самом себе, поэтому, доктор, я и решил прибегнуть к вашей помощи.

Вы знаете, кто такой зомби? Так вот, ей удалось меня зомбировать. Я боюсь, что она позвонит и скажет “приходи”, я всё брошу и пойду. Мне стыдно признаться, что я дважды пытался в её присутствии выброситься из окна, но… И это была не показуха! Я действительно был на грани срыва. Почему был?! Я уже сорвался и продолжаю лететь в пропасть… Помогите мне, синьор Гольдман!»

— Более двух часов я пытался объяснить ему положение, в котором он оказался. Я сказал ему, что она старше, опытнее и сильнее. Когда они сошлись, она остановила его в развитии. У него начался затяжной прыжок через его возраст. Прыжок через себя, который ему никак не удавался, потому что был противоестественен. Сама природа тому противилась!

Я пытался убедить его, что в поисках «мира» в доме он

напрасно прощает своей возлюбленной все её выходки. Потому что в перспективе постоянная напряженность может привести его к депрессии.

Ещё в течение часа я безуспешно втолковывал ему, что если его женщина не склонна к компромиссам, то ни о каком равноправии нет и речи.

Я доказывал ему, что она попросту использует его в своих корыстных интересах. Ну хотя бы для удовлетворения своего либидо, своих половых потребностей. Всё оказалось без толку…

У меня были и другие соображения на её счёт, но тогда я не решился посвящать его в них. Я лишь предложил ему пройти несколько сеансов гипноза, прописал транквилизаторы. Увы, через день его не стало…

Ещё тогда, во время нашей последней встречи, я подумал, что ему тяжело не только потому, что он не успел сформироваться как мужчина и поэтому не в силах противостоять её натиску. Дело было не столько в нем, сколько в н е й!

Мне и до сих пор она представляется женщиной-вампиром. Этаким комбинированным образчиком энергетического вампира и женщины-тирана…

Думаю, что Бевилаква — не первый молодой мужчина, который попал под пресс её очарования и… садо-мазохистских наклонностей. Затрудняюсь сказать, все ли мужчины, которых она сумела в разное время в себя влюбить, кончали так, как это случилось с беднягой итальянцем, но то, что он не последний — в этом я абсолютно уверен!

Она попросту не мыслит своего существования без молодых мужчин, которые, влюбившись в неё до беспамятства, подпитывают её своей энергией. Лишив заложенного в них природой ресурса жизненных сил, разрушив охранный барьер их психики, она таким образом доводит их до самоубийства. А затем принимается за нового. И, заметьте, с формальных позиций закона её не в чем упрекнуть! Всё ведь списывается на неуравновешенный характер её жертвы-любовника, на несчастную любовь, наконец…

Доктор умолк, поочерёдно посмотрел в глаза притихшим от впечатлений компаньонам и тихо произнёс:

— Надеюсь, господа, вы не видите в вашем покорном слуге клятвоотступника, нарушившего завет Гиппократа? Я ведь только с вами так откровенен… Никому из аккредитованных здесь дипломатов, журналистов и прочих лиц я ничего не рассказывал, хотя некоторые и пытались использовать меня в своих целях как источник информации…

— Ну что вы, герр Гольдман, — ответил за всех консул, — мы

же прекрасно понимаем, что самоубийство итальянца — дело прошлое, поэтому рассказанные вами подробности его отношений с некой женщиной-демоном сегодня уже никто не сможет использовать ему во вред…

Что же касается его возлюбленной, то с нею вас клятва Гиппократа никак не связывает… А всё нами услышанное умрёт в этом кабинете, даю вам слово джентльмена!

— Кстати, герр Гольдман, — вкрадчиво обратился к доктору Фогель, — вы сказали, что недавно встретили эту женщину-вамп в культурном центре… Полагаю, что даже если мы не так молоды, как бедняга Альдо, риск угодить в её сети имеется у каждого из нас… Как её зовут?

— Сэлли Грэйвс…

В ту же секунду Полещук сорвался с унитаза, выбил закрытую на щеколду дверь и в несколько прыжков очутился на пороге кабинета, где десятью минутами раньше он оставил своих потенциальных партнёров. Партнёров? Нет, не только партнёров — интриганов и заговорщиков!

В следующей тираде, и Полещук был в этом совершенно уверен, Гольдман, идя навстречу пожеланиям компаньонов, должен был связать его имя с Сэлли, рассказать не только об упомянутой им случайной встрече, но и, что хуже, выложить свои умозаключения. А вот этого допустить разведчик никак не мог!

Войдя в кабинет, Полещук понял, что успел вовремя прервать откровения австрийца.

Облегчённо вздохнув, он с улыбкой, от которой должны были растаять снега на Эвересте, спросил:

— Господа, я не очень долго отсутствовал? Вы знаете, у меня и в самом деле появилось желание присоединиться к игре, если, конечно, вы не возражаете…

Разведчик заметил, как недобро сверкнули за стёклами очков глаза польского дипломата. Встретившись взглядом с Полещуком, он поспешил скрыть лицо за веером карт.

Гольдман и Гржинек оторопело смотрели на русского. Похоже, что теперь и они готовы были согласиться с определением, данным ему паном Каменским: «черт из катапульты». Второй раз за какие-то полчаса он вторгается в кабинет, когда его там меньше всего ожидают. Лишь консул при появлении Полещука многозначительно ухмыльнулся…

Глава пятая. К барьеру, шулер!

Первым пришёл в себя Фогель.

— Похвально, господин атташе! Очевидно, тот, с кем вы вели телефонные переговоры, сумел настроить вас на боевой лад. Браво! Знаете, как порой не хватает в нашей компании свежих идей, какого-то необычного поворота в игре, непривычных ставок, наконец. Думаю, с вашим приходом всё изменится в наших турнирах…

— Итак, вперёд, к барьеру! — воскликнул Фогель и с присущей ему ловкостью открыл карту, которую сдал ему банковавший на этот раз Гольдман.

Консул выиграл, и доктор достал из бумажника несколько хрустящих банкнот.

Каменский, разогреваемый внутренней злобой на русского, сразу поставил на кон пятьдесят долларов и вскоре удвоил банк. Поляк выиграл, и Гольдман вновь достал доллары из бумажника.

Каменский хотел было выйти из игры, но консул, не считая денег, бросил:

— Ва-банк! — и проиграл.

Одним движением он выхватил из кармана сумму проигрыша, швырнул деньги на стол и объявил:

— Ещё раз ва-банк!

Гржинек вышел из игры, Гольдман снова взял банк на себя и сразу бросил карту Полещуку. Разведчик выиграл, затем проиграл, потом снова выиграл, проиграл…

Так продолжалось около двух часов, в течение которых Полещук ни разу не держал банк. Делал он это с умыслом: надо было распалить игроков.

Разведчик собирался довести партнёров до нужной кондиции, а затем, завладев банком, пустить в ход известные ему шулерские приёмы.

«Сегодня вы все уйдёте отсюда в одних трусах, потому что на меньшее я не согласен!» — мысленно приговорил всех сидящих за столом Полещук.

Когда банк перешёл к консулу, все почувствовали, что наконец начинается серьёзная игра.

Он проиграл, однако, вопреки традиции, тут же заложил новый банк. Опять проиграл и опять стал держать следующий, третий по счёту банк. Никто не возражал, потому что все были в выигрыше, и Полещук больше всех.

Свой первоначальный капитал, триста долларов, одолженные у Сэлли, он спрятал поглубже в карман, решив ни в коем случае

ими не рисковать. Затем он сам заложил банк, вскоре удвоил его, снял, и в дальнейшем счастье уже не изменяло ему и при других, часто сменявших друг друга банкометах.

Сумма в тысячу долларов, которую он должен был вернуть в кассу резидентуры, уже была превышена на пару сотен долларов, когда консул предложил прервать игру и промочить горло чем-нибудь покрепче.

— Угощает тот, кто больше всех выиграл! — скомандовал Фогель.

Полещук, полагая, что это традиция клуба, с готовностью нажал кнопку вызова официанта.

Восточные демократы и Гольдман от виски отказались, предпочтя ему местное сухое вино.

Полещук, находясь в превосходном расположении духа, распорядился принести каждому по бутылке вина — знай наших, оборванцы с восточной окраины Европы! — себе же заказал бутылку любимого напитка — виски.

— Судя по объёму вашего заказа, — вкрадчиво произнес консул, — вы намерены играть до утра, не так ли, господин атташе?

— А почему бы и нет! — воскликнул Полещук.

— Видите ли, господин атташе, независимо от того, как складывается игра, мы играем только до часу ночи и ни минутой дольше… Такова традиция!

Полещук посмотрел на часы. Было без четверти двенадцать.

— Ну, тогда к барьеру, господа, не будем терять времени!

Фогель оценивающе посмотрел на Полещука. Лицо разведчика пылало азартом: глаза сверкали, ноздри подрагивали, как у охотничьей собаки, учуявшей добычу.

«Ну что ж, — принял решение консул, — придётся взять на себя ещё и роль официанта. Ваш стакан, Леон, или как там вас зовут, ни секунды не будет пуст… Да и вообще, пора вводить в действие наше с доктором секретное оружие!»

Остальные присутствующие также обратили внимание, как громко, даже развязно, прозвучало приглашение русского к игре. Да и вообще, в начале знакомства этот Леон вёл себя более сдержанно. Неужели на него так подействовал выигрыш? Нет, скорее всего, ему в голову ударил алкоголь!

Игроки вновь расселись по своим местам, бледный свет мирно струился из-под зелёного абажура, ничто не предвещало бури, а между тем она по воле консула уже нависла над карточным столом…

* * *

Полещук после выпитых двух стаканов виски основательно захмелел и пошёл напролом. При первой же раздаче поставил бóльшую купюру, чем собирался, но выиграл. Эта счастливая ошибка внушила ему уверенность, что судьба ведёт его за руку, и он удвоил ставку. И проиграл. Проиграл и в следующий раз, потом ещё и ещё…

Настал момент, когда выигранной ранее тысяче долларов стала угрожать серьёзная опасность.

Наконец, когда банк перешёл к Полещуку, он, применив все свои шулерские навыки, сумел восстановить статус-кво, более того, довёл свой выигрыш до четырёх тысяч долларов! Сразу вслед за этим он хотел заказать себе ещё одну бутылку виски, но в последний момент передумал…

Каменский и Гржинек вышли из игры, но с неослабевающим азартом следили за схваткой доктора, консула и русского атташе.

— Господа, уже без четверти час, — сказал Каменский.

— Это последний банк, — робко предложил доктор, который понял, что не успеет съездить домой за деньгами в случае проигрыша.

— Нет, заложим ещё — каждый по одному! — заплетающимся языком предложил Полещук.

Консул в знак согласия кивнул головой и тут же объявил такой банк, какого в этой компании ещё не метали, — две тысячи долларов! Каменский и Гржинек, разом охнув, демонстративно отодвинулись от стола.

— Я пас, — едва выдавил из себя доктор.

— Ва-банк! — заорал Полещук и тут же испугался своих слов и даже своего голоса.

Консул открыл девятку, и бумажник разведчика полегчал на тысячу долларов.

— Опять ва-банк! — гаркнул разведчик.

Снова проигрыш. Опрокинув в себя стакан виски, Полещук закурил сигарету, откашлялся и на удивление тихо сказал:

— Ещё раз ва-банк…

Консул молча открыл свою карту. Девятка? Никто не назвал её, и всё-таки присутствующие поняли, что карта была именно этого номинала.

Полещук почувствовал лёгкое головокружение, выхватил из кармана платок, вытер взмокший лоб и обвёл партнёров взглядом. Гольдман не сводил с него гипнотизирующего взгляда.

«Странно, — мелькнула мысль в затуманенном мозгу разведчика, — что это доктор на меня так уставился… Он не сводит с меня глаз с тех пор, как я впервые стал банкомётом… Да и вообще, как, черт возьми, быстро всё произошло! Минутой

назад я был обладателем трёх тысяч долларов, и вдруг! Ну ничего, тысяча ещё есть, значит, есть надежда…»

Полещук вынул из бумажника пять купюр.

— Пятьсот? — бесстрастно спросил консул.

Разведчик кивнул и открыл брошенную ему карту. Восьмерка. Консул прикупил. Девятка.

Половина остававшейся у Полещука суммы была проиграна. Он покачал головой, словно не хотел с этим соглашаться. И поставил последние 500 долларов.

Через секунду ушли и они.

«Черт подери, ну до чего же не везёт! — мысленно выругался разведчик. — За десять минут проиграть четыре тысячи долларов, мыслимое ли дело?! Да расскажи я об этом кому-нибудь из сослуживцев, они назовут меня дешёвым болтуном… Да и, действительно, не сказка ли всё здесь происходящее?! Нет, скорее, театр абсурда с участием двух актёров в главной роли!»

— Господин атташе? — раздался голос консула.

Полещуку показалось, что он прозвучал в соседней комнате — в висках молотом стучала кровь, а уши — будто заложены ватой. К тому же ещё больше стала кружиться голова.

«Неужели на меня так подействовало спиртное? — не переставал удивляться своему поведению разведчик. — Но я ведь и бутылки ещё не осилил! Нет, явно что-то не так: говорю не то, что хочу, делаю не то, что собирался… Прямо наваждение какое-то!»

В знак протеста — «Наши просто так не сдаются!» — Полещук помахал рукой перед носом Фогеля и вынул оставшиеся триста долларов. Поставил 50. Выиграл. Снова поставил 50 и опять выиграл.

Фортуна подмигивала ему одним глазом — решайся!

Громко рассмеявшись, Полещук взял стакан виски, за секунду до этого услужливо наполненный консулом, и неспеша выпил. С трудом удерживая своё тело в вертикальном положении, обратился к доктору, который по-прежнему не сводил с него глаз:

— Не будете ли так любезны, господин Голь… Голь… господин доктор, одолжить мне тысячу долларов… Вы же видели — сегодня мой день, я выигрываю!

— Мне бесконечно жаль, господин атташе, но я проиграл всё…

Вслед за этим консул, не пересчитывая, небрежно подвинул Полещуку несколько купюр.

— Прошу вас, господин атташе! Здесь ровно тысяча. Возьмёте карту?

— Почему бы и нет! — рассмеялся Полещук.

— Сколько ставите, господин атташе?

— Всё!

Разведчик взял карту, Фогель со своей преувеличенной медлительностью — тоже.

Семерка. Нет, он не собирается прикупать. Впрочем, консул, даже не спросив его, открыл свою. Восьмёрка. Проклятье!

Фогель безмолвно подвинул разведчику стопку банкнот:

— Здесь две тысячи… Прошу вас, господин атташе, возьмите.

«В благородство играешь, сука, ну-ну… Сейчас посмотрим, чья возьмёт!» — подумал Полещук и тут же объявил:

— Две тысячи, господин консул!

— Две тысячи?

— Конечно, господин консул.

Полещук ничего не прикупил, у него была семерка. А консул вынужден был прикупить.

На этот раз немец изменил своей привычке — поспешил. И было из-за чего! К своей двойке он прикупил семерку пик. Итак, у него ровно девять очков. Впрочем, достаточно было и восьми, чтобы две тысячи вернулись к нему.

После этого их обладателем сразу же стал разведчик. Потом он выиграл ещё. Сколько у него? Три или четыре тысячи?

Не стоит считать — это приносит несчастье!

И так как Полещук уже не знал, сколько он, собственно, должен, он снова поставил две тысячи.

Пришла четверка пик. Мало! К ней надо прикупить. Получил шестёрку пик. Перебор на одно очко. Проклятье! Открыли карты. Оказалось, что консул преспокойненько выжидал, имея на руках всего лишь тройку. Сволочь! Уж не шулерничает ли этот старый змей, консул?!

Две тысячи ещё несколько раз пересекли стол, как вдруг за окном пробили часы на королевском дворце.

— Последний раз! — вскричал Полещук и придвинул ворох купюр к центру стола.

— Сколько?

— Всё!

Восьмерка — до выигрыша рукой подать! Но почему молчит консул, не отрывая взгляда от своей карты?!

Наконец Фогель с непроницаемым лицом, ставшим бледнее обычного, показал присутствующим — нет, не русскому атташе, с которым вёл дуэль уже более часа, а остальным игрокам, затаившимся, как мыши перед рассветом, — свою карту. Девятка…

— Итак, господин атташе, уговор дороже денег… Сейчас две минуты второго, а мне вы должны… — консул выдержал

секундную паузу, рассматривая разбросанные по столу купюры. — Мне вы должны шесть тысяч… Долларов! Полагаю, мы можем обойтись без расписки?

— Конечно, — вскричал Каменский, — мы все здесь свидетели!

* * *

Усадив едва державшегося на ногах Полещука на заднее сиденье такси и расплатившись с водителем, консул и доктор вернулись к ломберному столу.

Гржинек сладко похрапывал, забравшись с ногами в глубокое кресло.

Каменский, упёршись подбородком в сложенные на столе руки, не сводил остекленевшего взгляда с разбросанных по столу банкнот. Он устало повернул голову в сторону вошедших. Но вдруг оживился, вскочил на ноги и ринулся навстречу Фогелю.

— Господин консул, я требую объяснений! Зачем вы раскрутили русского на такую огромную сумму?! Вы же таким образом подписали всем нам приговор!

Фогель, даже не удостоив скандалиста взгляда, обеими руками сгрёб деньги в кучу и стал сосредоточенно сортировать банкноты согласно их номиналу.

— Нет-нет, господин консул, я никогда не думал…

— Наконец-то вы признались, пан Каменский, что «никогда не думали»! — торжествующе воскликнул консул. — Я давно подозревал вас в бездумном отношении ко всему, что находится за пределами ваших операций с янтарем, но воспитание не позволяло мне сделать вам замечание… Слава Богу, теперь вы сами признались в отсутствии мыслительных способностей! Да знаете ли вы, что благодаря вашим потугам за карточным столом я едва не стал банкротом?!

Консул взглянул на ставшего пунцовым Каменского и, догадавшись, что тот близок к коллапсу, уже примирительно произнес:

— Ладно, прочь склоки, давайте объяснимся… Если вы заметили, в начале игры я старался придерживаться намеченной тактики. Той, которую предложил пан Гржинек — дать русскому немного выиграть у нас… Но это был первый импульс.

А как говаривал незабвенный мсье Талейран: «Бойтесь первого импульса, ибо он, как правило, благороден!» Вот тогда-то, вспомнив наставление искуснейшего из дипломатов, я решил не играть в благородство, а сделать наоборот…

— То есть?

— То есть выставить русского из денег. Поверьте, эта мера будет иметь значительно большее воздействие на него, чем если бы мы дали ему выиграть какие-то крохи… Теперь он до конца своего пребывания в Катманду прикован к нашей колеснице… Он не в состоянии одним махом погасить свой долг в шесть тысяч долларов, не так ли?

— Безусловно, герр консул! — с готовностью солдата срочной службы ответил поляк.

— А раз так, то ему ничего не остаётся, как молчать и потихоньку отыгрываться… Я надеюсь, вы, пан Каменский, не будете настаивать на единовременном погашении русским его долга… Мы же не в XIX веке живём, или я не прав?

— Конечно-конечно, герр Фогель… Да и какие претензии могут быть у меня к русскому? Он же должен вам, а не мне!

— Вот для того, чтобы он остался должен только мне, я и взял всю игру на себя… Впрочем, была ещё одна причина, заставившая меня действовать по собственному уразумению…

— Интересно, какая?

— Русский дипломат, он — шулер… Вы заметили, как резво он выиграл у меня более трёх тысяч? А всё оттого, что распоряжался колодой. Он — мастер передёргивать карты! Да разве только это… Но уж когда банковать стал я, извините, пришлось преподать наглецу урок хорошего тона, нет — высшего пилотажа! Чтобы он не подумал, что набрёл на простачков, которые впервые держат в руках инструменты…

— Простите за откровенность, герр Фогель, но как вы можете определить, кто шулер, а кто — нет, если сами не владеете шулерскими приёмами?!

— Я о них забываю, играя с вами… А когда встречаю за столом настоящего шулера, сразу же их вспоминаю…

— Вот так сюрприз! Сюрприз и предостережение всем нам… Оказывается, вы, герр Фогель, тоже можете быть искренним… иногда!

— Кстати, о сюрпризах, — вмешался в перебранку Гольдман. — У меня тоже есть один… Знаете, куда отправился ночевать русский атташе? Таксисту он назвал адрес Сэлли Грэйвс!

— Да, действительно, сегодня у нас вечер сюрпризов, — процедил сквозь зубы консул и, кивнув в сторону захрапевшего Гржинека, добавил:

— Похоже, он — единственный из нашей компании, кому наплевать на все наши… сюрпризы!

Глава шестая. Арийский тандем

На следующее утро Полещук проснулся раньше обычного от страшной головной боли. Самое примечательное было в том, что он не испытывал чувства похмелья, как это бывало после основательного «перебора».

«Да и что я такого, черт побери, вчера выпил? Пустяки, даже бутылку виски не уговорил! Раньше со мной ничего подобного не происходило. Нет, здесь что-то не так… Уж не подсыпали мне партнёры чего-либо в виски?..»

Осторожно, чтобы не разбудить Сэлли, разведчик выпростал ноги из-под одеяла и нагишом отправился на кухню. Выпил сразу две таблетки аспирина и пару чашек крепчайшего чая — полегчало.

Часы показывали начало седьмого.

«Слава Богу, что сегодня выходной день и не нужно ехать в резидентуру… Впрочем, с “Чангом”всё равно надо будет встретиться, но это — ближе к вечеру. — Полещук вспомнил о своём ночном намерении выяснить характер взаимоотношений консула с доктором. — Так, а сейчас, пока спит Сэлли, надо, не теряя времени, ещё раз прослушать вчерашние откровения австрийца и, вообще, весь разговор моих компаньонов, черт бы их всех побрал, особенно консула! Может, найдётся какая-то деталь, зацепка, на которую я вчера не обратил внимания…»

Полещук принес на кухню пиджак и портфель. Вытаскивая из карманов аппаратуру, вдруг наткнулся на клочок бумаги, на котором было начертано:

«Дорогой друг, я не тороплю Вас с возвратом 6000 $. Искренне Ваш Курт». Подпись и число.

«Значит, консул был настолько уверен, что я ничего не вспомню из ночных событий, и поэтому решил оставить мне автограф. А вот это уже промашка, партайгеноссе Фогель, да ещё какая! И не потому, что вы засомневались в моей памяти, нет. Ошибка ваша в том, что я теперь не только имею образец вашего почерка, но и текст, который, в зависимости от складывающихся обстоятельств, можно будет очень выгодно использовать. Всё будет зависеть от того, кому я подам этот материал и как я его буду интерпретировать…

Ну что ж, пеняйте на себя, Курт. Обрадовавшись выигрышу, а потом испугавшись, что можете его не получить, вы из-за своей жадности загнали себя в капкан!»

Интригабельный ум Полешука, словно ЭВМ, немедленно выдал несколько вариантов, как он в будущем сможет

использовать оказавшееся в его руках послание.

Во всех спецслужбах, будь то разведка или контрразведка, существует своё разделение труда, зависящее от личных качеств сотрудников.

Есть блестящие вербовщики, которые не в состоянии связно изложить свои мысли на бумаге, и, наоборот, есть виртуозы пера, способные грошовое мероприятие преподнести битвой при Ватерлоо.

Есть блестящие руководители крупных коллективов, которые могут оказаться совершенно беспомощными на боевом поле, и, наоборот, есть простые оперы, чей изобретательный и безжалостный ум в состоянии родить такую интригу, от которой целый департамент противника будет стоять на ушах.

К последнему разряду оперработников как раз и принадлежал Полещук.

«Ну, к примеру, партайгеноссе Фогель, я через какого-нибудь своего агента доведу до сведения гэдээровского посла, то есть вашего непосредственного начальника, что вы даёте деньги в рост местным торговцам или бизнесменам. А в подтверждение обвинений агент приложит к о п и ю этой писульки. У вашего посла возникнет естественный вопрос, откуда у вас, при вашей нищенской зарплате, могут быть лишние деньги? Значит, вы имеете дополнительный приработок! А законен ли он, если вам по роду деятельности категорически запрещено подрабатывать на стороне?! Да разве только это… Вопросы, вопросы и вопросы, которые вам будут задавать там, где на них ох как трудно найти убедительные ответы…

Да, поторопились вы, товарищ Курт, и сами же себя загнали в ловушку! И, собственно, из-за чего? Из-за жадности! Ну что ж, жадность, она и более выдающихся людей, не чета вам, губила… Вы решили напомнить мне, что я должен вам шесть тысяч долларов, не так ли, товарищ Курт? Так вот теперь за эту же сумму вы у меня своё послание и выкупите. Сами напросились, уж не взыщите!

В общем, считайте, что письменная контрольная вами провалена, теперь послушаем ваши устные реминисценции, может, и там найдётся масса ошибок…»

Прослушивая магнитофонную запись, Полещук делал пометки в своём блокноте, а иногда переписывал целые фразы — пригодится. Разумеется, особое внимание он уделил рассказу Гольдмана об отношениях Сэлли с итальянцем.

Разведчик ещё и ещё раз возвращался именно к этому фрагменту, но не потому, что испытывал какое-то наслаждение от сознания своего превосходства над безвольным Бивилаквой и

Сэлли, женщиной-вамп, которая, по словам доктора, загонит в петлю ещё не одного молодого мужика. Отнюдь!

Тиран в отношениях с женщинами, Полещук в душе посмеивался над рассуждениями Гольдмана, будучи совершенно уверен, что та участь, которая постигла неврастеника-итальянца, ему не грозит.

Интуиция подсказывала ему, что именно в высказываниях доктора присутствует разгадка, ключ к его вчерашнему проигрышу и сегодняшнему тяжёлому, но отнюдь не постпохмельному, состоянию. Однако всякий раз у него не хватало терпения дослушать рассказ австрийца до конца.

Наконец, отчаявшись найти какую-либо зацепку, Полещук оставил включённым магнитофон и обратился к своим записям в блокноте. В тот же момент его слух поразила фраза, произнесенная доктором по завершении повествования:

«Я лишь предложил ему пройти несколько сеансов гипноза, прописал транквилизаторы».

Полещук выскочил из-за стола и в диком возбуждении начал вышагивать по кухне.

«Вот тебе, Лёня, и разгадка, вот тебе и объяснение, почему вчера ты продул партию! Значит, в тот момент, когда банк перешёл в руки Фогеля, эта австрийская сволочь начала меня гипнотизировать! То-то он не сводил с меня глаз… А я-то, наивняк, положился на своё умение вовремя передёрнуть карту, всего-то! Н-да, против лома нет приёма… Разве мог я вчера со своими допотопными “мульками” тягаться с дипломированным гипнотизёром?!.

В своё время мне приходилось сражаться с мастаками, которые заранее метят карты или специальные очки надевают, чтобы издали видеть карту противника, но чтоб гипнотизировать партнёра… Нет, увольте, такого среди картёжников я ещё не встречал и не слышал!

Наши преферансисты говорят: “Знал бы прикуп — жил бы в Сочи”. Наивные! Что такое знание прикупа в сравнении с манипуляциями гипнотизёра за карточным столом? Вот кто может безбедно жить — гипнотизёр, и не только в Сочи! В этом я сам вчера убедился…

Н-да, здорово сработал дуэт Фогель — Гольдман! Один, значит, мне виски в бокал без устали подливал, а второй тем временем направлял на меня всю силу внушения… То-то я всякий раз игру невпопад заказывал. Говорил не то, что думал, делал не то, что хотел… И ведь что интересно: бомбардировать меня доктор принялся только после того, как я сорвал крупный куш, раздел консула на целых четыре тысячи долларов! Слаженно

работают арийцы, ничего не скажешь…

А теперь эта сволочь играет в благородство:

“Дорогой друг, я не тороплю Вас с возвратом 6000 $. Искренне Ваш Курт”.

Ну что ж, товарищ Курт, раз вы не спешите получить обманным путём выигранные у меня деньги, так тому и быть. Встретимся после того, как сработает “Чанг”и придёт ответ из Москвы!»

Полещук, забыв, что всё ещё расхаживает босиком, с такой силой притопнул ногой, что от боли заорал благим матом.

«Всё бы, конечно, было нормально, если бы в кассу резидентуры не надо было возвращать тысячу долларов… Что делать? Их вернуть необходимо до возвращения Тимофеева из отпуска…»

Глава седьмая. Чужой среди своих

Закончив прослушивание записей и подкрепив себя ещё одной таблеткой аспирина и чашкой чая, Полещук вспомнил о привычке «Чанга» работать по выходным дням до обеда. Наспех приведя себя в порядок, разведчик опрометью бросился в гараж.

На ходу сообразил, что лучше воспользоваться машиной Сэлли — в выходной день американские дипломатические номера будут меньше привлекать внимание полицейских. Тем более что машину придётся оставить на улице у здания непальского Министерства внутренних дел.

На минуту заехал в резидентуру, взял портативный фотоаппарат и несколько бутылок «Посольской» — по опыту знал, что без водки на полноценную явку можно не рассчитывать…

Советские разведчики, как правило, встречались со своими агентами из числа непальцев в каком-нибудь храме исторического комплекса Пашупатинатх, расположенном от Катманду в нескольких минутах езды на автомобиле.

Однако прятаться по углам храмов, встречаясь с таким секретным помощником, как «Чанг», было абсурдом.

В непальском Министерстве внутренних дел агент возглавлял департамент виз, регистрации и контроля за находящимися в стране иностранными гражданами. Его служебное положение само по себе выполняло роль естественного прикрытия для проведения конспиративных встреч, так как появление «бледнолицых» в его кабинете не вызывало никаких подозрений у местной контрразведки — работа у полковника такая…

* * *

«Чанг», в миру полковник Лакшман Шарма, был завербован предшественником Полещука майором Рогачёвым после того, как организовал направление его жены на лечение к «курганскому кудеснику», Гавриилу Илизарову.

Шарма узнал о враче-волшебнике, прочитав публикацию в «Нью-Йорк таймс», и в тот же день попросил аудиенции у советского посла в Непале Григория Пасютина.

Посол, в начале своей дипломатической карьеры состоявший в агентурном аппарате КГБ и сохранивший (как ни странно!) добрые чувства к этому ведомству, сообщил о предстоящем визите непальца резиденту, полковнику Тимофееву. Тот вызвал к себе майора Рогачёва, и работа началась…

В итоге молодая женщина с врождённым дефектом — левая нога короче правой на несколько сантиметров — была направлена в Союз и наконец избавилась от пожизненной хромоты. Кару Божью устранили человеческий гений и золотые руки Илизарова…

* * *

В конце 60-х — начале 70-х годов Гавриил Илизаров своей новаторской методикой врачевания врождённых и в несчастье приобретённых дефектов костей и суставов конечностей произвёл настоящий переворот в травматологиии и ортопедии, завоевав заслуженную мировую славу.

Клиника целителя из глубинки стала приносить стране баснословные прибыли в свободно конвертируемой валюте — в Курган, ставший уральской Меккой, хлынули богатые калеки со всего света!

Однако для широких масс Советского Союза Илизаров по воле главного идеолога КПСС Михаила Суслова по-прежнему продолжал оставаться безвестным местечковым костоправом без званий и имени.

Главное для идеолога всесоюзного значения Михаила Суслова было в другом. В том, что отчество у Гавриила было Абрамович! Тысячи и тысячи советских граждан еврейской национальности подали заявления и ожидали своей очереди выехать из СССР на постоянное жительство, куда-нибудь подальше от реалий развитого социализма, а тут ещё разгоравшийся арабо-израильский конфликт…

Поди знай, как истолкуют сирийский президент-самодержец Хафез Асад или палестинский бомж Арафат популяризацию врача с таким одиозным для арабского уха отчеством.

Нет, пусть уж Илизаров врачует себе втихую, ибо интернациональная дружба превыше всего, её надо беречь, даже в ущерб престижу и достижениям национальной медицины в глазах мировой общественности!

Докторскую диссертацию Илизарова Всесоюзная аттестационная комиссия утвердила лишь после того, как число прооперированных им инвалидов-иностранцев перевалило за тысячу.

В 1978 году, когда общая сумма зарубежных платежей за уникальные операции достигла десяти миллионов долларов, Илизаров стал лауреатом Ленинской премии и обладателем аж десяти тысяч… рублей!

Героя Соцтруда долго не давали — противился всё тот же главный идеологический цербер СССР, Михаил Суслов. И действительно, не успел зимой 1982 года отгреметь похоронный марш за упокой души всесильного догматика, как на тебе, получи, Гаврила Абрамович, Золотую Звезду!

* * *

На следующий день после возвращения жены из Кургана, где ей удлинили малую берцовую кость на целых семь сантиметров, полковник Лакшман Шарма собственной персоной заявился в советское посольство. Он-то, наивный, полагал, что отделается выражением благодарности и заверениями в вечной дружбе между советским и непальским народами. Не тут-то было!

В непальской резидентуре, да и вообще во всей советской внешней разведке, давно уже не верили всяким там лозунгам типа: «Непали — Русси, бхай, бхай!» (Непальцы и русские — братья!), поэтому, вопреки ожиданиям, Шарма не получил аудиенции у посла, а был встречен резидентом, полковником Тимофеевым и майором Рогачёвым, выступавшими в роли первого секретаря посольства и атташе по культуре соответственно.

В малом банкетном зале по случаю прибытия в посольство высокого гостя был накрыт стол с традиционно русскими разносолами из личных закромов посла. Сэкономить на гостеприимстве, решили разведчики, — значит упустить один шанс из миллиона.

Действительно, случай был уникальный.

За такими высокопоставленными чиновниками из системы МВД, коим являлся Шарма, иностранные спецслужбы охотятся годами, используя весь арсенал имеющихся средств, чтобы попытаться подловить, скомпрометировать или найти порочащие сведения, в крайнем случае хотя бы установить личный, неформальный контакт. А тут на тебе — рыбка сама приплыла!

Правда, основа для более близкого знакомства с Шармой уже имелась — операция его жене была сделана бесплатно не за красивые глаза, а в соответствии с планом Центра по созданию условий, благоприятствующих вовлечению полковника в орбиту КГБ. И всё же…

Объект вербовочной разработки мог сделать вид, что не придаёт оказанному вниманию особого значения, и отделаться направлением в адрес посольства формальной благодарности, приложив к ней чек на энную сумму или даже какой-нибудь

грошовый сувенир в виде циновки или национальной соломенной шляпы… Ан нет — прибыл сам лично, да ещё и без свиты!

Это было хорошим знаком, и Тимофеев решил брать быка за рога. Тем более что к тому времени располагал о непальце исчерпывающей информацией. Как? А очень просто.

Во время пребывания жены Шармы в клинике она была окружена круглосуточной заботой и вниманием не только медперсонала, но и агентов КГБ. В их когорту входили также информаторы из числа непальских студентов, обучавшихся в советских вузах. А не навестить землячку в больнице — да это ж святотатство, пренебрежение кровными узами!

В беседах о состоянии здоровья пациентки выяснялись подробности биографии её мужа, сильные и слабые стороны его характера, политические симпатии, круг общения, связи в окружении короля, перспективы продвижения по службе и прочая, прочая, прочая…

Так стало известно, что Лакшман Шарма происходит из касты торговцев. Его отец с малолетства жил в Катманду и держал небольшую лавку. Сам же Шарма никогда коммерцией не занимался, но дхарму — свод предначертаний и запретов, определяющих норму поведения каждой касты — соблюдал неукоснительно. Даже женился на девушке из своей касты, несмотря на то, что она была хромой от рождения. И это при том, что до женитьбы Лакшман пользовался большим успехом у женщин и недостатка в любовницах не испытывал. С одной оговоркой: все они были из других сословий, из более низких каст, а значит, ни одна из них стать его женой не могла. Поступи он по-другому, родственники отвернулись бы от него.

Однако после учебы в Англии он пересмотрел своё отношение к дхарме как таковой и к её приверженцам в частности — стал нетерпим к откровенно нелепым ситуациям, которые создавались вследствие соблюдения норм для каждой касты.

К примеру, Шарма написал пьесу, в которой высмеивал обнищавшего брахмана, священнослужителя, чья принадлежность к высшей касте заставляла его отказывать себе в самом необходимом для того, чтобы держать слугу, поскольку его дхарма запрещала ему даже самому одеваться и даже умываться.

Затем в местной газете появился его очерк об одном земледельце, который жил впроголодь, но, боясь проклятия старейшин своей касты, отказывался даже ловить рыбу…

Словом, учёба на юридическом факультете Бирмингемского университета, а затем в полицейской академии, сделала из сына непальского лавочника настоящего европейца, начисто лишённого кастово-религиозных предрассудков.

Кстати, там же, в Англии, по молодости примкнув к движению хиппи, Шарма, вдобавок к чрезмерному увлечению спиртным, пристрастился ещё и к курению марихуаны. Ко всему прочему, он отпустил усы и шкиперскую бородку на английский манер, что не в почёте у непальцев.

Земляки, обучавшиеся вместе с ним, считали его «чужим среди своих» и совсем уже было махнули на него рукой, ибо все попытки образумить его оказались тщетными, как вдруг на пути Лакшмана возник гуру из Индии, некто Прапата Мехту.

Незадолго до встречи, ставшей для Шармы судьбоносной, гуру открыл в университетском городке школу йоги. Непалец из любопытства стал посещать занятия, а поближе познакомившись с Мехту, понял, что только йога спасет его от алкоголя и наркотиков. Через год занятий йогой Шарма изменился до неузнаваемости — из опустившегося хиппи он превратился в самого прилежного студента, а затем курсанта. Благодаря постоянной опеке индийского гуру молодой человек с отличием окончил оба учебных заведения.

Возможно, поэтому он по возвращении на родину сразу занял должность начальника департамента в центральном аппарате королевского Министерства внутренних дел.

Назначение на высокую должность вскружило голову молодому человеку — Шарме тогда не исполнилось и 30 лет. Наставления Мехты, как и занятия йогой, были забыты, и новоиспеченный полковник, не выдержав испытания властью, снова принялся за старое, стал много пить. Не гнушался Шарма и марихуаны, а уж о связях с падшими женщинами и говорить нечего.

Однако теперь он это делал скрытно — положение в иерархической табели о рангах и близость к королю обязывали быть трезвенником хотя бы на людях.

В общем, Шарма вновь стал чужим среди своих!..

К моменту второго визита Шармы в советское посольство изучение его в качестве кандидата на вербовку завершилось, условия для склонения к негласному сотрудничеству были созданы, и Тимофееву, как матадору, предстояло лишь нанести быку смертельный удар. И он нанёс его…

Прежде чем перейти непосредственно к вербовочной беседе, заговорщики пригласили гостя за стол и принялись потчевать его чёрной и красной икрой, крабами, копчёной сёмгой, лососем слабого посола, маринованными грибочками и другими вкусностями. Впрочем, особой заботой и вниманием разведчиков пользовался бокал визитёра. Они бдительно следили, чтобы он никогда не пустовал. А тостам, казалось, никогда не будет конца.

В начале застолья полковник время от времени поглядывал на дверь, будто ожидая чьего-то появления. Рогачёв первым разгадал причину и поспешил заверить гостя, что об их общении никто не знает, а все официанты-непальцы на сегодня получили выходной. После этого Шарма заметно успокоился, почувствовал себя раскованнее и в подтверждение этого сам наполнил водкой свой бокал…

Так, за чревоугодием и возлияниями, обменом любезностями и разговорами на отвлечённые темы, незаметно подошли к основной цели встречи, вопросу вопросов — шпионить или не шпионить?

Шарма не возражал. Поставил лишь одно условие: информацию на соплеменников не просите — не дам. На иностранцев — пожалуйста! Тем более что до сведений на американцев, англичан, французов и немцев ему было рукой подать — не отрывая задницы от кресла, надо было лишь дотянуться до сейфа…

Да, вот ещё. Составлять письменные отчёты и где-либо расписываться полковник категорически отказался.

Предложение о материальном вознаграждении Шарма отверг с порога. Должник он, а ему собираются ещё и платить?! Нет, нет и нет, иначе он может обидеться на своих новых друзей!

Новые друзья уже готовы были заподозрить неладное, как вдруг полковник добавил, что готов работать бесплатно, но… Если бы ему иногда подбрасывали пару ящиков «огненной воды» под названием «Посольская» и немного осетровых яиц (так непалец называл чёрную икру), он нисколько бы не обиделся.

У Тимофеева и Рогачёва отлегло от сердца — вербовка состоялась!

Когда Лакшмана Шарму наконец удалось отодрать от стола и отправить восвояси, разведчики принялись составлять отчёт о проведенной вербовке.

Рогачёв, как бы между прочим, спросил шефа:

— Товарищ полковник, как вы думаете, сколько времени потребуется нашему непальскому другу, чтобы окончательно спиться?

— Тебе что? Двух ящиков водки за каждую явку жалко?

— Нет, не жалко… Я о другом думаю — не подвёл бы он нас… Судя по всему, меры в употреблении спиртного он не знает…

— Не волнуйся, на наш с тобой век его хватит, а там… Пусть у других голова болит! Ты лучше скажи, под каким псевдонимом будем проводить непальца по документам?

Рогачёв, рассмеявшись, в шутку предложил:

— А давайте, товарищ полковник, назовём его «Чанг»…

— А что сие значит?

— Чанг по-непальски, товарищ полковник, означает рисовую брагу. Процесс её приготовления столь же уникален, сколь и отвратителен.

Представьте, в один прекрасный день вся деревня по сигналу старейшины принимается жевать рис и сплёвывать его в огромную бочку, установленную на центральной площади. Потом все эти плевки и отхаркивания оставляют на некоторое время на солнцепёке, не забывая, впрочем, регулярно перемешивать этот замес. Для этого у бочки денно и нощно дежурят самые физически крепкие мужчины…

— А если среди этих… ну, жующих, кто-то болен туберкулёзом или какой другой заразой, тогда как?

— А все микробы, товарищ полковник, уничтожаются в процессе брожения…

— А-а, тогда ещё ничего…

— И вот когда рис полностью осядет на дно, а по всей деревне начнет распространяться духан, от которого мрут комары и прочие насекомые, вся деревня вновь собирается у бочки… Но уже с черпаками.

По сигналу старейшины, который предварительно снимает пробу, начинается пиршество. Через час все напиваются в лёжку, до потери пульса, и со стороны может показаться, будто вся деревня вымерла… Если бы не храп!

— Неужели от этого пойла можно так захмелеть? Оно ж наподобие нашей браги!

— Да-да, представьте себе, можно! Два-три черпака этой самой браги валят с ног любого непальца…

— Что, неужели такая крепость у этого рисового замеса?

— Нет, товарищ полковник, брага, она брага и есть… Градусов в ней не более, чем в «Жигулёвском»… Какой-нибудь наш сантехник Потапов её иначе, как квасом, и не назовёт… Ну а с аборигенов, что с них взять? Они упиваются этой брагой до бессознательного состояния, потому что вечно голодные! Чем они питаются, тьфу! Орехи кокосовые да рис…

— Ну ты корифей, Александр Сергеевич! — резидент с восхищением посмотрел на подчинённого. — Такие подробности о местных обычаях и традициях знаешь… Не ожидал, не ожидал…

— Так меня положение обязывает, товарищ полковник, я ж как-никак — атташе по культуре…

— Да, кстати! — рассмеявшись, заметил резидент. — А как же тогда наш «Чанг» управляется с таким количеством водки?!

— «Чанг», товарищ полковник, он человек, закалённый в питейных делах… Большую практику в английских пабах, то бишь пивных, прошёл… Кроме того и рацион у него побогаче, чем у соплеменников… Поэтому его не то что чанг — водка не берёт… До поры!

— Ну ладно, убедил! Будь по-твоему, назовём этого министерского хлыща «Чангом»…Экзотика, понимаешь!

Глава восьмая. Хмельная явка

Завидев на пороге кабинета Полещука с пакетом, из которого неслось греющее душу мелодичное позвякивание бутылок, «Чанг» по-кошачьи ловко выпрыгнул из кресла и, раскинув руки для объятий, двинулся навстречу гостю.

В едином порыве он выхватил у Полещука пакет, запер дверь на ключ и, на ходу отвинчивая крышку бутылки, бросился к бару за стаканом. Живые карие глаза светились восторгом, ноздри тонкого носа возбуждённо подрагивали: праздник начался.

Залпом опорожнив стакан, Шарма сделал глубокий выдох и… протянул оторопевшему разведчику ладошку для рукопожатия.

— Здравствуйте, Леон… Извините, но я полюбил «Посольскую» с первого глотка… Любовь зла… Пожалуйста, присаживайтесь! Кто у нас сегодня на очереди? Американцы и американки, как я понял, уже пройденный этап, — весело затараторил Шарма, открывая сейф.

«Эх ты, туземец, мать твою! — мысленно чертыхнулся Полещук. — Для тебя всё это игра, а между тем, твоему ящику Пандоры — сейфу — цены нет! Интересно, сколько бы отвалил Беллингхэм за возможность покопаться в нём? Стоп! А может, американец, так же как и я, имеет к нему доступ?! Я этому выпивохе таскаю “Посольскую”, а Джон снабжает его виски… Если так, то у нас есть вероятность однажды столкнуться нос к носу у двери этого кабинета… Интересно, как мы будем смотреть друг другу в глаза? Как муж смотрит на застигнутого в постели своей жены любовника, или хуже?»

Шарма не дал Полещуку развить мысль. Забыв о сейфе, он хлопнул себя своей игрушечной ладошкой по лбу и закричал:

— Леон, есть сенсационная новость! Три дня назад я получил телеграмму из Парижа, из штаб-квартиры Интерпола, а сегодня утром оттуда пришло досье на, дай Бог памяти… Я, откровенно говоря, запутался во всех его именах, под которыми он обделывал делишки… А! На доктора Гольдмана! Знаком вам этот тип? Он, оказывается, уже пять лет находится в розыске… Представляете — пять лет его ищут по всей Европе и в обеих Америках, а он гнёздышко свил в Катманду! И вот теперь Лакшману Шарме, вашему покорному слуге, предстоит его задерживать!

Да и вообще, что такое Интернациональная уголовная полиция? Вы знаете, Леон, ещё обучаясь в Англии, в полицейской академии, я сделал для себя открытие. Оказывается, Интерпол совсем не таков, каким изображают его в боевиках и детективной литературе… Это вовсе не какая-то окутанная тайной

организация отважных суперсыщиков… За этой впечатляющей непосвященных людей вывеской скрывается чисто бюрократическое учреждение, сотрудники которого большую часть времени проводят за письменными столами, а отпуска посвящают лечению геморроев, нажитых в результате сидячего характера работы. Черт возьми, они ведь и с задержанием преступников, и с перестрелками знакомы лишь по телевизионным детективным фильмам!

Нет, вы только представьте! Какой-то комиссаришка Интерпола, сидя в своём старинном дворце на рю Поль Валери, 37, меньше чем в пяти минутах ходьбы от знаменитых Елисейских Полей, направляет мне, офицеру Его Величества Короля Непала, предписание задержать какого-то негодяя и доставить его в Париж! Что ж, пусть не сомневаются господа с Елисейских Полей, я проделаю это мастерски, комар носа не подточит… Мне бы вот только собрать о нём немного информации, чтобы внести свой вклад и дополнить досье какими-нибудь пикантными подробностями… Тогда бы я утёр нос этим чинушам из Интерпола!

Нет-нет, такой шанс упускать нельзя, его надо использовать по максимуму. Тем самым я показал бы полицейским чиновникам из шести стран Европы и обеих Америк, которые безуспешно ищут этого Гольдмана, что мы, непальцы, тоже на что-то способны… И тогда всё! Орден и назначение на пост заместителя министра мне обеспечены!

Шарма торопливо наполнил свой стакан.

— Думаю, что я сумею вам в этом помочь, господин Шарма, — как можно спокойнее произнес Полещук, хотя его била внутренняя дрожь.

— Помочь? Но в чем, дорогой Леонид? Уж не собираетесь ли вы участвовать в задержании Гольдмана?!

Непалец расхохотался и так резко запрокинул голову назад, что его аккуратно уложенные и намазанные кокосовым маслом волосы рассыпались веером.

«Этот свинтус, которого Тимофеев считает нашим особо ценным источником, нажрался уже с утра, ну как прикажете с ним работать?! А ведь он спит и видит себя министром внутренних дел… А что? И станет! Вон ведь как ему подфартило…

Кто-то пахал денно и нощно, рыл, копал, собирал информацию, отслеживал передвижения Гольдмана по всему свету, а пенки снимет вот этот везунчик, чёрный коротышка Лакшман Шарма, потому что ему выпал кон задерживать доктора… Кстати, пора бы перейти к делу и узнать, что там в

досье!»

— Нет, господин полковник, — твёрдо произнес Полещук, когда Шарма перестал смеяться, — в мои планы не входит участвовать в захвате Гольдмана… Он — ваш, и слава его задержания по праву должна принадлежать только вам и никому более… Считайте своим соперником и врагом всякого, кто будет претендовать на участие в задержании интернационального…

Полещук намеренно сделал паузу, чтобы вызвать на диалог непальца и узнать, как Интерпол квалифицирует деяния Гольдмана.

— Аферисма! — подсказал Шарма. — Доктор, оказывается, аферист международного масштаба…

Полковник вновь оборотился к сейфу и достал оттуда пухлую папку. Взвесив её на руке, заметил:

— Судя по тяжести, Гольдман тянет на приличный срок!

Шарма хотел уже засунуть папку в сейф, но Полещук остановил его:

— Господин полковник, я, собственно, из-за доктора и решил побеспокоить вас сегодня в столь ранний час… Я плотно занимаюсь им уже почти месяц и, надеюсь, располагаю такими сведениями о нём, которые могут вас заинтересовать…

— Как, Советский Союз уже вступил в Интерпол? — перебил собеседника Шарма. — И в каком качестве? Ассоциированного члена или в качестве наблюдателя? Мне об этом ничего не известно!

— Нет-нет, вступление ещё не состоялось, но… Тем не менее доктор является объектом нашей заинтересованности!

Во взгляде Шармы Полещук заметил неподдельный интерес и решил блефовать до конца.

— Не знаю, что он там наделал в Европе и в двух Америках сразу, но у КГБ к нему отдельный счёт… Поэтому я и пришёл, чтобы просить вас о помощи… Повторяю, на лавры человека, который опустит шлагбаум перед этим аферистом, я не претендую! Вы же знаете, господин полковник, специфику нашей работы… Оркестр, цветы, аплодисменты и слава — это всё не для людей моей профессии…

— И что же у вас есть на Гольдмана? — решил поторговаться непалец.

— Дорогой Лакшман, давайте поступим так, — почти ласково произнес Полещук, — я ознакомлюсь с делом и скажу вам, чего в нём не хватает… Впрочем, заранее могу сказать, что там не хватает сведений о непальских соучастниках доктора…

— Это для меня сюрприз! — вскричал Шарма. — Неужели Гольдман сумел вовлечь в свои дела непальцев?!

— Нет-нет! Я не совсем точно выразился… Я имел в виду иностранцев, которые в настоящее время находятся в Непале… Полагаю, сведения о них как раз и явятся в а ш и м вкладом в общую разработку преступника, скрывающегося под личиной добропорядочного гражданина самой гуманной профессии. Тем самым вкладом, который вы собирались сделать, не так ли, господин Шарма?

— Кто они, эти иностранцы? — настаивал полковник.

Пропустив вопрос мимо ушей, Полещук неторопливо наполнил стакан и подал его непальцу.

— Уверенно могу сказать, что их анкетные данные отсутствуют в материалах досье… Но сначала я должен ознакомиться с материалами на Гольдмана… После этого мы сможем обсудить план совместных действий, если вы не будете возражать… Подчёркиваю, меня интересует не столько доктор, сколько его связи…

Полещук протянул руку к папке.

— Леон, прошу вас, только побыстрее и… конечно же, здесь, не покидая моего кабинета…

— Никаких проблем, господин полковник! — по-военному чётко произнес Полещук и, взяв дело, привычно направился в комнату отдыха, которую от кабинета отделяла массивная дубовая дверь.

О том, что с материалов на иностранцев советские разведчики делают фотокопии, Шарма, возможно, и догадывался, но разговоров на эту тему никогда не заводил. Полещука это вполне устраивало, и игра «ты не спрашиваешь — я не объясняю» продолжалась со дня их первой встречи.

Более того, чтобы не давать повода агенту заподозрить, что его кабинет превращен советской разведкой в фотоателье, разведчик всегда находился в комнате отдыха до тех пор, пока хозяин сам не напоминал, что время их рабочей встречи истекло.

В этот раз все происходило по расписанному сценарию, но с одной поправкой. Отсняв две плёнки, Полещук не удержался и стал выборочно знакомиться с материалами досье. Да и кто удержался бы, окажись на его месте?! Ведь он уже успел приучить себя к мысли, что доктор — его кандидат на вербовку, и вот тебе раз — Гольдмана разыскивает Интерпол!

Во-первых, это спутало все его карты, а во-вторых, надо быть полным идиотом, чтобы надеяться получить у Центра санкцию на вербовку афериста, находящегося в международном розыске.

Полистав досье и выкурив ещё несколько сигарет, Полещук, не дожидаясь напоминания Шармы, сам покинул комнату отдыха.

Непалец, прикончив литровую бутылку «Посольской», мирно

посапывал в кресле.

«Приплыли! Гольдман сорвался с крючка, “Чанг” выпал в осадок… — по губам Полещука скользнула саркастическая улыбка. — Если уж мне так не везёт с этими двумя, с явным и предполагаемым агентом, с кем-то ведь должно повезти! Правильно, в моей обойме остаётся ещё один боевой патрон — Фогель…

Вернусь в посольство и сразу же отправлю запрос в Центр. Спинным мозгом чувствую, что немец — не просто консул, а та самая тёмная лошадка, которая вывезет меня на большую дорогу… А пока из Москвы придёт ответ, надо с помощью “Чанга”добыть максимум информации о характере взаимоотношений двух арийцев. Это, в конце концов, пригодится не только мне, но и непальцу… А что? Вдруг да он действительно с моей помощью станет заместителем министра внутренних дел Непала! Тогда орден светит не только ему…

Н-да… Хороший он парень, этот Лакшман. И не просто источник информации, он — кладезь. Но с его страстью к “огненной воде” он не то что без ордена — без погон может остаться, да и меня под монастырь подведёт… Так, пора заканчивать эти мудовые рыдания!»

Полещук разбудил «Чанга», отдал досье, проследил, чтобы оно было заперто в сейф, и, шутливо погрозив непальцу, пообещал вернуться через пару часов, чтобы согласовать план совместных мероприятий.

* * *

Через неделю пришёл ответ из Центра.

Чутьё не подвело Полещука. Действительно, Курт Вольфганг Фогель имел отношение к «Штази», но не как агент. Он был кадровым офицером, полковником внешней разведки Министерства государственной безопасности, и в Катманду возглавлял резидентуру, действовавшую с позиций посольства ГДР. Должность начальника консульского отдела являлась его официальным прикрытием.

В отношении доктора Бруно Гольдмана Центр сведениями не располагал.

«Значит, — пришёл к выводу Полещук, — доктор не является объектом оперативной разработки «Штази». Полковник держит австрийца на коротком поводке по двум причинам: либо он использует его как “дойную коровку” для пополнения своего личного бюджета, либо намерен привлечь его к негласному

сотрудничеству в качестве агента…

Хотя одно другому не помеха, а выигрывать у своего секретного помощника, неважно, настоящий он или всего лишь предполагаемый, оператор просто обязан. Всегда и во всём. В том числе и за ломберным столом, чтобы утвердиться в его глазах и подчеркнуть своё превосходство.

Нельзя ни в чем проигрывать своему агенту, ибо недаром сказано, что ни один камердинер не видит героя в своём хозяине.

Стоит только однажды показать зависящему от тебя человеку свою слабость, даже если это будет карточный проигрыш, — всё, пиши пропало. Сразу можно расставаться с агентом, потому что ведущее положение уже ничем не восстановить…

Странно другое — почему Гольдман, владея гипнозом, не использует его против консула, а позволяет ему постоянно себя обирать?! Почему он так благоговеет перед Фогелем? Неужели так сильна его любовь к этому старому змию?..

Впрочем, есть ещё одно, чисто гипотетичное, объяснение его привязанности: компромат. Компрометирующие материалы, которыми полковник Фогель наверняка располагает в отношении Гольдмана!»

Глава девятая. Смерть прячется в холодильнике

Первое, что поразило Полещука, когда они проникли с Шармой на виллу доктора, это — стерильная чистота помещений и почти полное отсутствие мебели.

Было такое впечатление, что это — не жилое помещение, а многопрофильная мини-клиника.

В одной из комнат стояло огромное гинекологическое кресло, за дверцами стеклянных шкафов устрашающе поблескивал специальный медицинский инструментарий.

Вторая комната была приспособлена под зубоврачебный кабинет, на стенах которого к тому же висели таблицы для определения остроты зрения.

Третья комната, очевидно, служила кабинетом для психоанализа и психотерапевтических процедур…

Лишь в четвёртой, самой большой комнате, поисковики обнаружили признаки пребывания человека — посередине стояла огромная кровать-альков, застеленная белыми шёлковыми простынями, на которых в артистическом беспорядке были разбросаны пышные подушки.

Прямо напротив алькова была установлена на треножнике… кинокамера, а на прикроватной тумбочке настороженно притаился мощный кинопроектор, направленный на противоположную стену, во всю ширину которой висело белое полотно экрана.

Полещук, влюблённый во всякую кино-фотоаппаратуру, подошёл поближе, чтобы рассмотреть, какой техникой оперирует доктор.

— Бог мой! — вырвалось у разведчика. — Да это же та самая камера, которую я продал дипломату из ФРГ! Да, тесен мир…

В проёме двери появился Шарма.

— Леон, я нашёл холодильник, — шепотом, будто их кто-то мог услышать, произнес агент. — Он не на кухне… Там — действующий… Наш находится в кладовке… Пойдём!

В кромешной темноте, подсвечивая себе электрическим фонариком, Полещук последовал за агентом.

Судя по тому, как уверенно Шарма двигался по лабиринту переходов и комнат, Полещук пришёл к выводу, что агент уже не в первый раз находится здесь.

«Уж не побывал ли здесь “Чанг”без меня, до нашего совместного визита, чтобы снять пенки, забрать самые ценные

материалы, а мне оставил процеженную, отфильтрованную водичку, которой грош цена в базарный день?! Это в крови у всех черножопых, они так и норовят обойти нас, белых, на вираже, чтобы ещё раз доказать своё превосходство над нами. На самом же деле они таким образом лишь ещё раз доказывают свою закомплексованность!

Нет-нет, — успокоил себя Полещук. — Я для Шармы не конкурент. Тем более что он ждёт от меня полного расклада по связям доктора, зарубежные каналы, которыми тот может пользоваться при выходе на воротил международного наркобизнеса… Уж и не помню, что я там наплёл "Чангу",чтобы хоть одним глазом взглянуть на документы, в которых может прослеживаться связь Гольдмана с консулом…

Нет! Мы с Шармой — не конкуренты: ему нужен доктор, мне — консул… Так-то оно так, но агенту-то я об этом сказать не имею права… И всё-таки, почему он так уверенно движется по этим лабиринтам?!»

— Послушай, Шарма! Ты так быстро и уверенно ориентируешься в темноте, будто всю жизнь прожил на этой вилле…

— А я разве тебе не сказал, Леон, что эта вилла принадлежит тётке моей жены? Она сдаёт её в аренду богатым иностранцам…

— Нет…

— Забыл, значит… Дело в том, что нам сюда попасть было бы много сложнее, если бы прислуга не знала меня… Мажордом, тот сразу отдал мне все ключи… Кроме ключа от сейфа-холодильника — у него его просто нет… С тем заветным ключиком доктор не расстаётся никогда, даже когда здесь, на вилле, трахается с гэдээровским консулом… Ты заметил киноаппарат, что стоит в спальне? Так вот они свою любовь снимают на плёнку, представляешь, Леон! Я после Англии уже ничему не удивляюсь, там я и не такого наслушался и насмотрелся…

— Мажордом рассказал тебе о любви доктора и консула?! Вот так сюрприз! Значит, об этом было известно и до… Чёрт побери, я — последний, кто узнаёт такие подробности! «Чанг», разве ты раньше не мог мне об этом сказать?! Твой мажордом не сказал случайно, где Гольдман держит отснятые плёнки?

— Ну да… Этот мажордом знает меня с детства, обо всём мне и сообщил, чтобы показать, что он ко всему имеет доступ, но только не к ключу от сейфа… А насчёт фильмов… Так я думаю, они там же, в сейфе… Что же касается твоих упрёков, Леон, то они несостоятельны… Ты же ни о чем не спрашиваешь! Сунул Шарме, то есть мне, пару ящиков «Посольской», и был таков… Я

могу тебе столько ещё понарассказать о проживающих здесь иностранцах, что у тебя сейфов не хватит, чтобы всё это складировать… Ну вот, к примеру, Сэлли Грэйвс из американского посольства… Она сожительствует с женой шведского посланника, у них — «розовая» любовь, то есть они — лесбиянки… Сэлли — активная…

Ну да ладно, к делу!.. У меня с собой набор таких отмычек, перед которыми не устоит ни один американский банк, что уж говорить о каком-то холодильнике… Тем более что он наверняка английского происхождения, остался от их колониального присутствия, как у вас в Союзе говорят… А если это так, то замки бриттов для меня — не проблема… Я за время обучения в Великобритании изучил их, как свою ладонь. Справимся, не беспокойся! Ты фотоаппарат не забыл?

— Да я лучше хер свой где-нибудь оставлю, но фотокамеру — никогда! — раздосадованный откровениями «Чанга» о сексуальных извращениях своей возлюбленной, со злостью крикнул Полещук.

— Ну вот и пришли…

Шарма приоткрыл дверь подсобного помещения, лишённого окон.

— Электричество сюда не проведено, так что будем подсвечивать себе фонариками… Давай, свети мне на замок!

Полещук направил луч фонарика на замок холодильника.

— Слушай, — через минуту недовольно произнес непалец, — где ты приобрёл это говно? Наверняка сэкономил и купил у китайцев! Я же ничего не вижу…

С этими словами Шарма вытащил из нагрудного кармашка рубахи ещё один фонарик, сунул его в рот, направив луч света прямо в замочную скважину, и начал манипулировать отмычками.

«Чанг», сидя на корточках, пыхтел, тужился, матерился по-непальски, позвякивая своей коллекцией отмычек и вставляя их поочередно в замок.

Полещуку казалось, что его вот-вот стошнит от зловония, исходящего от непальца, как вдруг раздался щелчок и дверь холодильника сама поехала им навстречу.

Не вынимая зажжённого фонарика изо рта, «Чанг» сунул голову в холодильник и тут же со страшным криком «Змеи!!» рухнул замертво на пол.

Полещук увидел, как две кобры, распахнув боевые капюшоны, ударили треугольными головами в виски агента. И в тот же миг они невозмутимо заструились из приоткрытой дверцы вниз по холодильнику…

Полещук в ужасе отпрянул в сторону, едва не выронив свой фонарик.

«Ничего себе, сюрпризы из холодильника!!» — вскрикнул разведчик, обернувшись, чтобы найти выход.

Увы! Входя, они с Шармой плотно закрыли дверь и теперь разведчику оставалось лишь одно: подсвечивая себе фонариком, следить за перемещением двух гадов, убийц «Чанга»…

В замкнутой клетухе стало вмиг жарко, в горле пересохло, Полещук слышал, как в висках набатами стучит кровь, но сдвинуться с места не было сил…

Жалкий огонёк китайского фонарика выхватывал из пространства лишь какие-то фантастические блики.

«Где же эти гады, что ужалили беднягу агента?!» — едва не заорал разведчик, физически ощущая их близость.

Наконец, Полещук взял себя в руки и осмотрелся. Странно, несмотря на то, что фонарик, который он держал в правой руке, едва мерцал, в кладовой было очень светло.

Через секунду разведчик понял, в чем дело. Лежащий на спине Шарма успел выхватить изо рта фонарик, и теперь он, находясь в его правой руке, освещал всю кладовку. Со лба покойного стекала тонкими струйками черная кровь. Обе кобры умостились на груди Шармы, приняв боевые позы и готовые зубами отстаивать свою добычу…

«Ладно, “Чангу”уже ничем не помочь… Надо думать, как добраться до холодильника… Если уж доктор обеспечил свой сейф такой охраной, значит, там есть, что прятать…»

Полещук направил луч своего фонарика внутрь холодильника.

На средней, самой объёмной полке, стоял саквояж, похожий на тот, которыми в начале века пользовались врачи. Рядом аккуратными стопками были сложены обёрнутые в пластиковую упаковку какие-то коричневые брикеты. Много брикетов!

«Черт возьми! — мелькнула мысль у Полещука. — Что же является основной целью присутствия в холодильнике почётного караула из двух кобр? Брикеты или саквояж?! Стоп! Брикеты похожи на те, в которые наркодельцы пакуют гашиш… Бог с ним, с гашишем, как добраться до саквояжа?!»

Тело Шармы, но не столько оно, сколько две гадины, лежащие на его груди, преграждали доступ к уже открытому холодильнику! До саквояжа-то и расстояния — всего лишь два шага ступить! Проклятье! Как бы отвлечь гадов? Ишь, какую боевую стойку приняли!

Подсвечивая себе фонариком, Полещук осмотрелся. «Ну, конечно же, я ведь в кладовке! Вот оно и спасение!» — закричал

от радости разведчик и схватил швабру, стоящую у входной двери.

В ярости Полещук растоптал, измолотил в клочья обеих кобр. Сказалось и нервное напряжение, в котором он пребывал последние пять минут, и известный из психологии момент фрустрации. Это когда вдруг становится недосягаемой цель, до которой рукой подать…

Стерев отпечатки своих пальцев со швабры и ручек дверей, к которым прикасался, Полещук, пару раз щёлкнул фотоаппаратом — фото мёртвого «Чанга» надо поместить для отчёта в его личное дело секретного агента.

Наконец, зажав вожделенный саквояж под мышкой, опрометью бросился прочь от виллы, смерть приносящей…

Когда он перебегал улицу, ему показалось, что из чернильной темноты ночи к воротам виллы скользнула какая-то тень и, бесшумно затворив за собой створки ворот, скрылась на территории виллы…

«Значит, Шарма выставлял контрнаблюдение, — на ходу сообразил Полещук. — Хорошо бы, если это был мажордом, — мне не придётся звонить в полицию. Обнаружив труп своего хозяина, мажордом сразу забьёт тревогу, поднимет на ноги всю полицию Непала.

Возникнет вопрос: “А что делал начальник департамента Министерства внутренних дел, ответственный за контроль за иноподанными, на вилле австрийского доктора?”

В холодильнике найдут брикеты с гашишем, затем полезут в сейф Шармы, где обнаружат досье на доктора-афериста, разыскиваемого Интерполом. Это-то и явится логическим объяснением присутствия начальника непальского ОВИРа на вилле Гольдмана…

Всё! Круг замкнётся — доктор будет задержан, туда ему и дорога, а я тем временем разберусь с бумагами, которые в саквояже…

В моём теперь уже, черт возьми, саквояже!!..

Так, это всё, конечно, хорошо, но видел ли меня кто-нибудь сегодня вечером с Шармой? По-моему, нет. Это не в интересах моего агента. К сожалению, уже покойного, н-да…

Если что-то и видели случайные свидетели, то лишь номер машины Сэлли, хотя я и поставил её в квартале от злополучной виллы…

А у Сэлли полное алиби — в американском посольстве сегодня приём по случаю дня рождения посла. Там сегодня такой праздник, виски и шампанское будут литься рекой…

Сэлли по этому поводу даже не стала садиться за руль… А я

для неё, как обычно, на дежурстве… То есть то, что я взял её машину, ей вряд ли в голову придёт…

Так, теперь надо быстренько попасть в резидентуру, разобраться с бумагами, и… дорогой Фогель, вы — у меня в кармане! А то, что в саквояже на вас, герр консул, компромата вагон и маленькая тележка, в этом я не сомневаюсь! Если же там ещё и материалы, дополнительно компрометирующие Гольдмана, то тем лучше — переправим их в Центр…

Уж если “Чангу”не удалось орденок за задержание международного афериста отхватить, может, он мне обломится?!»

В течение двух минут Полещук не мог попасть в щель замка зажигания — одеревеневшие руки то тряслись, то вообще отказывались повиноваться.

Наконец разведчик, откинувшись на спинку сиденья, закрыв глаза, сделал несколько дыхательных упражнений, вдумчиво просчитал до пятидесяти, и… мотор завёлся с полоборота…

* * *

Ожидания Полещука были вознаграждены сполна: не докторский саквояж — ящик Пандоры.

Прежде всего разведчик наткнулся на лежащую сверху фотографию, на которой два господина в смокингах (один из них — Фогель!) играли в настольный теннис, а Гольдман лежал на столе в чем мать родила, изображая сетку!

Судя по всему, фотографию или недавно положили в саквояж, или её часто рассматривали…

Остальное пространство портфеля занимали пакетики с героином, из чего можно было сделать вывод, что основным занятием Гольдмана в Катманду было всё-таки не криминальное абортирование и врачевание состоятельных аборигенок, а переправка в Европу наркотиков.

Именно в Европу, потому что доктор скрупулёзно вёл бухгалтерию, неизменно указывая не только пункт назначения отправляемого героина, но и адрес получателя и обязательно сумму, полученную или причитающуюся.

«Стоп! — осенило Полещука. — Но ведь Гольдман мог переправлять героин в Европу только с помощью консула… Да, скорее всего, так оно и было.

Фогель по дипломатическому каналу переправлял зелье своим подельникам в МИД ГДР или “Штази”, а там уже оно, как по капиллярам, расходилось по всей Европе…

А деньги за переправку героина Гольдман вручал консулу под

видом карточного проигрыша… И свидетели имелись: польский и чешский дипломаты… Всё очень естественно! Проиграл — расплатись…

А вот и ведомость, сколько денег в течение последнего года Фогель получил от Гольдмана…

Стоп! А что это за пачка писем? Пожелтевшие… Лет им, по крайней мере, двадцать… А! Переписка между Гольдманом и Фогелем.

Надо же, адрес получателя — Фогеля — один и тот же: Берлин. А приходили они, Бог мой! И из Амстердама, и из Монако, и из Парижа, и… Да ну их к черту, этих влюблённых “голубых”!.. Неужели может быть так крепка любовная связь между двумя гомосексуалами?!

Ладно, пусть “Штази”и Интерпол разбирается… Завтра прилетает из отпуска “резак”, полковник Тимофеев, вот я его и огорошу…

Жаль, конечно, “Чанга”, но, с другой стороны: на войне — как на войне… Если не в результате закулисных интриг своих коллег, товарищей по оружию, падёшь, то станешь добычей ползучих гадов! В буквальном смысле слова, н-да…»

* * *

Через полгода в непальскую резидентуру пришла депеша из Центра.

За проявленную инициативу в работе и чекистскую бдительность капитану Полещуку приказом Председателя КГБ СССР было досрочно присвоено звание майора.

А в качестве пилюли, которая, по замыслу Секретариата КГБ, должна была подсластить разочарование разведчика, — ведь он надеялся на получение какого-нибудь орденка, очень подробно описывалось то, какой экзекуции был подвергнут полковник Фогель.

Оказывается, после проведенных дознания и следствия полковник Курт Вольфганг Фогель был подвергнут офицерскому суду чести со смертельным исходом.

В парадной форме, при всех регалиях за более чем двадцатилетнюю службу, его вывели во внутренний двор «Штази» и в присутствии старших офицеров разведки министр госбезопасности Восточной Германии Эрих Мильке сорвал с него погоны. После чего Фогеля тут же расстреляли…

Глава десятая. К резиденту на поклон

Потерпев очередное фиаско в скорее воображаемом, нежели в реально приносящем прибыль предприятии «Гольдман — Фогель», Полещук понял, что надо срочно сменить вектор поиска денег.

Он пришёл к мысли, что нужную сумму можно заполучить только в какой-нибудь солидной организации, и чем претенциознее она будет называться, тем лучше. А что здесь, в Катманду, может быть весомее КГБ и ЦРУ?

Однако оперативная касса родной резидентуры уже опустошена, значит, остаётся второе…

Да-да, у него даже есть к кому обратиться — второй месяц кряду с ближайшего горизонта не сходит Джон Беллингхэм, чьи потуги выдать себя за «чистого» дипломата вызывали у Полещука лишь скептическую улыбку, потому что его принадлежность к противоборствующему разведсообществу была для капитана совершенно очевидна.

«Только вот в чём вопрос, — размышлял Полещук, — кто он, этот Джон? Рядовой вербовщик-привлеченец или “охотник за скальпами”, наделённый руководящими полномочиями?

Впрочем, какая к чёрту разница! Не может Беллингхэм не откликнуться на просьбу советского дипломата.

Дать мало ему не позволит профессиональная гордость, а чем больше даст, значит, тем выше летает. Да и вообще, чем больше просишь, тем больше дают…»

Для начала Полещук решил проконсультироваться у Сэлли.

Наивный! Несмотря на откровения доктора Гольдмана, подслушанные им в казино, он продолжал искренне верить, что Сэлли влюблена в него бескорыстно и безусловно.

«Как знать, — рассуждал Полищук, — может быть, дисциплинированный ум американки функционировал независимо от её души, и она тоже влюблена в меня? Влюбляются же врачи в своих пациентов… А в том, что я для неё — пациент, а она — мой куратор, сомнений нет!»

Чтобы не потерять вес в глазах любовницы, Полещук не стал распространяться о своих финансовых трудностях, сослался на некоего сотрудника советского посольства, у которого якобы родился сын, и ему поэтому позарез нужны деньги.

Как бы невзначай спросил, кто из американских дипломатов может дать взаймы сумму в несколько тысяч долларов.

Сэлли, не задумываясь, ответила, что самый богатый человек в посольстве — это Джон Беллингхэм.

«Это значит, — подумал Полещук, — что мой постоянный партнёр на теннисном корте не просто вербовщик-привлеченец, а целый резидент…

Что ж, была не была! Я вас, чертей, всё равно переиграю! Я от дедушки (Комитета госбезопасности) ушёл, а от бабушки (ЦРУ) и подавно уйду!

В общем, вперёд, Леонид, действуй, как учил покойный отчим: “От суммы не зарекайся!”

Авантюрист по натуре, Полещук никогда не терял азарта и нахальства. Однако на этот раз, предприняв рискованный, но, как ему казалось, спасительный шаг, он пожертвовал благоразумием. Вместе с тем он продолжал свято верить, что в конце концов победа будет за ним, а победителей, как известно, не судят…

* * *

При первой же встрече с Беллингхэмом на теннисном корте Полещук обратился к нему с просьбой одолжить денег.

Церэушнику только это и нужно, ибо он давно уже с помощью Грэйвс разобрался в психологии русского разведчика.

Впрочем, как профессионал, Беллингхэм был несколько озадачен — не слишком ли быстро «птичка» угодила в клетку? Да и не угодила — сама запросилась!

По прикидкам американца, Сэлли должна была «выставить» русского из денег месяца через два, а тут… Ну что ж, так тому и быть!..

— Сколько, Леонид? — коротко спросил Джон.

Полещук, в тон американцу, также односложно ответил:

— Много, Джон.

Полещук не склонен был торговать собой по дешёвке, поэтому сразу попросил десять тысяч долларов.

— Давайте, Леонид, обсудим всё после матча…

Глава одиннадцатая. Приглашение к сотрудничеству

Солнце клонилось к закату, красноватые отблески мерцали на густой листве деревьев, с двух сторон теснивших аллею, по которой прохаживались разгоряченные игрой на корте американский и русский разведчики.

Последний, правда, не был уверен в том, что собеседнику известен его истинный статус. Однако Джон Беллингхэм очень быстро развеял иллюзии Полещука, расставив все точки над «i».

— Леонид, — начал американец тоном, который исключал любые сомнения в правоте его слов, — мы с вами из одного теста, хотя и вылеплены на враждующих континентах руками поваров различной идеологической ориентации. Мы с вами — братья по духу и устремлениям. Нас немного разнит возраст, вы — моложе, но работаем-то мы на одном поприще… Если не ошибаюсь, на жаргоне ваших спецслужб это звучит: «хлебать из одной тарелки». Всё перечисленное позволяет мне сделать вывод, что вы, так же как и я, лишены предрассудков. Впрочем, для людей нашей профессии предрассудки — непозволительная роскошь, вернее — дно, на которое нам не стоит опускаться…

Беллингхэм бросил быстрый взгляд на шагающего рядом коллегу. Полещук, совершенно сбитый с толку непредвиденным пассажем американца, пытался скрыть свою оторопь и молча кивал головой.

— Вы совершенно справедливо полагаете, Леонид, что я дам вам искомую сумму. Но! Я дам её не взаймы, а как возмещение за услугу, которую вы в состоянии мне оказать… Я намерен потребовать от вас не более того, на что, и в этом я нисколько не сомневаюсь, решились бы и вы, поменяйся мы с вами местами…

Американец многозначительно замолчал в ожидании ответной реакции.

— Я слушаю вас, — прохрипел в ответ Полещук, под натиском Беллингхэма окончательно утративший способность связно выражать свои мысли.

— Мы лучше поймем друг друга, — будто и не обратил внимание на обескураженность русского, продолжил Беллингхэм, — если рассмотрим дело с позиций законов логики. Мне совершенно очевидно, что вы лишены возможности достать деньги где бы то ни было, в противном случае, вы не обратились бы ко мне…

Я не спрашиваю, кто вам посоветовал прибегнуть именно к

моей помощи, на какие цели была растрачена сумма, в которой вы сейчас нуждаетесь… Но! Я абсолютно уверен в том, что знаю не хуже вас, что с вами может случиться, если вы не сумеете вернуть деньги туда, откуда взяли. Так же как и я, вы убеждены, что будете спасены, как только вернёте долг. А быть спасённым для вас означает вернуться к тому образу жизни, который вы привыкли вести…

Вы — гедонист, Леонид, и, получив десять тысяч долларов, сможете вернуться к жизни, полной наслаждений, блеска… и, возможно, славы. Такое радужное будущее, мне кажется, вас больше устраивает, чем бесславное и досрочное откомандирование на родину… И за что? За то, что вы растратили деньги на те блага и удовольствия, которые в состоянии оплатить и иметь всякий капитан любой недружественной вам спецслужбы, и о которых вы даже не могли мечтать до приезда сюда… Да и какие это «блага и удовольствия»? Это — необходимый минимум, который, повторяю, может позволить себе любой ваш западный коллега…

Однако страна, где мы с вами находимся по долгу службы, это окраина мировой цивилизации. Вы ещё не сумели даже краешком глаза заглянуть в замочную скважину истинно цивилизованного мира. Уверен, что не ошибусь, сказав, что вы в самом начале большого пути… И что же? Стартовав на Богом забытых гималайских задворках, вы ими хотите завершить познание мира, свою карьеру, наконец?

Если это так, то должен признаться, что я ошибся в вас… Думаю, что вы, как любой человек, не лишённый здоровых карьерных амбиций, здорового честолюбия, не можете останавливаться на достигнутом… Да и потом, что это за достижение — Непал! Вам, как и любому из нас, оперативных сотрудников, наверняка снятся кресло и огромный стол с множеством телефонов где-нибудь в центральном аппарате своего ведомства, не так ли? Именно к этому должен стремиться всякий здравомыслящий спецслужбист… И никак не поддаваться дурному настроению в случае неудачи, тем более если речь идёт о проигрыше за ломберным столом… Вы же не жизнь проигрываете — деньги. Умные люди говорят: «Деньги потерял — ничего не потерял. Время потерял — много потерял. Здоровье потерял — всё потерял». Вы, Леонид, молоды, у вас всё ещё впереди, так что запасайтесь здоровьем — пригодится!

«Виртуозно плетет паутину Джон! — с завистью подумал Полещук. — Профессионал — заслушаешься! И главное — ни одной осечки, все выстрелы кладёт в “десятку”… Интересно, не был ли он проповедником в их, американской, церкви?

Да, надо признать, нас таким проповедям, суть — вербовочным беседам, не обучали. Вот когда понимаешь смысл выражения: “Если у ваших родителей не было детей, то и у вас их, скорее всего, не будет”. Действительно, прав тот, кто выпустил в свет этот лишь на первый взгляд парадоксальный афоризм. Чему я мог научиться у бездарных преподавателей? Только бездарности, не более! А искусные словоплёты, которые могут с ловкостью фокусника завернуть тебе воздушный шарик в красивую упаковку, все как один, работают на кафедрах марксизма-ленинизма… Что-то не больно стремятся они преподавать оперативное искусство… За всё время учёбы в спецшколе я ни разу не слышал, как проводится и как звучит вербовочная беседа. Практический курс вербовки мне преподаёт какой-то Джон. Только сейчас и понимаю, что искусство вербовки — это ораторское искусство. Плюс знание психологии.

Да, ничего не скажешь, показательный урок проведения вербовочной беседы преподал мне американский резидент!

Ну, давай, давай, Джон, вперёд! Увертюра тобой исполнена блестяще, мысленно я тебе аплодирую. Теперь послушаем, что ты попросишь взамен десяти тысяч…

Стоп! А откуда тебе, Джон, известно, что я проигрался в казино?! А, ну конечно же, — Сэлли… Она любит меня, это бесспорно, но зачем же в тайны двоих посвящать третьего?! Третий в таких отношениях, как у нас с тобой, Сэлли, он всегда лишний. Как ты этого до сих пор не поняла, девочка? Тьфу, черт! Какая ж она девочка, если на двенадцать лет старше меня?! Никак не могу избавиться от первого впечатления…

Впрочем, любовь — любовью, но сотрудники отдела собственной безопасности американского посольства не дремлют и регулярно проводят опросы своих дипломатов. Конечно же, и Сэлли тоже опрашивали… Вопрос в том, как много о наших взаимоотношениях у неё успели выудить…

А, впрочем, какая к черту разница! Поздно, Лёня, пить “Боржоми”, когда вторая почка отказала…»

Рассуждая сам с собою, Полещук не заметил, как замедлил шаг и остановился.

— Вы меня не слушаете, Леонид! — громко сказал Беллингхэм. Окрик вернул капитана к действительности.

— Нет-нет, Джон, я прекрасно всё слышал… И готов выслушать также и ваши условия…

— Знаю, Леонид, что вам, как профессионалу, не слишком приятно выслушивать мои умозаключения, которые, надеюсь, вы не восприняли как нравоучения?

Беллингхэм снова, как бритвой, полоснул взглядом по лицу

Полещука.

— Должен заметить, Леонид, что хотя мы с вами и лишены предрассудков, вся обстановка, в которой мы живём, настолько ими отравлена, что мы не можем полностью от них освободиться. Да вы это и сами понимаете… Поверьте, мне бы не хотелось видеть вас раскаивающимся в своём поступке, в том, что вы обратились ко мне за помощью… Мы с вами — люди из другого мира, нежели те, кто нас окружает. Мы — люди чести, поэтому я заранее хотел бы знать, что вы отдаёте себе отчёт в том, что действуете не по принуждению, не под моим нажимом, а… по правилам игры. НАШЕЙ с вами игры!..

Одним словом, мне нужен ключ от сейфа вашего начальника, полковника Тимофеева…

— Но как я смогу…

— Не торопитесь! — оборвал Полещука американец. — Всё не так сложно, как может показаться на первый взгляд… Проблема кажется вам неразрешимой, потому что вы никогда об этом не задумывались… А между тем вам, именно вам, как никому другому из ваших коллег, легче добыть слепки с ключа… Если не ошибаюсь, вам, как новичку в резидентуре, приходится чаще других офицеров дежурить в посольстве, не так ли?

«Опять Сэлли! — чуть не вырвалось у Полещука. — Только ей известно, как часто я остаюсь на ночь в посольстве. У-у, черт!»

— Да, но Тимофеев кладёт ключ в специальный металлический пенал и опечатывает его своей личной печатью, с которой не растаётся никогда… Она при нём, даже когда он ныряет в бассейн…

— Прекрасно! Пусть себе ныряет с печатью в обнимку. Пенал-то он сдаёт дежурному, не так ли? Заступив на дежурство, вам достаточно перефотографировать тот оттиск, что остаётся на контрольном куске пластилина, которым вы по старинке снабжаете пеналы для ключей… Надеюсь, Тимофеев — не исключение?

— Нет…

— Ну вот видите, Леонид! Как говорят у вас, «не так страшен черт, как его рисуют». Завтра на корте я передам вам фотоаппарат, в ближайшее дежурство вы переснимете оттиск, наши специалисты изготовят для вас печать, которая не будет отличаться от личной печати полковника, и… Остальное зависит от вашей сноровки! Куда уж проще. В общей сложности на все операции у вас уйдёт три минуты, не более. Надо быть Ротшильдом или Рокфеллером, чтобы суметь за три минуты заработать десять тысяч долларов! До завтра, Леонид!

Не дав собеседнику опомниться, Беллингхэм решительно

развернулся и стремительно пошёл обратно к теннисному корту.

У Полещука в горле застрял вопрос: «А когда же будут деньги?» Вербовка советского гражданина, представляющего интерес, — задача каждого оперативника из Лэнгли. Вербовка советского разведчика — высшее достижение, которое автоматически влечет за собой не только правительственную награду, но и гарантирует взлёт по служебной лестнице.

* * *

Беллингхэм рассчитал точно: Полещуку не удастся вернуть долг и скоро он продолжит «таскать из огня каштаны», на которые ему укажет ЦРУ. За проявленное усердие долги будут списаны.

…В тот вечер Сэлли вновь, как это уже бывало не единожды, наблюдала своего «мужа» вдребезги пьяным.

Пил он сосредоточенно, устремив взгляд в одну точку, и когда она вошла, открыв входную дверь виллы своим ключом, он даже не поприветствовал её.

И хотя до этого вечера инициатором застолий с выпивкой всегда была Сэлли, на этот раз всё было наоборот. Получив строжайшие инструкции от своего шефа, Грэйвс предприняла титанические усилия, чтобы оторвать «мужа» от бутылки. Тщетно. После короткого, но бурного скандала каждый из них остался при своей точке зрения.

В ту ночь возлюбленные впервые, находясь под одной крышей, спали порознь. Полещук, овладев двумя «огнетушителями» виски, заснул под столом…

* * *

Деньги были вручены Полещуку во время конспиративной встречи, проходившей в дешевом трехзвездочном отеле «Викрам», в обмен на сделанные им оттиски с ключа резидента.

В ходе явки Беллингхэм поставил перед новоиспеченным агентом дополнительные задачи по добыванию интересующих ЦРУ сведений и обозначил способы связи.

Тогда же Полещук узнал, что по строго секретным платёжным ведомостям, да и вообще в файлах ЦРУ, он будет проходить под псевдонимом «Уэй».

Несмотря на своё подчинённое, более того, зависимое положение, Полещук в общении с Беллингхэмом вначале

попытался вести себя, как породистый английский аристократ, свысока взирающий на вульгарно пахнущего деньгами американского купчика.

Не тут-то было. Очень скоро церэушник доказал своему русскому подопечному, «кто есть кто».

Как бы между прочим подсказал, что работать они будут по принципу пилы: «ты — мне, я — тебе».

Глава двенадцатая. Змея в шоколаде

В июле 1975 года истёк срок пребывания Полещука в Непале.

В ходе прощальной явки с ним были оговорены условия продолжения связи в Советском Союзе, он получил микропленку, вмонтированную в магнитофонную компакт-кассету. В ней — задания по сбору информации, инструкции по организации связи, указания по восстановлению контакта при новом выезде за границу.

Беллингхэм также вручил «Уэю» условные письма для отправки на адрес в Соединенные Штаты, две специальные ручки для нанесения тайнописи, шифрблокноты, прибор-приставку к радиоприемнику для приема кодированных передач из радиоцентра.

Часть шпионской экипировки эксперты ЦРУ надежно упрятали в обложке фотоальбома. Остальное — дополнительные инструкции и крупную сумму денег — «Уэй» должен был получить в контейнере, изъяв его из тайника, который будет заложен для него резидентурой ЦРУ, действующей с позиций посольства США в Москве.

Все наставления своего оператора Джона Беллингхэма Полещук слушал вполуха, потому что никак не мог сосредоточиться из-за присутствия на конспиративной встрече Сэлли Грэйвс, неделей ранее улетевшей в Вашингтон в отпуск.

На протяжении всей явки с языка Полещука готов был сорваться вопрос, почему и в каком качестве здесь присутствует его бывшая возлюбленная. То, что Сэлли десятью месяцами ранее по заданию ЦРУ выполнила роль медовой ловушки, он уже понял.

Ясно стало незадачливому разведчику и то, что комедия с венчанием, как и совместное проживание с Грэйвс, были частью плана Беллингхэма, который предусматривал посадить его, Полещука, на «короткий поводок», чтобы постоянно держать под контролем и добывать информацию. Но сейчас, что делает здесь эта женщина сейчас?!

Полещук по привычке продолжал воспринимать Сэлли в прежней ипостаси — в ней он видел лишь ненасытную нимфоманку, для которой смысл жизни ограничивался постельными утехами и которая строила свои отношения с мужчинами в соответствии с афоризмом, почерпнутым из какого-то датского порнографического журнала: «Библия учит любить ближнего своего, а Камасутра объясняет, как именно».

Присутствие Сэлли на прощальной явке явилось для Полещука, пожалуй, самым большим унижением и

разочарованием, которые ему когда-либо довелось испытать в своей жизни.

В какой-то момент Полещуку пришло в голову, что никакой озлобленности ни в адрес Грэйвс, ни тем более к Беллингхэму, он не испытывает.

Мысленно послав американцев в общероссийском направлении, «Уэй» отнесся к своему подчинённому положению философски: показно внимательно выслушал и принял все предложения оператора, чтобы затем забыть о них сразу по прибытии на родину.

Беллингхэм же, щадя мужское самолюбие своего подопечного, и словом не обмолвился, что всё это время его истинным оператором была Грэйвс.

* * *

По прибытии в Москву Полещук изъял приготовленный для него тайник — в нём его интересовали только деньги, шпионские же материалы он уничтожил, твёрдо решив больше никогда не выходить на связь с американской разведкой.

Не последнюю роль в принятии им такого решения сыграла Сэлли Грэйвс, вернее, то, как она сумела обвести его вокруг пальца.

Сэлли, которую Полещук считал самой значительной фигурой в своей галерее сердечных подруг, оказалась змеей в шоколаде…

Глава тринадцатая. Возвращение блудного «крота»

Холодная война продолжалась, и в феврале 1985 года Полещук, незадолго до этого переведенный в управление «К» (внешняя контрразведка) Первого главка КГБ СССР, снова угодил в окопы переднего края невидимого фронта. Теперь ему предстояло сражаться с вражескими спецслужбами на африканском континенте.

Новоиспечённый подполковник возглавил контрразведку в советской резидентуре, действовавшей с позиций посольства СССР в Лагосе, столице Нигерии.

Однако аппетиты Полещука по-прежнему опережали его карьерный рост — денег бонвивану, не привыкшему себе ни в чем отказывать, как всегда, не хватало.

К тому же после непальской командировки он основательно пристрастился к дорогим спиртным напиткам.

Сначала они помогали ему забыть Сэлли, затем, как-то незаметно, превратились в неотъемлемую составляющую его дневного рациона.

Поутру, едва переступив порог служебного кабинета, он первым делом устремлялся к бару, чтобы опрокинуть стаканчик-другой чего-нибудь покрепче.

Как правило, это были лучшие сорта виски или джина, которые он по дипломатическому листу выписывал прямо из Англии или США.

Впрочем, и другие земные удовольствия были не чужды молодому заместителю резидента по контрразведке, преисполненному желания жить полнокровной жизнью.

Немалых средств требовали посещения казино и баров, где стриптизировали длинноногие очаровательные мулатки. Что уж говорить о расходах, в которые вводили контрразведчика те самые темнокожие дивы, регулярно приглашаемые им в номера для сексуальных развлечений.

Словом, образ жизни, который вёл Полещук и без которого он уже не мыслил своего существования, приближал наступление периода ренессанса в его отношениях с Центральным разведывательным управлением…

* * *

Однажды, основательно поиздержавшись, Полещук вспомнил, что он не только заместитель советского резидента, но и секретный агент ЦРУ по кличке «Уэй». И не беда, что он десять лет не подавал позывных, — мало ли, не было возможности!

Решив, что повинную голову американский меч не сечет, Полещук устремился в посольство США, где был встречен с распростёртыми объятиями.

Во время вручения Полещуком своих верительных грамот разведчикам резидентуры ЦРУ в Лагосе Лоунтри и Хьюзу он назвал свой оперативный псевдоним, присвоенный ему Джоном Беллингхэмом в Непале.

В ответ американские «коллеги» заметили, что давно ждут его визита. Для Полещука это был сюрприз, ведь прошло десять лет с момента его последнего контакта с сотрудниками ЦРУ!

Он поинтересовался, как удалось новым друзьям вычислить его прибытие в Нигерию и то, что он — «Уэй».

— Очень просто, Леонид! — засмеялся Лоунтри, который, судя по его поведению, выступал за старшего. — Ну, во-первых, если вы помните, вас в аэропорту встречал некто Будкин, о котором нам давно уже известно, что он — разведчик.

Во-вторых, в своём посольстве вы заняли ту же должность, которую до вас занимал некто Пономаренко, принадлежность которого к советской внешней разведке у нас также не вызывала сомнений. Он — полковник КГБ, не так ли? Кроме того, по прибытии в Лагос вы заняли его квартиру и стали пользоваться его автомашиной…

Полещук слушал собеседника, стараясь скрыть своё удивление, смешанное с восхищением: «Всё гениальное — просто!»

Заметив его отрешенный взгляд, Лоунтри сказал:

— Если вас не шокируют эти подробности, я могу продолжить перечисление признаков, по которым нам удалось установить, что вы принадлежите к противоборствующей спецслужбе, — Лоунтри лукаво подмигнул Полещуку и снова засмеялся.

— Да-да, конечно, продолжайте…

— Всё своё свободное время вы проводите в обществе своих коллег. Даже находясь на пляже, в посольской купальне, вы пьёте пиво только в их компании. В то же время вы избегаете общения и свысока смотрите на остальных советских дипломатов, не так ли? Это естественно, ведь они все от вас в той или иной мере зависимы… Достаточно одного вашего слова, намёка на их явную или мнимую неблагонадёжность, и любой из ваших «чистых» дипломатов первым же рейсом будет отправлен в Москву и не

скоро сможет снова попасть за границу, если вообще сможет…

Разумеется, я говорю лишь о тех сотрудниках советского посольства, чьи позиции не подкреплены родственными связями с высокопоставленными чиновниками из МИДа и ЦК КПСС…

Надеюсь, я не открою тайны, если скажу, что ваши посольства за рубежом — это вовсе не посольства Советского Союза, как это написано при входе… Это — посольства партийной номенклатуры со Старой площади, чиновников МИДа и генералов КГБ, куда они пристраивают своих детей и детей своих родственников и близких друзей…

Простите, я несколько отвлёкся от темы… Вернёмся к признакам, мистер «Уэй»?

— Да-да, конечно… Очень увлекательно!

— Н-да, так вот… В отличие от настоящих дипломатов, вы и ваши соратники не больно жалуете даже посла, а уж о соблюдении вами трудовой дисциплины и говорить не приходится: в рабочее время вас не найти в посольстве, потому что вы постоянно находитесь в городе якобы по личным делам…

В дополнение ко всему вы ещё и часто появляетесь в посольстве в нерабочее время, особенно вечером, подолгу там задерживаетесь, когда все остальные ваши соотечественники отдыхают или развлекаются… Все сотрудники вашей резидентуры имеют возможность свободно общаться с местным населением и гражданами других стран, находящимися в Лагосе по служебным или каким-то другим делам, особенно с теми, контакты с которыми рядовым советским дипломатам не рекомендованы или категорически запрещены…

Ваши коллеги, офицеры резидентуры, свободно посещают рестораны, бары, казино, тратят большие деньги на угощение своих сотрапезников или компаньонов, чего не может себе позволить «чистый» дипломат вашей миссии в Нигерии…

Словом, признаков, демаскирующих ваш истинный статус, у нас набралось предостаточно… К тому же вашу фотографию мы переслали в Лэнгли… Ответ оттуда лишь подтвердил наши догадки… Нет-нет! Я ошибся — это не догадки, а математически выверенные расчёты… Вот так мы узнаём, «кто есть кто»…

Обратите внимание, мистер «Уэй», я рассказал вам всё как на духу. Это свидетельствует о том, что у нас секретов от вас нет… В будущем я надеюсь на взаимную искренность!

Заметив, как при этих словах заёрзал в кресле Полещук, Лоунтри поспешил добавить:

— Вы с чем-то не согласны?

— Нет-нет, я согласен… со всем… Но будет лучше, если вы станете называть меня просто Леон…

— Нет проблем, Леон! Впредь я буду называть вас только так!.. Возвращаясь к поднятой теме, могу лишь добавить одно: в своей работе по выявлению сотрудников КГБ среди советских дипломатов, впервые прибывающих в Лагос, мы используем те же признаки, что и вы… Или я ошибаюсь, Леон?

— Нет-нет, всё так… Мы, конечно же, пользуемся той же методой! — поспешил заверить своих новых знакомых подполковник, хотя всё услышанное явилось для него полной неожиданностью. Нельзя же давать повод своим операторам заподозрить в нем беспросветного невежду!

Разумеется, разведчики резидентуры ЦРУ в Лагосе Лоунтри и Хьюз не столько обрадовались чудесному воскрешению агента «Уэй» как таковому, сколько преимуществам, которые сулила его новая должность.

Американцы отдавали себе отчёт, что направление главного удара советской внешней разведки пролегает далеко за пределами Африки, но вместе с тем они не могли не учитывать и того, что перед ними не рядовой оперработник, а заместитель резидента. Заместители советских резидентов по контрразведке — они и в Африке на вес золота…

* * *

Сотрудничество полностью восстановлено.

Конспиративные встречи с «Уэем» регулярно проводятся в автомашинах посольства США, а затем в специально снятом американской резидентурой особняке.

Однако напрасно надеялись новые операторы «Уэя» и их руководители в Лэнгли, что с помощью вернувшегося из небытия агента на них обрушится водопад информации.

Советская резидентура в Лагосе — заштатная оперточка, и Полещук при всём желании побольше заработать, предоставив своим работодателям интересующие их сведения, испытывает объективные трудности — ну не доходят до него секреты вселенского масштаба, и всё тут!

Теперь «Уэй» на практике познал, что подразумевал Беллингхэм под принципом пилы: «Ты — мне, я — тебе». Для Полещука-агента это означало: «Нет секретов — нет денег».

Отсутствие серьёзной информации не замедлило сказаться на отношении Лоунтри и Хьюза к Полещуку — оно заметно охладело. Теперь они относились к агенту, как промотавшиеся вельможи к гостеприимному трактирщику. Хлопали по плечу, обнимали, с радостью пили и ели за счёт заведения, но в дом

свой не звали — не то сословие.

Полещук старался не замечать изменений в поведении своих операторов, продолжая исправно поставлять хоть и незначительную, но весьма полезную информацию, поэтому наличные деньги на выпивку и на сексуальные забавы у него не переводились.

Вместе с тем рисковать разоблачением за гроши Полещук не собирался и, чтобы получить от своих хозяев «по максимуму», он предпринял обходной манёвр.

На ближайшей явке он довёл до сведения своих шефов, что по завершении африканской командировки его прочат на приличную должность в центральном аппарате управления «К» (внешняя контрразведка) Первого Главка КГБ СССР.

Сразу вслед за этим «Уэй» поставил вопрос об увеличении жалованья. Заядлый картёжник, он верно рассчитал, что «туз, он и в Африке туз», и не ошибся.

Новые друзья поспешили заверить, что все его условия будут приняты.

Действительно, вскоре ежемесячное вознаграждение «Уэя» было пересмотрено в сторону повышения. И не потому, что в его информации по Нигерии появились какие-то сверхценные факты, отнюдь!

Лоунтри и Хьюз, как и их руководство в Лэнгли, заглотили приманку — ведь они надеялись на продолжение связи с агентом, когда по окончании командировки в Нигерии он вернется в Москву и осядет в директивном подразделении внешней контрразведки СССР.

Очень скоро Полещук сумел убедиться, что работодатели из ЦРУ действительно пекутся о его служебном росте…

На ближайшей явке «Уэю» было сделано предложение, от которого он не мог отказаться.

Лоунтри начал издалека:

— Леон, мне и моему начальству в Лэнгли не понаслышке известно, как бюрократическая система КГБ давит на оперативного сотрудника, находящегося за границей, с тем чтобы он постоянно проявлял активность… Собственно говоря, для вас это тоже не секрет. Если вы вернетесь в Россию «пустой», то есть не проведёте здесь успешных вербовок или не предложите каких-то операций, ваша характеристика в лучшем случае будет вежливо-уклончивой, что отнюдь не будет способствовать вашему служебному росту, не так ли? — Лоунтри умолк, ожидая ответной реакции.

«Надо же, американец попал в самый “цвет”!.. Что ни говори, а всё-таки приятно, когда о тебе думают на самом верху…

Недаром ведь он упомянул своё начальство в Лэнгли», — подумал Полещук, но с ответом не торопился, лишь кивнул в знак согласия.

— Так вот, Леон… Мы посовещались и пришли к выводу, что если вам удастся проделать то или другое, о вас сложится мнение как об активном оперативном сотруднике и в будущем вы наверняка получите хорошее назначение… С нашей стороны вы также не будете обделены приятными вещами, согласны?

— Что я должен сделать? — произнес Полещук, которому не терпелось узнать, какая роль отведена ему в предстоящих мероприятиях, спланированных ни где-нибудь — в штаб-квартире ЦРУ!

— Вам лишь надо будет документально оформить привлечение к секретному сотрудничеству человека, чиновника, входящего в ближайшее окружение нигерийского президента, вот и всё…

— И какую же информацию он будет мне поставлять? — в голосе Полещука прозвучала искренняя заинтересованность.

— Это уже наши проблемы, Леон. Не волнуйтесь, мы позаботимся о том, чтобы информация от него, от в а м и завербованного агента, была самой высокой пробы и представляла безусловный интерес для вашего руководства в Москве. Таким образом, ваши позиции укрепятся настолько, что альтернативы вашему назначению в центральный аппарат управления «К» попросту не будет… Ну что, по рукам?

— Интересная мысль! — задумчиво ответил Полещук, борясь с соблазном сразу принять предложение своего оператора.

Он не торопился с ответом, прикидывая, какими осложнениями для него может быть чревато положение, к которому его подталкивали. Перспектива иметь на личной связи в качестве секретного агента правительственного чиновника была весьма заманчивой. Он бы сразу добавил себе третью звезду на погоны — стал полковником. Но с другой стороны, и в этом Полещук не сомневался, американцы подставляют ему своего человека, призванного сыграть роль двойного агента, через которого они намерены «гнать дезу» — снабжать КГБ ложной информацией.

«Интересно, насколько застрахован от провала этот мой предполагаемый агент, и где гарантии моей собственной безопасности? Попадись этот чиновник на сборе секретных сведений и “запой” он на допросах, а то, что он “запоёт” у меня сомнений нет, меня не спасёт никакой дипломатический иммунитет. “Баклажаны” из местной службы безопасности повяжут меня, невзирая ни на какие международные конвенции,

декларации и на мою неприкосновенность. А африканская тюрьма — это даже не Бутырка, хуже! И вместе с тем выбора нет, надо соглашаться…» — подвёл итог своим размышлениям Полещук. Однако, чтобы скрыть свою заинтересованность и немного поторговаться, с напускным равнодушием спросил:

— И кто он, этот чиновник?

— Не спешите, Леон, всему своё время… Сейчас нам необходимо иметь лишь ваше принципиальное согласие, детали мы оговорим чуть позже… Ну, так как?

— От таких подарков не отказываются, — Полещук решительно взмахнул рукой, — согласен!

В последующем, когда в Лэнгли стало известно о провале «Уэя», в Лагосе был арестован и сданный ему в аренду американцами агент «Принц», тот самый правительственный чиновник из ближайшего окружения президента Нигерии.

На суде он выступил с покаянием и горячей обличительной речью в адрес советских спецслужб, которые обманным путём завлекли его в свои сети. Показательный судебный процесс широко освещался в местной прессе и по телевидению.

Искреннее раскаяние спасло «Принца» от длительного срока пребывания в тюрьме, он отделался условным наказанием, о чём с пафосом сообщили все нигерийские средства массовой информации. Однако о том, что через пару дней после завершения судебного разбирательства коммунистического агента сбила машина, узнали только его родственники. Мавр сделал своё дело…

* * *

В мае «Уэй» объявил своим операторам, что в июле убывает на родину в краткосрочный отпуск.

С этого момента в советском отделе Оперативного директората ЦРУ беспрерывно проходит совещание за совещанием.

Руководитель отдела Бэртон Гербер отлично осведомлён об оперативной обстановке на территории СССР, так как в 1980–1982 годах возглавлял резидентуру в Москве. Ему не понаслышке известны трудности, с которыми придётся столкнуться московской резидентуре ЦРУ при поддержании связи с «Уэем», когда тот начнёт работать в центральном аппарате управления «К».

Цель оперативных посиделок — принятие оптимального решения, которое помогло бы приучить Полещука к контактам с

ЦРУ в условиях Советского Союза.

Наконец выход найден. Гербер одобрил вариант, предложенный бывшей «женой» агента — Сэлли Грэйвс.

Её предложение состояло в том, чтобы «Уэй» во время своего очередного отпуска изъял тайник с деньгами, который будет заложен для него посольской резидентурой в Москве.

Уж кому-кому, а ей доподлинно известно, что наиболее чувствительной болевой точкой её бывшего «мужа» являются деньги…

Глава четырнадцатая. Разведчики «глубокого прикрытия»

В июле 1985 года, накануне предстоящего отъезда в отпуск на родину, Полещук настойчиво требовал от своих американских хозяев денег.

После долгих перипетий сотрудникам ЦРУ удалось уговорить его денег с собой через границу не везти, а взять их в тайнике в Москве.

В качестве тайникового контейнера предполагалось использовать испытанный камуфляж — увесистый булыжник. В нем должны были находиться двадцать тысяч рублей — огромная по тем временам сумма.

Лоунтри и Хьюз заверили «Уэя», что закладка тайника в Москве будет осуществлена разведчиком «глубокого прикрытия», который находится абсолютно вне подозрений и о существовании которого в КГБ даже не подозревают.

Полещук, не в силах противостоять искушению, сдался…

* * *

Практика использования московской резидентурой разведчиков «глубокого прикрытия» (советские контрразведчики называют их «подснежниками» или «тихобздуями») свидетельствовала о том, что ЦРУ бережёт их как зеницу ока.

Они никогда не участвуют в повседневных профессиональных играх своих коллег, а на «тропу войны» выходят только в решающий момент, и то лишь когда имеются абсолютные гарантии, что они не «засветятся».

Разведчикам «глубокого прикрытия» вменяется в обязанность молниеносно появиться в нужном месте в нужное время и так же молниеносно исчезнуть.

Они обязаны действовать, как призраки. Вместе с тем результаты их действий всегда должны быть не только материальны, но и весьма осязаемы…

Идея использования разведчиков «глубокого прикрытия» принадлежала начальнику контрразведки ЦРУ Гарднеру Гасу Хэтэуэю. Будучи главой московской резидентуры в 1977–1979 годах, он обратил внимание, что его офицеры практически лишены возможности покидать здание посольства незамеченными. Каждый раз за ними увязывалась «наружка».

В то же время несколько человек, занимавших невысокие посты в Госдепартаменте (Министерство иностранных дел США), «чистые» дипломаты могли ходить без надзора, куда им вздумается.

Одна из причин, почему КГБ всегда знал, за кем следить, крылась, во-первых, в том, что оперативные сотрудники работали в тех помещениях посольства, которые традиционно принадлежали ЦРУ.

Во-вторых, церэушники, работавшие в Москве, как правило, уже успевали послужить, то есть «засветиться», где-либо за рубежом. Поэтому советские контрразведчики задолго до приезда церэушников в Москву уже располагали на них исчерпывающими досье.

Суть замысла Хэтэуэя состояла в том, что новичка-церэушника, никогда не бывавшего за границей по линии разведки, вычислить намного сложнее, особенно если он будет занят полный рабочий день чисто посольскими делами и не будет посещать помещений резидентуры в здании посольства.

О его существовании должны знать только коллеги из центрального аппарата Управления и сам посол. Использовать его можно только в случае крайней необходимости — когда шефу резидентуры понадобится, чтобы кто-то из его людей покинул посольство без «хвоста».

Проект Хэтэуэя под кодовым названием «Безопасная лазейка» прошел успешную апробацию и с 1984 года был принят на вооружение практически всеми резидентурами ЦРУ, действовавшими под прикрытием американских посольств в столицах социалистических стран. Однако недолго музыка играла…

Глава пятнадцатая. Венский информатор

Начиная с 1984 года и в течение последующих двух лет одним из главных действующих лиц в проведении операции «Безопасная лазейка» в Москве должен был стать молодой офицер Эдвард Ли Ховард.

Однако до Москвы Ховард не добрался, поскольку в конце 1983 года рутинный тест на полиграфе показал, что он солгал в ответ на вопрос об употреблении наркотиков во время службы в Корпусе мира. Дело, возможно, и замяли бы — как-никак подготовка Ховарда обошлась Управлению в копеечку, — если бы не его натянутые отношения с непосредственным руководством.

Несостоявшегося разведчика отвели от поездки в СССР, а в мае 1984 года уволили из ЦРУ без объяснения причин.

Вместе с любимой женой Мэри он переехал в Санта-Фе, столицу штата Нью-Мексико, и нашел там хорошую работу, но так и не смог побороть в себе обиду на Управление. У него начались запои, по ночам он стал беспокоить бывших коллег странными телефонными звонками и вообще впал в депрессию.

В июне 1984 года, во время перебранки в баре, Ховард выхватил пистолет и выстрелил в потолок. Суд признал его виновным. В прошлом судимостей он не имел, поэтому его освободили под подписку о невыезде, ограничившись условным наказанием и назначением принудительного лечения в психиатрической клинике.

Во всем случившемся, как и в своих психических расстройствах, бедняга по-прежнему винил только ЦРУ…

Через три месяца после лечения у психиатра Эдвард Ховард, нарушив подписку, приобрел недельный тур и вылетел в Европу якобы для закрепления реабилитационного курса.

21 сентября 1984 года он переступил порог советского посольства в Вене и выразил готовность поделиться известной ему информацией о деятельности московской резидентуры ЦРУ, действовавшей под прикрытием посольства США.

За оказание необычной услуги Ховард просил всего каких-то 150 тысяч долларов.

Сделка состоялась.

Доброволец стал обладателем требуемой суммы, а Комитет госбезопасности СССР — информации особой важности.

Кроме прочих сведений Эдвард Ховард представил данные и о совершенно секретном проекте «Безопасная лазейка», который к тому времени уже перестал быть проектом, превратившись в полновесную секретную операцию, регулярно проводимую

резидентурой ЦРУ в Москве.

Ховард полагал, что сделка носила единовременный характер, но в КГБ считали по-другому. Хотя состоявшийся контакт и не был оформлен письменным договором о взаимных обязательствах, Комитет не собирался в дальнейшем отказываться от услуг добровольного рекрута, постоянно держа его в поле своего зрения. В будущем у Ховарда появится возможность в этом убедиться…

Глава шестнадцатая. Черт из табакерки

В четверг, 1 августа 1985 года, в двенадцатом часу дня Гарднер Гас Хэтэуэй получил срочную телеграмму из резидентуры ЦРУ в Риме. В то утро в американское посольство явился Виталий Юрченко и объявил о своем желании работать на Соединенные Штаты. Совсем недавно он занимал должность заместителя начальника отдела Первого главного управления КГБ (внешняя разведка), осуществлявшего все секретные операции в США и Канаде. Ничего себе улов! Таких размеров золотая рыбка со времен Пеньковского ещё не попадала в американские сети!

Сотрудникам американской резидентуры в Риме Юрченко сообщил, что в прошлом году в Вене некий американец вошёл в контакт с советскими разведчиками и передал им какую-то информацию о деятельности ЦРУ в Москве.

Сам Юрченко никогда не встречался с «венским информатором» и о характере переданных им в КГБ сведений не имел ни малейшего представления. Единственное, в чем русский перебежчик был совершенно уверен, так это в том, что американец некоторое время работал в ЦРУ и был неожиданно уволен во время подготовки к работе в Москве.

Никогда не терявший самообладания Хэтэуэй, поняв, о ком идёт речь, грязно выругался и со словами: «Этого ублюдка надо обезвредить, пока он не натворил новых бед!» — схватил трубку прямой телефонной связи с директором Управления Уильямом Кейси.

* * *

Получив сигнал в отношении Эдварда Ли Ховарда лично от шефа ЦРУ, Федеральное бюро расследований занялось поиском весомых улик для ареста отступника. Одновременно за домом Ховарда было установлено круглосуточное наружное наблюдение, что, впрочем, не осталось не замеченным экс-профессионалом.

Полтора месяца спустя, не имея никаких юридических оснований для задержания подозреваемого, как и не сумев добыть других доказательств вины Ховарда, кроме заявлений Кейси, эфбээровцы пошли напролом.

19 сентября 1985 года три сотрудника ФБР в течение восьми часов допрашивали Ховарда в надежде «расколоть» его и вырвать признание. Тщетно, ибо окончательно озлобившийся церэушник-расстрига всё отрицал.

Но вместе с тем он отдавал себе отчёт, что крест ему готов и дело за малым: осталось принести гвозди и молоток.

Не дожидаясь команды эфбээровцев «на выход с вещами», он сумел оторваться от «наружки», следившей за домом, и вместе с женой на своём видавшем виды «олдсмобиле» помчался за город.

За рулём сидела Мэри. У одного из поворотов Ховард применил трюк под названием «черт из табакерки», которому его обучили в ЦРУ. На полном ходу он неожиданно выпрыгнул из машины в «мёртвой зоне» — на закрытом от наблюдения участке пути.

В тот же момент Мэри усадила рядом с собой куклу, заранее приготовленный мужем манекен, который со стороны можно было принять за Ховарда.

Трюк сработал, преследователей удалось обмануть, а Эдвард Ли Ховард через несколько часов оказался в советском посольстве в Вашингтоне, откуда тайно был вывезен в Москву, где проживает с семьей и по сегодняшний день…

* * *

Справедливости ради надо сказать, что такие, как Ховард, по своим личным данным и моральным качествам не подходят для работы в качестве кадровых сотрудников какой-либо спецслужбы. Им, романтикам, вечным искателям щекочущих нервы приключений, претит рутинная система, царящая в этих организациях.

Своё призвание такие люди, как Ховард, находят на стезе секретного сотрудничества со спецслужбами в качестве агентов. Они не носят «плащ и кинжал»; эти атрибуты принадлежности к тайному Ордену, как правило, хранятся в сейфе их операторов. Работают они во благо спецслужб не по расписанию, выверенному уставом, а по вдохновению.

Сотрудничество Ховарда с Комитетом госбезопасности было весьма плодотворным и взаимовыгодным ещё и потому, что он сам решил переменить «веру».

Ховард обладал широкой эрудицией, неплохо разбирался в экономике, финансовых проблемах, а бизнесменом он был, что называется, от бога.

Имея денежные сбережения на счетах американских и западноевропейских банков, Ховард активно играл на разнице курсов валют и никогда не оставался в проигрыше.

С согласия Ховарда несколько специалистов Госбанка СССР были ознакомлены с его методикой и приемами извлечения

выгоды из игры на валютной бирже и дали им высокую оценку. По сути, деньги можно было делать из воздуха.

Огромную ценность имела и предоставленная им информация о работе с вкладом в банке с целью извлечения максимальных дивидендов.

Опыт Ховарда был взят на вооружение и с успехом использовался Управлением «С» КГБ СССР, занимавшимся вопросами подготовки и работы разведчиков-нелегалов в странах главного противника, то есть в США, Западной Европе и Японии.

Ховарда, с полным на то основанием, можно назвать смелым человеком, но с явным налетом авантюризма и любви к бесшабашным поступкам и не всегда оправданному риску.

Достаточно сказать, что уже проживая в Советском Союзе, Ховард пускался в головокружительные путешествия в страны Западной Европы.

Он даже умудрился несколько раз побывать в США. Правда, по чужим документам, изготовленным для него технарями из Оперативно-технического управления КГБ СССР.

В любом случае, в эти авантюры он пускался, не преследуя никакой личной материальной выгоды, а лишь для того, чтобы вновь и вновь почувствовать упоение риском, а также чтобы выставить ЦРУ и ФБР дураками, которые в своё время несправедливо с ним обошлись, оставив в его душе нерубцующуюся рану.

Надо сказать, Ховард всегда крайне болезненно реагировал на ущемление своих прав. Не исключено, что именно поэтому за долгие годы жизни в СССР он так и не смог привыкнуть к некоторым сторонам советской действительности, например к бесправию потребителей в сфере обслуживания, которая возмущала его с самого первого дня.

Он частенько устраивал разборки в магазинах, наивно пытаясь втолковать продавцам московских гастрономов и универмагов такой понятный для американца принцип, что клиент всегда прав.

Будучи широко образованным и интеллектуально развитым человеком, он, однако, обладал крайне неустойчивой психикой, был легко раним, часто впадал в депрессивное состояние.

Настроение его менялось по нескольку раз на день, причем, казалось бы, без всякой на то причины. Даже несмотря на привязанность к жене и сыну, Ховард через некоторое время общения с ними начинал испытывать потребность в смене обстановки, ему нужны были новые впечатления.

От безудержного веселья через минуту могло не остаться и следа, доброжелательность и общительность легко переходили в

замкнутость и даже агрессивность.

В часы нервных срывов с ним могли общаться только наиболее близкие ему люди.

Но такие приступы проходили сравнительно быстро, и тогда перед окружающими вновь представал умный и тактичный собеседник, внимательно прислушивающийся к советам и пожеланиям, досконально выясняющий все интересующие его вопросы.

После развала Советского Союза Ховард лишился заботливого покровительства, и нельзя исключать того, что в один прекрасный день его «сдадут», как это уже было сделано пришедшими к власти демократами-реформаторами с целым рядом других секретных помощников советской разведки…

Глава семнадцатая. Поклонник лебединой песни

Получив информацию о подробностях проведения тайниковых операций под кодовым названием «Безопасная лазейка», советские контрразведчики немедленно пересмотрели своё отношение ко всем американским дипломатам, занимавшим низкие и просто технические должности в посольстве США в Москве.

Методом тотального просеивания и исключения вскоре удалось выйти на одного неприметного, ну прямо-таки классически «тихого американца» — Пола Залаки, заведующего посольской библиотекой.

В ходе беспрерывного контроля за его поведением и перемещениями по столице были получены данные, бесспорно свидетельствовавшие, что Залаки является именно тем самым «тихобздуем», которому резидентурой ЦРУ поручено осуществлять в Москве закладки тайников для своей особо ценной агентуры.

Поэтому, когда 19 июля из ворот посольства на огромной скорости вылетел «форд» с Залаки за рулём, «наружка» уже знала наверняка, что американец выехал не на прогулку — на задание…

Три часа американец колесил по столице, постоянно меняя направление движения — проверялся.

Однако, несмотря на все ухищрения и непреложное выполнение им требований предельной конспирации, от «наружки» оторваться ему не удалось и он привёл её прямо к тому месту, где должен был осуществить закладку тайникового контейнера.

С точки зрения советских специалистов по шпионажу, место для закладки подбиралось совсем уж как-то по-дилетантски.

Впрочем, как знать? Быть может, выбор места для тайника был обусловлен тем, что туда никогда не заглядывают прохожие, кроме разве что любителей «сообразить на троих».

Не исключено также, что американцы при подборе места для закладки тайника действовали, руководствуясь своим излюбленным принципом: «Самая лучшая конспирация — это полное её отсутствие».

Проезд Серебрякова — глухая окраина северного района Москвы, где прямо на пустыре, густо поросшем кустарником и сорной травой, поднялись новенькие девятиэтажки.

Унылый «лунный» пейзаж дополняют высокие металлические башни-опоры высоковольтной линии электропередачи.

Вот у подножья одной такой опоры и спрятал Залаки свою бесценную ношу — контейнер-булыжник.

Да и спрятал ли? Швырнул, развернулся на каблуках, нырнул в машину и был таков — кому, кроме агента — получателя груза, придёт в голову искать здесь сокровища?!

Как только Залаки, бросив «булыжник», на огромной скорости скрылся вдали, «наружка» получила указание оставить его вне контроля.

Пусть уж мавр, сделавший своё дело, пребывает в полной уверенности, что операция проведена им без сучка и без задоринки!

Да и зачем продолжать слежку? И так ясно, что никаких сюрпризов от американца ни сегодня, ни в ближайшее время не предвидится. На то он и разведчик «глубокого прикрытия», чтобы пакостить редко, но метко.

Кроме того, дальнейшее проведение слежки за разведчиком для «наружки» могло обернуться саморазоблачением, а это, в свою очередь, ставило под угрозу провала реализацию основного мероприятия — захвата с поличным шпиона, который придёт изымать тайник.

* * *

Разведчики наружного наблюдения осмотрели оставленный Залаки булыжник.

Не без труда открыли его. Внутри обнаружили запаянную в пластиковую оболочку пачку денег и записку-напоминание для получателя, что необходимо поставить условный сигнал после изъятия закладки. Пересчитали деньги — ровно двадцать тысяч рублей.

Определить, для кого предназначен тайниковый контейнер и когда он будет изъят, не представлялось возможным.

Ясно было одно: он для весьма ценного источника ЦРУ и рассчитан на продолжительный срок нахождения на местности.

Безусловно, ЦРУ и не предполагало, кем и как бдительно — денно и нощно — будет охраняться контейнер-булыжник.

В тот же день на дежурную вахту неподалеку от башни заступили две машины-фургона «Мосэлектросети», в которых находились бойцы «Альфы» из группы захвата.

В течение световой части суток они, переодетые монтажниками, должны были располагаться вблизи башни, делая

вид, что проводят ремонтные работы на линии высоковольтной электропередачи.

С наступлением темноты «альфовцам» предстояло забираться в фургоны, чтобы продолжать наблюдение с помощью приборов ночного видения.

О случайных прохожих, а также об автомашинах, чьё появление в подконтрольной зоне внушало хоть малейшее подозрение, разведчики наружного наблюдения, расположившиеся в округе, немедленно по рации сообщали «альфовцам» и на центральный диспетчерский пост.

Там уже решался вопрос, какой бригаде «наружки» предстояло установить и с соблюдением строжайшей конспирации выяснить, как и почему вызвавший подозрение человек оказался рядом с тайником.

Сколько человек было проверено на предмет выяснения их возможной причастности к американскому тайнику — одному Богу известно!

Доставалось и аналитикам из центрального аппарата КГБ. Словом, работы хватало всем!

* * *

В ночь с 20 на 21 июля в машинах «Мосэлектросети» прозвучал сигнал боевой тревоги: в подконтрольной зоне появился незнакомец, который, освещая себе путь электрическим фонариком, продвигался к тайнику.

Но почему от «наружки» не поступило никаких предупреждений? Как сыщики проворонили его появление на дальних подступах, неужели проспали?!

В приборы ночного видения «альфовцы» рассмотрели пожилого мужчину, который, время от времени останавливаясь и нагибаясь, что-то искал. Вот он дошёл до «булыжника», остановился, раскуривая сигарету…

Группа захвата бесшумно покинула фургон, как вдруг в ночной тишине явственно раздалось: «Кис-кис-кис!»

Наблюдение продолжили, потому что нельзя было исключать и такой вероятности — тот, кому предназначался охраняемый «альфовцами» булыжник, мог прикинуться владельцем заблудшего животного, кота или собаки.

Мужчина, миновав булыжник, начал шарить лучом фонарика в кустах вокруг башни-опоры.

Наконец, крепко выругавшись, неизвестный повернул обратно и прямиком направился к одной из девятиэтажек…

Фальстарт, всем отбой!

На следующее утро «альфовцы» поняли, что ночной переполох, поднятый хозяином блудливого кота, был лишь началом их мытарств, и даже не «цветочками».

Ибо цветочки, но иного свойства и качества, окружали группу захвата буквально со всех сторон — метровой высоты бурьян, который покрывал пустырь, был не что иное, как заросли конопли. Целая плантация дармовой марихуаны!

А сколько в Москве проживает молодых людей, страждущих халявного кайфа, в этом «альфовцы» вскоре убедились на собственном опыте…

* * *

21 июля, едва на востоке обозначился красный солнечный диск, контролируемая «альфовцами» зона огласилась весёлыми молодыми голосами.

Четверо парней, раздевшись наголо, стали с криком и гиканьем взапуски гоняться друг за другом вокруг башни-опоры, под которой находился «булыжник». Ну чем не пляска дикарей на рассвете!

Со стороны могло показаться, что парни изображают купальщиков. Только вместо воды они ныряли с головой в заросли конопли.

— Что они делают?! — удивился Виталий Демидкин.

— Собирают пыльцу с цветущей конопли, — спокойно ответил замкомандира «Альфы» Владимир Зайцев. — Судя по всему, сборщики — ребята опытные, сейчас самое продуктивное время для сбора «дури».

— Почему?

— Они тебе, Виталий, не напоминают купальщиков? Видишь, они буквально окунаются в росу, смешанную с конопляной пыльцой, чтобы этим раствором покрыть всё своё тело. Когда эти «купальщики» поменяют свой окрас — из бледнолицых превратятся в желтовато-коричневых — считай, что сбор урожая окончен. После этого они ладонями начнут скатывать друг с друга шарики подсохшей пыльцы — это уже готовый к употреблению продукт, так называемая «мастырка». Втыкай шарик в папиросу, прикуривай и лови кайф!

— А почему не в сигарету? — Демидкин подозрительно посмотрел на шефа.

Зайцев не успел ответить.

Безумная пляска нудистов была прервана невесть откуда

появившимися милиционерами с овчарками.

Молодых людей погрузили в «воронок» и увезли.

Зайцев заметил, что вторая машина с «особаченными» милиционерами притаилась у одной из девятиэтажек.

Ждать им пришлось недолго.

Через несколько минут место первой группы «купальщиков» заняли трое парней и девушка, которые, так же как и их предшественники, стали бегать по пустырю в чем мама родила.

— Н-да… — задумчиво произнес Зайцев. — Не было печали, да наркоши накачали!

— А что, собственно, произошло? — удивился Демидкин. — Ну, побегали ребятишки, порезвились… В околотке их под душ поставят и, как говорится, на свободу с чистой кожей и рожей… Всё путём!

— Это ты так думаешь, Виталий, что всё путём! А теперь представь, что менты здесь будут дежурить круглосуточно…

— Ну и пусть себе дежурят, нам-то что? — не понял ход мысли шефа Демидкин.

— Как, то есть, «нам-то что»?! — взвился Зайцев. — Да стоит тому, кого мы ждём, обнаружить здесь ментов — мы его не то что не задержим, мы его даже не увидим! Он же на пушечный выстрел к тайнику не приблизится! А мы об этом и знать никогда не узнаем…

— Почему?

— Почему-почему! Я уверен, что шпион не полезет к тайнику очертя голову. Ну не идиот же он, в самом-то деле! Я, во всяком случае, таких шпионов не встречал… Перед тем, как изымать контейнер, он хотя бы разок, да прочешет проезд взад-вперед, чтобы убедиться, что здесь всё спокойно… И что же? Что он увидит?!

— Ментов… — потухшим голосом ответил Демидкин.

— То-то и оно, что ментов! И тогда, спрашивается, зачем мы здесь торчим?!

Н-да, задали нам работу американцы! Это ж надо было такое место подобрать для закладки тайника! Ведь невооружённым глазом видно, что конопля выросла здесь не вчера. Ну-ка, целая плантация марихуаны…

Нет бы заранее сюда приехать, да всё проверить. Смотришь, и у нас бы проблем сейчас не было…

Ну не парадокс ли? Американцы заложили тайник, а нам приходится мучиться, ломать голову, как его спасти! Что ж вы так наплевательски относитесь и к своим тайникам, и к своим агентам, а, господа империалисты?!

Ладно, пора кончать эти «заморочки» — надо срочно что-то

придумать!

И Владимир Зайцев придумал.

В тот же день в вечерних выпусках столичных газет: «Вечерняя Москва», «Московская правда», «Московский комсомолец» в рубрике «срочно в номер» появились заметки следующего содержания:

«На чрезвычайной утренней сессии Моссовета, состоявшейся 21 июля с.г., было принято решение дать решительный бой сорной траве, отравляющей жизнь и наносящей непоправимый ущерб здоровью жителей-тружеников нашей столицы.

Все призывы прежнего руководства Мосгорисполкома бороться с сорняками оставались благими пожеланиями. Лишь сегодня наконец москвичи услышали новое слово-приказ: "Уничтожить сорняки!"

Да, товарищи, б о р о т ь с я с сорной травой можно безуспешно всю жизнь, поэтому-то и принято решение у н и ч т о ж и т ь её в течение ближайших 48 часов.

Новое мышление, новый подход к решению застарелых, доперестроечных проблем должен найти горячий отклик в сердцах всех москвичей, патриотов столицы нашей Родины.

Первыми на призыв депутатов Моссовета откликнулись подразделения милиции и пожарных расчётов Главного управления внутренних дел Москвы.

Во всех районах нашего города начата "огненная кампания" по уничтожению сорной травы.

Редакция газеты выражает искреннюю признательность всем гражданам, жителям и гостям столицы, кто готов добровольно принять участие в священном деле по освобождению от скверны улиц и площадей нашего города!»

Заметки такого содержания призваны были легализовать действительно предпринятые сотрудниками милиции по указанию КГБ СССР мероприятия по выжиганию конопли в некоторых местах столицы.

Но прежде всего в проезде Серебрякова, где неустановленного американского шпиона дожидался тайник…

Пожарные потрудились на славу: с помощью переносного огнемёта выборочно уничтожили растительность — только коноплю — вокруг башни, под которой находилась тайниковая закладка. Безобидный бурьян и кусты не тронули.

Так что, нагрянь сюда спозаранку любители халявной «дури», они ушли бы несолоно хлебавши. Нет здесь более конопли, и всё тут!

* * *

Публикации возымели действие, и результаты не заставили себя ждать.

Уже на следующее утро, 22 июля, «альфовцы», охранявшие тайник, получили сигнал от «наружки», что в их направлении на большой скорости движется… Залаки.

«Альфовцы», да и не только они одни, гадали, едет ли американский разведчик «глубокого прикрытия» изымать «булыжник», чтобы сделать закладку в другом месте, или просто намерен удостовериться, что тайник остался нетронутым после «огневой» обработки окружающей местности…

Машины «Мосэлектросети» с «альфовцами» на борту немедленно провели перестроение своих боевых порядков — отъехали от места закладки тайника на изрядное расстояние, поближе к девятиэтажкам. Но так, чтобы не выпускать из поля зрения специальных оптических приборов «булыжник».

Вскоре от «наружки» поступил ещё один сигнал о приближении незадачливого американца к башне высоковольтной электропередачи.

Буквально через минуту прямо напротив места, где находился «булыжник», остановился запылённый «форд-таурус», и из него выпрыгнул Залаки.

Распахнул багажник, делая вид, будто что-то ищет в нём. Проходя мимо заднего левого колеса, основательно пнул его ногой. Опять вернулся к багажнику, забравшись туда с головой…

Наблюдай за его действиями человек непосвящённый, наверняка подумал бы, что с иномаркой что-то случилось, и водитель хлопочет в поисках какой-то неисправности.

— Ага! — произнес Зайцев, наблюдавший в перископ за беспорядочными перемещениями американца вокруг и около машины. — Что и требовалось доказать! Изъятие «булыжника» пока отменяется…

В это время Залаки, подложив под себя пару подушек — так выше — с заднего сиденья «форда» рассматривал в подзорную трубу основание башни, где двумя днями раньше оставил «булыжник».

Очевидно, результаты проведенных визуальных обследований местности, а главное — обнаруженный нетронутым тайник, вполне удовлетворили разведчика.

Он смахнул рукавом пот со лба, сложил подзорную трубу, хлопнул багажником, дверцами машины, и был таков.

— Поехал докладывать, что всё в порядке! — удовлетворённо произнес Зайцев и вытер взмокшее лицо ладонью…

Глава восемнадцатая. Камень преткновения

Всё стало на свои места только через две недели, 2 августа 1985 года, когда в районе тайника остановилась белая «Волга» и из неё вышел привлекательной наружности молодой мужчина в майке-футболке и с хозяйственной сумкой в руках.

«Красавчик» заметно нервничал и оглядывался по сторонам. Несмотря на признаки внутреннего беспокойства, незнакомец уверенно и целенаправленно двинулся к месту закладки тайника.

У «альфовцев», наблюдавших за передвижениями «красавчика», не возникло никаких сомнений в том, что именно для него предназначен «булыжник» — уж слишком прямолинеен был его путь.

Удивление «альфовцев» вызвало другое обстоятельство: продираясь сквозь бурьян и кусты чертополоха, вновь стоявшего стеной после обработки огнемётом, незнакомец поднимал с насиженных мест тучи комаров, которые вместо того, чтобы броситься на него, на невесть откуда взявшуюся дармовую добычу, почему-то отлетали в сторону!

Приблизившись к опоре башни ЛЭП, мужчина, ни секунды не колеблясь, поднял «булыжник» и положил в сумку. В тот же миг, будто с неба, на него обрушились четверо «альфовцев».

Во время обыска Полещука «альфовцы» нашли объяснение нелогичному, с их точки зрения, поведению комаров: от задержанного так разило перегаром, что впору было надевать противогазы!

«Красавчик» был заметно пьян — ну и шпион пошёл! — но тут же едва ли не с кулаками набросился на бойцов группы захвата, обвиняя их в том, что они сорвали ему свидание с девушкой, чьё имя и адрес у него вылетели из головы ввиду их неожиданного нападения.

— Ну а булыжник? — поинтересовались «альфовцы», — он что, должен девушке заменить букет цветов?

— Булыжник нашёл случайно, — последовал ответ. — Взял для того, чтобы заткнуть, то есть приткнуть, колесо своего автомобиля…

— И часто вы находите такие камни преткновения? — спросил руководитель операции по захвату шпиона, разламывая «булыжник» пополам и вытаскивая оттуда пачку денег и записку.

— Нет, первый раз…

При личном обыске у Полещука «альфовцы» нашли два

обрывка бумаги.

На одном — схема, где крестиком отмечено место тайника у опоры электропередачи.

На другом — тоже схема, но уже одного из отрезков улицы Горького. Там Полещук должен был поставить сигнал об изъятии контейнера.

Обрывки бумаги превратились в улики, как только в футляре для очков, под подкладкой, был обнаружен план связи с американской резидентурой в Москве. Он-то как раз и содержал описание мест тайника и постановки сигнала о его выемке, которые полностью соответствовали обнаруженным у Полещука записям на двух клочках бумаги…

— Долго пришлось нам вас поджидать… — в сердцах произнес Зайцев. — Где ж вас носило всё это время?

— Да вот… С любимой девушкой ездил на Рижское взморье… Там, знаете ли, есть такое укромное озерцо, где, по рассказам местных жителей, лебеди на рассвете поют… Хотелось услышать лебединую песню…

* * *

Месяца через два наш «суперкрот» в Центральном разведывательном управлении США, Олдрич Эймс, сообщит, что больше всех о провале агента «Уэя» сожалеет и сокрушается Сэлли Грэйвс.

Но не потому, что она должна была последовать за мужем на погребальный костёр, как то предписывал обычай сати, о котором её во время бракосочетания в индуистском храме уведомил Полещук. Отнюдь!

Причиной её печали были обстоятельства более тривиальные. Сэлли Грэйвс попросту опасалась, как бы он (провал) не отразился на ее карьере — идея-то закладки тайника для «Уэя» принадлежала ей…

Книга вторая. Колумбийские страсти

Глава первая. Тройная жизнь советского дипломата

— Я беременна! Ты знаешь, во сколько мне обойдутся роды и содержание ребёнка?! — неслись из магнитофонных динамиков истошные вопли женщины, которая, судя по её произношению, была колумбийкой.

— Не волнуйся, я о тебе позабочусь, — абсолютно спокойно на чистейшем испанском отвечал мужской голос. — Пепита, прости, но я не могу сейчас с тобой говорить… Я перезвоню через пять минут из автомата…

Подобный разговор никогда бы не заинтересовал офицеров из ДАСС (колумбийская контрразведка), сидевших на «прослушке», если бы не одно обстоятельство: женщина звонила из Мадрида в советское посольство в Боготе.

Из окна дома, откуда вёлся контроль и запись телефонных переговоров сотрудников советской дипломатической миссии, «слухачи» вскоре увидели и сфотографировали высокого красивого молодого мужчину, направлявшегося к уличному телефону-автомату. Контрразведчикам потребовалось совсем немного времени, чтобы установить его личность, а перехваченный разговор подтвердил их догадки, что Александр Дмитриевич Огородник состоит в интимных отношениях с гражданкой Колумбии Пепитой Эдсон Арантис Гонсалес, в настоящий момент гостившей у родственников в Испании.

(Александр Огородник, референт министра иностранных дел СССР, известный читателю по роману Юлиана Семёнова и одноимённому фильму «ТАСС уполномочен заявить».)

* * *

Едва только самолёт испанской авиакомпании, выполнявший рейс Мадрид — Богота, вырулил к зданию аэропорта, к нему на огромной скорости подкатил джип с тонированными стёклами.

Пепита Гонсалес была буквально снята с трапа и доставлена в штаб-квартиру ДАСС, где её поставили перед дилеммой: либо она соглашается сотрудничать с контрразведкой, которая берёт на себя обязательство не препятствовать её любовным отношениям с русским, либо её возлюбленный будет скомпрометирован и выслан из страны, а она станет матерью-одиночкой.

Пепита, не видя выхода из создавшейся ситуации, сразу

приняла предложение о сотрудничестве. В качестве первого доказательства своей готовности всячески помогать родной контрразведке она устроила сотрудникам ДАСС встречу с Огородником.

Однако тот ни о каком сотрудничестве с колумбийской спецслужбой и слышать не хотел. Он прямо заявил, что будет иметь дело только с ЦРУ.

Уж кому-кому, а Огороднику, агенту органов госбезопасности (оперативный псевдоним «Стахановец») с пятнадцатилетним стажем секретного сотрудничества, доподлинно были известны мощь и влияние американских спецслужб на процессы, происходившие в Латинской Америке вообще, и в Колумбии в частности.

К тому же от своего куратора, офицера КГБ, работавшего в советском посольстве под прикрытием советника посла, Огородник знал, что местная контрразведка и шага ступить не смела, не согласовав свои действия со старшими партнёрами — спецслужбами США.

Поэтому Огородник решил не размениваться на игры с колумбийскими контрразведчиками и инициативно сделал первый шаг навстречу Центральному разведывательному управлению.

…Спустя пару недель Огородник и «охотник за скальпами» из Лэнгли, некто Гербер Милтон, встретились в турецких банях, расположенных в фешенебельном районе Боготы.

В отличие от своей возлюбленной, Огородник-«Стахановец» не раболепствовал перед вербовщиком, а, приняв предложение работать на Управление, сразу поставил свои условия: американцы должны оплатить расходы Гонсалес по пребыванию в роддоме, поселить её с новорождённым в Мадриде и дать деньги, достаточные для открытия Центра по уходу за младенцами, оставленными своими родителями.

Надо сказать, что, согласившись выполнить условия сделки, ЦРУ изрядно рисковало, так как по сути покупало кота в мешке. Однако уже ближайшее будущее показало, что Управление в лице новоиспечённого агента приобрело особо ценного источника информации…

Из рапорта Гербера Милтона следовало, что русский давно изыскивал возможность вступить в контакт с кем-нибудь из ЦРУ, и лишь увлечение Пепитой отсрочило на время реализацию его намерения.

В последующем, когда Огородник формально «узаконит» свои отношения с Центральным разведывательным управлением, то есть ему будет присвоен оперативный псевдоним «Кнайт» и его

примет на личную связь глава американской резидентуры в Боготе, высказанное им признание будет обращено против него.

Джонатан Уилс, резидент, памятуя о намерении Огородника инициативно вступить в контакт с кем-нибудь из сотрудников ЦРУ, постоянно в ходе явок твердил, что не верит в его искренность и лояльность, а однажды прямо в глаза заявил «Кнайту», что тот лжец и, вообще, «двурушник», так как по совместительству работает на КГБ.

Огородник, до этого не устававший терпеливо подчёркивать, что он — чистый дипломат, вдруг сорвался до ругательств в адрес своего куратора, а когда наконец совладал со своими эмоциями, то с обескураживающей готовностью согласился со всеми обвинениями:

— Да, вы правы, я — майор госбезопасности, а моя настоящая фамилия Пронин… Неужели не слышали? А между тем в Советском Союзе меня, майора Пронина, знает каждый школьник… Как же вы так опростоволосились, мистер Уилс?!

После этого Огородник выдал пришедшему в восторг от своей прозорливости оператору — расколол-таки! — подробности проведенных им в Боготе операций, которые, разумеется, были не чем иным, как «сорок бочек арестантов»…

Глава вторая. Из варягов в «стахановцы»

Сорвался Огородник по одной простой причине: ему на память пришли события пятнадцатилетней давности, когда его вербовал сотрудник Особого отдела КГБ (военная контрразведка) капитан Матрёшкин, курировавший часть, в которой Александр проходил срочную военную службу.

В тот осенний вечер рядовой первого года службы Огородник никаких подвигов не планировал. Вернувшись в казарму после суточного наряда на кухне, он, не снимая сапог, в изнеможении повалился на койку. Спящего Огородника растолкал дневальный и приказал срочно явиться в штаб полка.

В Красном уголке штаба, под портретами Ленина и Хрущёва, его уже поджидали замполит подполковник Недрыгайло и капитан из Особого отдела КГБ полка по фамилии Матрёшкин.

Последний сразу взял инициативу в свои руки:

— Ну что, рядовой Огородник, настала пора доказать свою преданность идеалам Великой Октябрьской социалистической революции, Коммунистической партии, советскому правительству и так далее… Ты как, готов?

— Так точно, товарищ капитан, всегда готов! — вытянувшись по струнке и недоумевая, почему в столь поздний час двум офицерам из начальствующего состава полка вдруг пришло в голову выяснять его преданность партии и правительству.

— Это хорошо, что готов, — сказал Матрёшкин, вперив в рядового пронзительный взгляд психиатра. — Тут дело вот какое… По мере нашего победоносного продвижения к вершинам коммунизма наймиты империализма, вражеские разведки, намерены вставлять нам палки в колёса, н-да… Всячески вредить и подрывать нашу боеспособность, тем более здесь, в Группе советских войск в ГДР, н-да… Так вот, чтобы вовремя получить сигнал о готовящихся диверсиях и провокациях, мы, посоветовавшись, решили дать тебе секретное задание… Ты как, готов его выполнить?

— Так точно, товарищ капитан, всегда готов!

— Да что ты заладил, «всегда готов», «всегда готов»… Ты уже не пионер… «Всегда готов»… Ты — рядовой Вооружённых Сил Советского Союза! Поэтому надо думать перед тем, как отвечать, а не только уметь сапоги чистить с вечера, чтобы поутру надевать их на свежую голову… Почему, кстати, у тебя сапоги не начищены?

— Виноват, товарищ капитан! Я только что из наряда по кухне вернулся. Не успел почистить…

— А в постель в сапогах уже успел упасть, а?! Ты не думай, что на простачка нарвался, мы в Особом отделе о тебе всё знаем… И как за буфетчицей Нюркой ухлёстываешь, и как деньги на зубную пасту, да на немецкое мыло собираешь, вместо того чтоб на водку марки потратить… Увлекаешься, значит, коллекционированием иностранных вещей, перед Западом преклоняешься? Ну-ну, смотри мне! В общем, нам всё про тебя известно! Но разговор сейчас не об этом… Нужна твоя помощь, н-да…

Александр был в недоумении: если уж особисту, или, как его меж собой называли солдаты, «особняку», всё известно, то при чем тут он, рядовой первогодок?! Но виду не подал, решил дослушать до конца.

— Ты как, не против помочь Особому отделу?

— Никак нет, товарищ капитан!

— Что-то я не понял этого твоего «никак нет»! Никак нет — это твоё «да», или никак нет — это твой отказ, а, рядовой Огородник?!

— Никак нет, товарищ капитан, я не против помочь Особому отделу! — отрапортовал Александр, у которого от страха в три ручья катил пот по спине.

— Ну то-то же, а то заладил тут «никак нет», «никак нет»… — сменил гнев на милость Матрёшкин. — Значит так, нам известно, что твои земляки с Западной Украины, ефрейтор Перебейнос и рядовой Хрупайло, во время учебных стрельб на полигоне почему-то расходуют не весь боекомплект, а оставляют себе по одному-два патрона. Почему?

— Не могу знать, товарищ капитан!

— Да я тебя и не спрашиваю, «почему», рядовой Огородник! Вот выяснишь это «почему» и доложишь мне, ясно?

— Так точно, товарищ капитан! Выяснить и доложить…

— Так-то… Будем считать, что первое задание ты получил… Доложишь письменно, а чтоб никто не догадался, что информация пришла от тебя, донесение подпишешь псевдонимом… Знаешь, что такое псевдоним?

— Ну, это кличка такая…

— Клички, рядовой Огородник, они у агентов империализма, а в советских Вооружённых Силах все ходят под псевдонимами, понял?

— Так точно, товарищ капитан, понял! У нас все ходят под псевдонимами!

— Отставить, рядовой Огородник! Не все! — Матрёшкин поморщился, как от зубной боли. — А только избранные… Ну вот, как ты, к примеру… Мы тебя долго выбирали. А теперь,

значит, твой черёд выбрать себе псевдоним… Сразу предупреждаю: фамилии членов Президиума ЦК Коммунистической партии не употреблять, героев революции, Гражданской и Великой Отечественной войн, а также живущих маршалов и генералов — тоже. Остальные — можно! Ну, так как мы тебя с этого дня меж собой будем называть?

— Орлик! — выпалил Александр, вспомнив недавно виденный фильм «Застава в горах».

— А кто такой этот «Орлик»? — Матрёшкин подозрительно взглянул на солдата.

— Орлик — это имя лошади, которая спасла своего хозяина, начальника погранзаставы…

— Отставить! Ты бы себя ещё бегемотом или орангутангом обозвал, Огородник! А Орлик — это фамилия начальника нашего лазарета, еврея по национальности… Ты давай что-нибудь наше, славянское!

— Ну, тогда, товарищ капитан, можно я буду Александром Матросовым? Он — Александр и я тоже…

— Отставить! Матросов-то он — Александр, но, не чета тебе, герой! А я тебе сказал, что имена героев Великой Отечественной войны забыть! Тьфу, чёрт! Совсем я с тобой зарапортовался! Забывать имена героев войны нельзя — брать их в качестве псевдонима запрещено, понял ты, бестолочь?!

— Ну, может, тогда Валерий Чкалов? — робко спросил Александр, совсем сбитый с толку напористостью «особняка».

— У меня уже есть три «Чкаловых» в полку… По наследству достались, черт бы их побрал, путаница сплошная… Слушай, давай я тебе сам псевдоним предложу, а? Ну вот, к примеру, «Стахановец»… Ну чем плохой псевдоним?

— Ну вот и славно… — Матрёшкин вытер тыльной стороной ладони взмокший лоб и стал расстёгивать китель. Вдруг, что-то вспомнив, вскочил на ноги и скомандовал:

— Рядовой Огород… Отставить! Товарищ секретный агент «Стахановец», марш в угол!

— В какой? — почувствовав неладное, едва слышно выдохнул Александр.

— В какой-какой?! В тот, где полковое знамя стоит…

— Зачем? — у Александра от страха ноги стали ватными.

— Зачем-зачем… Знамя целовать, вот зачем!

Александр на полусогнутых ногах добрёл до знамени и, делая вид, что целует полковую святыню, вытер пропылённой тканью взмокшее от пота лицо…

— Поцеловал? — раздался голос Матрёшкина из глубины Красного уголка. — Иди садись, пиши подписку в том, что

обязуешься не разглашать… Никаких обстоятельств, понял?! И смотри мне, псевдоним береги как зеницу ока! Чтоб ни одна живая душа не прознала, что ты, рядовой Огородник, и «Стахановец» — это одно и то же лицо…

Всё, свободен! Когда понадобишься, я тебя найду… Про патроны не забудь, понял?..

Когда за Александром закрылась дверь, замполит с мольбой во взгляде обратился к Матрёшкину:

— Иван Иваныч, может, хватит на сегодня? Первый час ночи уже…

— Я хоть и не подполковник, как ты, а капитан, но чувство ответственности у меня повыше твоего! — Матрёшкин до конца расстегнул китель. — Что значит — хватит?! У меня разнарядка! До годовщины Великого Октября осталось дней… с гулькин нос, а в полку некомплект боевых штыков — агентов… Так, отставить разговорчики в строю! Кто у нас следующий по списку?

— Рядовой Хабибулин из второй роты, — покорно ответил замполит.

— Зови! А сам думай, какой ему псевдоним присвоим — твоя очередь… А то с этим Хабибулиным из Чуркестана до утра промучаемся… Он хоть по-русски понимает?

— С трудом, но работы с ним, товарищ капитан, не прекращаем ни на один день… И надо сказать, старательный хлопец, быстро схватывает русскую речь… Матерится уже на полную катушку!

— Черт! Значит поторопился я… Надо было ему, этому Хабибулину, оставить псевдоним «Стахановец»! За трудолюбие… Ну, да ладно, выкрутимся… Ты придумал что-нибудь?

— Да что-то в голову уже ничего не идёт… Может, «Авиценной» его наградить?

— Ты что! Авиценна — узбекский целитель, а этот — татарин… Надо бы какое-нибудь имя из их фольклора…

— Ну, может, «Люля-кебаб», а?

— Ну да! Тыего ещё «Пловом» назови… Люля-кебаб — это ж кушанье, а не имя!

— Вспомнил! — заорал замполит. — Хабибулин-то наш из Казани…

— Ну и что?

— Как то есть «что», товарищ капитан?! Дадим ему псевдоним «Казанский»…Ну чем не выход?!

— Ладно уж, зови своего «Казанского»…сироту!

* * *

По завершении срочной службы младший сержант Огородник, он же в иночестве — «Стахановец», отличник боевой и политической подготовки, получил необходимые рекомендации и характеристики и, успешно сдав экзамены, был зачислен студентом на первый курс испанского отделения переводческого факультета Московского госпединститута имени Мориса Тореза.

Но деятельность его в качестве секретного сотрудника не прекратилась, наоборот, приобрела второе дыхание. Самодура «сапога-особняка» Матрёшкина сменил майор-интеллектуал из центрального аппарата Лубянки по фамилии Спесивцев.

Теперь Огороднику-«Стахановцу» под руководством нового куратора пришлось следить, скольких белых женщин-москвичек привёл и оставил на ночь в своей комнате общежития негр из Сьерра-Леоне Пьер Бенжамин. Сколько пустых бутылок из-под вина и водки выбросил в мусорный ящик подданный Камеруна Нгомо-Нгура. Сколько селёдок слабого посола зажарили и съели в течение месяца студенты-вьетнамцы…

Донесения о батальонах оприходованных неграми москвичек, эшелонах выпитого спиртного и километрах зажаренных вьетнамцами селёдок все шесть лет обучения «Стахановца» в институте исправно ложились на стол Спесивцева, а затем сменявших его коллег. Когда пришло время получать диплом, Огородник был распределен на работу в качестве переводчика испанского и английского языков в Комитет молодёжных организаций ЦК ВЛКСМ. Проработав там около двух лет, он выехал в долгосрочную командировку в Колумбию.

Огороднику казалось, что дурдом — Советский Союз — и явки на конспиративных квартирах с лубянскими операми остались позади. Что с прибытием в Боготу он наконец свободно вздохнёт и будет общаться на равных только с рафинированными дипломатами. Легкомысленное заблуждение! Майор Заика, сотрудник КГБ, выступавший под дипломатическим прикрытием, встретил «Стахановца» едва ли не у трапа самолёта и на первой же явке поставил задачу по изучению обстановки в коллективе…

Собственно, по-другому и быть не могло. Однажды заложив душу в ломбард Комитета госбезопасности, ты её уже оттуда никогда не выкупишь. Но перезаложить конкурирующей фирме, как оказалось, можно. Что и не замедлил сделать Огородник-«Стахановец».

Однако и КГБ, и Центральное разведывательное управление пребывали в счастливом неведении и не могли нарадоваться на своего секретного сотрудника «Стахановца-Кнайта»…

Глава третья. «Стахановец» зарабатывает «очки»

Изложенные Огородником факты о «кознях КГБ в Боготе» были немедленно подвергнуты тщательной проверке. В итоге оказалось, что всё рассказанное «Кнайтом» — вздор и импровизация оскорблённого недоверием агента.

Когда же отчёт Джонатана Уилса о «происках КГБ» попал на стол к его непосредственному начальнику Хэвилэнду Смиту, шефу латиноамериканского отделения ЦРУ, тот пришёл в ужас от тупой самоуверенности и наивности своего подчинённого, Уилса.

И хотя Хэвилэнд по достоинству оценил чувство юмора агента и его находчивость, однако отношение руководства ЦРУ к «Кнайту» положительных изменений не претерпело: подозрительность уступила место разочарованию. А всё лишь потому, что в начале 70-х годов верхушка Управления придерживалась убеждения: внимания заслуживает только информация о КГБ, ГРУ и военных приготовлениях Советов.

Эта точка зрения изменилась лишь после того, как в информационно-аналитическом Директорате ЦРУ внимательно ознакомились с содержанием донесений «Кнайта.

…Советское посольство в Боготе вряд ли можно было назвать горячей дипломатической точкой, но вместе с тем советский посол постоянно принимал поток телеграмм из Москвы, которые объясняли позиции Кремля по отношению ко всей Латинской Америке и вопросам, которые выносились на обсуждение в Организации Объединённых Наций.

А это уже были секреты государственной важности, к которым по роду деятельности имел доступ Огородник.

Однако его акции как секретного агента ЦРУ достигли своего пика лишь через полгода после вербовки, когда он начал работать в центральном аппарате МИД СССР.

Накануне отъезда в Москву Огороднику выдали специальные шифрблокноты с индивидуальным шифром. Только человек, имеющий идентичный блокнот, мог расшифровать сообщение.

ЦРУ снабдило его также портативной фотокамерой Т-100, закамуфлированной под обычный тюбик губной помады, чья разрешающая способность позволяла делать 100 снимков в минуту.

Кураторы Огородника позаботились также и о том, чтобы сменить его оперативный псевдоним: из «Кнайта» он превратился в «Тригона», поскольку существовал риск, что КГБ рано или

поздно обнаружит, что «крот» ЦРУ, известный как «Кнайт», работал в советском посольстве в Боготе. Если «Кнайт» будет ненароком упомянут в потоке телеграмм из Москвы или в Москву, то КГБ сможет вычислить этого некто, недавно выехавшего из Колумбии в СССР.

Из характеристики агента «Тригона», составленной Смитом Хэвилэндом:

«Умный, подвижный, с широким кругозором. Легко и органично находит контакт с людьми, независимо от их возраста, половой и социальной принадлежности.

Имеет вкус к просчитанному риску, азартен, вместе с тем обладает развитым механизмом эмоционального самоконтроля.

Его общая жизненная установка очень конструктивна. Не считаясь со средствами, умеет достигать поставленной цели. Очень рационален, внутренне организован и собран. К нему вполне подходит определение: self-made man — человек, который сам себя сделал, или "герой с нуля".

Склонен к рефлексии и самоанализу. Очень энергичен, обладает повышенной работоспособностью.

Пользуется успехом у женщин всех возрастных групп и социальных прослоек.

Обладает даром убеждения. В спорах красноречив, логичен, уверен и внешне искренен. Собственную точку зрения готов отстаивать до конца. В последующем может быть использован в качестве агента-вербовщика.

Выявленные недостатки:*излишне самоуверен, болезненно переносит критические замечания в свой адрес.*

Эгоистичен до крайности, злопамятен, коварен и безжалостен в актах мести.

Гедонист, любит всякого рода излишества, склонен к избыточным удовольствиям. Вместе с тем ярый противник алкоголя и табакокурения.

Неразборчив в установлении сексуальных связей с женщинами, предпочтение отдаёт младшим по возрасту. В отношениях с ними деспотичен. Возможно, это вызвано тем, что в детстве он был лишен в необходимой мере материнской ласки».

Глава четвертая. На прямой линии с президентом

В феврале 1974 года Огородник был отозван в Москву и зачислен в штат Управления общих международных проблем Министерства иностранных дел СССР.

Назначению немало способствовал и факт многолетнего секретного сотрудничества «Стахановца» с Комитетом госбезопасности, который стремился иметь свои глаза и уши в элитном подразделении МИДа. Туда стекалась информация со всех концов света, так как каждый советский посол ежегодно представлял в министерство отчёт, в котором не только подвергал анализу политическую ситуацию в стране пребывания, но и излагал планируемые мероприятия по улучшению отношений с данным конкретным государством.

Таким образом, ЦРУ с помощью «Тригона», а КГБ с подачи «Стахановца» имели возможность видеть мир точно таким, каким его видело высшее руководство СССР…

В Москве «Тригон» - «Стахановец» принялся за работу засучив рукава. Он перефотографировал и передал в Лэнгли тысячи дипломатических телеграмм, включая секретные депеши, составленные советским послом в Вашингтоне Анатолием Добрыниным и Олегом Трояновским, постоянным представителем Советского Союза при Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке.

Двойной агент сообщал своим операторам из КГБ и ЦРУ, какие конкретно указания давал Кремль Анатолию Добрынину по поводу его поведения в ООН, и какова должна быть его позиция на переговорах об ограничении вооружений, и даже о том, до каких пределов СССР может уступить на переговорах об ОСВ-1.

Кроме того, «Тригон» - «Стахановец» передал в штаб-квартиру ЦРУ подробную информацию о нежелании советского правительства участвовать в военном противостоянии между группировками различной политической ориентации в Анголе…

Не редкостью было и появление на рабочем столе двойного агента докладов о состоянии советской экономики. Неудивительно, что совершенно секретные сведения о быстро сокращающихся запасах нефти на месторождениях в Волжско-Уральском регионе стали достоянием КГБ и ЦРУ.

В первой инстанции они вызвали недоумение и обеспокоенность. После чего по инициативе председателя КГБ Юрия Андропова было созвано заседание Политбюро, на котором

обсуждались меры по улучшению обстановки в указанном регионе.

Достигнув другого полушария, та же самая информация отчасти спровоцировала «энергетический кризис» и повышение цен на бензин в середине 70-х годов…

На правах будущего зятя Огородник регулярно участвовал в застольях, устраиваемых в хлебосольном доме секретаря ЦК КПСС Константина Русакова, где часто присутствовали не только партийные бонзы со Старой площади, но также руководители союзных министерств и даже генералы из центрального аппарата Лубянки.

Из отдельных неосторожных высказываний сановных гостей, свидетелем которых зачастую был Огородник, ему несложно было делать далеко идущие выводы.

Обо всём подслушанном в доме будущего тестя «Тригон» - «Стахановец» незамедлительно, но весьма дифференцированно информировал своих работодателей в Лэнгли и на Лубянке.

Так, он представил им подробную справку о нарастающих разногласиях между генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Брежневым и председателем Совмина Алексеем Косыгиным по поводу отношений СССР с США.

Юрий Андропов не в силах предложить какой-либо более или менее приемлемый компромисс, чтобы погасить разраставшийся конфликт между двумя первыми лицами партии и государства, просто принял информацию «Стахановца» к сведению.

Администрация президента Никсона мгновенно отреагировала на поступившую от «Тригона» информацию и по согласованию с премьер-министром Канады Пьером Трюдо немедленно направила Косыгину приглашение посетить Соединенные Штаты и Канаду осенью 1974 года…

Для ЦРУ материалы, поступавшие от «Тригона», представляли такую ценность, что руководство Управления ввело специальную систему их распространения, строго обозначив и постоянно держа под контролем круг лиц, которые имели к ним доступ.

Со всеми донесениями агента работали только кадровые офицеры-переводчики Управления. Дипломатические сообщения, переданные «Тригоном», переводились на английский язык дословно, без всякого редактирования и правки, а затем печатались на бумаге с синим окаймлением, получив кодовое название «синеполосные доклады».

Специальные курьеры доставляли их непосредственно президенту США Ричарду Никсону и его помощнику по национальной безопасности Генри Киссинджеру.

Лишь после этого «синеполосные доклады» попадали в Государственный департамент и Совет национальной безопасности.

За всю историю вербовочной деятельности ЦРУ такой чести были удостоены лишь материалы, поступавшие от «кротов» из ГРУ, полковника Олега Пеньковского и генерала Дмитрия Полякова…

* * *

В дом вельможного партийного функционера Огородник попал, обучаясь на последнем курсе переводческого факультета Московского госпединститута иностранных языков им. Мориса Тореза (МГПИИЯ).

В конце 60-х годов отпрыски кремлёвских небожителей обучались преимущественно в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО). Во время устраиваемых «капустников» и вечеров отдыха там собиралась вся «золотая молодёжь» столицы.

Специально для таких великосветских тусовок в буфет института из Елисеевского гастронома завозились всевозможные отечественные деликатесы в виде осетровых балыков, крабов, чёрной и красной икры, изысканные сухие вина, импортное пиво, а также «колониальные товары» — бананы, ананасы, манго, киви.

Всё это делалось по распоряжению ректората и парткома в рамках программы производственного обучения. Наставники будущих советских дипломатов были убеждены, что именно таким образом должна проводиться подготовка их адептов к участию в предстоящих дипломатических раутах на высшем уровне.

Советский дипломат, считало руководство института, находясь на приёме у английской королевы, не должен мучиться вопросом, в какой руке ему держать вилку, если котлету по-киевски он уже держит в правой…

Именно для того, чтобы избежать в будущем подобных промахов, в институте и проводились фуршеты с разносолами и лёгкой выпивкой.

Александр Огородник, простолюдин из украинской глубинки, не упускал ни одной возможности побывать на вечерах отдыха и «капустниках», где тусовались без пяти минут дипломаты. Там он мог на короткий миг обмануть себя иллюзорной идеей принадлежности к элите, хоть ненадолго почувствовать себя причастным к касте избранных и хоть одной ноздрей, вдохнуть

дурманящий аромат той, недоступной ему ввиду рабоче-крестьянского происхождения, жизни, которую вели его сверстники, сынки и дочки родителей всесоюзного значения…

На одном из «капустников» он познакомился с сыном Константина Русакова, Игорем, который и ввёл его в дом своего отца.

Особенно они сблизились после возвращения «друга Саши» из Колумбии, потому что кураторы из Лэнгли и с Лубянки всячески поощряли посещения «Тригоном»-«Стахановцем» дома секретаря ЦК КПСС Русакова…

Глава пятая. Губят агентов не деньги, губят их тайники

Весь постколумбийский период своей дважды тайной жизни «Тригон» - «Стахановец» работал в поте лица своего, что называется, на два фронта.

Им были пересняты и переправлены за океан тысячи секретных документов, касающихся магистральных направлений советской внешней политики. Предпочтение, разумеется, отдавалось материалам, в которых излагалась тактика и стратегия СССР в отношении США и их союзников.

«Тригона» - «Стахановца» хватало на всё, и он с неослабевающим вниманием следил за развитием взаимоотношений СССР со странами — участницами Варшавского договора и за планированием и разработкой внешнеполитических акций СССР в отношении так «полюбившейся» ему Латинской Америки.

Энергии агенту не занимать, поэтому он по традиции продолжал держать под контролем и поведение своих мидовских коллег, чему особо был рад его новый куратор из Комитета, полковник Н.

Сотни, тысячи километров «Тригон» накручивал на своей белой «Волге», гоняя по Москве, чтобы заложить или изъять десятки тайников.

Сокольнический, Филёвский, Измайловский парки — места, где он обычно оставлял и забирал контейнеры, камуфлируемые его американскими операторами под бросовые предметы: булыжники, искорёженные консервные банки, обрезки металлических труб.

В одних он отправлял добытые стратегические секреты, из других получал инструкции, специальную экипировку и деньги, деньги, деньги… Хотя, справедливости ради следует сказать, что они никогда для него не были фетишем.

Александр Огородник, будучи весьма прагматичным человеком, всегда отдавал себе отчёт в том, что много денег приносят много счастья только в странах с иным, чем в СССР, социальным укладом.

Он знал, что в Советском Союзе много счастья и много денег приносят высокие звания и глубокие кресла в кремлёвских или мидовских кабинетах. Ему же, человеку маленькому, оставалось одно: добывать большие деньги за чертой закона, лелея надежду, что когда-нибудь, женившись на племяннице Гришина, он станет

полноправным членом элитного клуба советского истэблишмента и сможет не таясь, в открытую, тратить добытые деньги. Но когда ещё это сбудется, да и сбудется ли вообще… Ну а раз так, то все усилия надо сосредоточить на добывании денег, денег и ещё раз денег.

Впрочем, в глубине души Огородник надеялся, что когда-нибудь, поднакопив деньжат, он сумеет убедить своих кураторов из Лэнгли не пролонгировать контракт. Почему бы и нет? Он же, в конце концов, — не perpetuum mobile, вечный двигатель!

* * *

К середине 1975 года Второй главк (контрразведка Союза) был обеспокоен докладами, поступавшими из зарубежных резидентур: ещё не накрыт стол, за которым будет проводить переговоры Андрей Громыко, а противоположной стороне уже известно, до каких пределов СССР готов идти на компромисс и делать уступки.

Дряхлеющий советский ареопаг — Политбюро — ещё только обсуждает в келейной обстановке очередные инициативы Советского Союза на международной арене, а правительства западных стран уже заготовили с десяток ответных вариантов, способных заблокировать или помешать их реализации…

Контрразведчики предпринимали титанические усилия, чтобы отыскать этот таинственный источник утечки на Запад совершенно секретной информации государственного значения. В том, что он существует и активно действует, сомнений у руководства КГБ не было. Вопрос вопросов — где его искать?!

В результате скрупулёзного анализа стало ясно, что сведения, составляющие государственную тайну, утекают к идеологическим противникам не из советских дипломатических представительств за рубежом, сколь значимы бы они ни были, а из центрального аппарата МИД СССР, из Москвы. Но и там отыскать шпиона — всё равно, что иголку в стоге сена…

* * *

После Великой Отечественной войны десятки кандидатов и докторов контрразведывательной науки разработали и постоянно дополняли так называемый «Свод признаков, указывающих на подготовку или проведение шпионских акций лицом из числа советских граждан».

Но, как известно, старые генералы готовятся к прошедшей войне. Все выданные на-гора престарелыми чекистами-теоретиками наставления, в которых перечислялись признаки, способствующие выявлению вражеских лазутчиков, безнадёжно устаревали, ещё не попав в руки к оперативным сотрудникам-практикам.

Зачастую заповеди совершенно секретных инструкций, разработанные кандидатами и докторами (как правило, ими становились вышедшие в отставку генералы КГБ) для оперативного состава, выглядели по крайней мере набросками к плану проведения пионерской игры «Зарница».

И хотя в этих инструкциях отсутствовали постулаты времен революции 1917 года, как то: «На галошах не следует иметь своих истинных инициалов. Это часто даёт предателям нить для розыска лиц, фамилии которых им известны». Тем не менее многие рекомендации генералов-профессоров больше походили на тезисы из брошюры «В помощь сельскому пионервожатому-следопыту», чем на методические пособия по выявлению агентуры противника.

Например, в одной из инструкций автор под большим секретом наставлял оперативников, что в целях конспирации вражеский агент не будет звонить со своего служебного телефона, чтобы передать секретные сведения противнику, а обязательно воспользуется телефоном-автоматом.

И вот это «божественное откровение» долгие годы являлось для советских контрразведчиков одним из основополагающих признаков, который якобы свидетельствует о принадлежности должностного лица к агентуре противника!

Тот факт, что какой-то чиновник покинул свой рабочий кабинет и направился к ближайшей будке телефона-автомата, чтобы назначить вечернюю «стрелку» своей интимной подруге, по всей видимости, даже в голову не приходил составителю инструкции.

Нет, головы докторов и кандидатов от контрразведки должны думать не об интиме, избави Бог, — только о благе народном и безопасности Отчизны.

Складывалось впечатление, что профессоры-чекисты не в силах устоять перед искушением взять какой-то признак и утюжить его взад-вперёд, что приводило к бесконечности зеркальных отражений…

Словом, то, что подавалось как яркое научное открытие теоретиков от контрразведки, давно уже было известно всем дворовым сплетницам и квартальным анонимщикам, являясь нормой их повседневной деятельности…

* * *

Американские спецслужбы, между тем, не тратя время на псевдонаучные исследования и накопление иллюзорных признаков, снабдили своих секретных помощников, действовавших на территории СССР, радиоэлектронными средствами связи, способными в течение 2—3-х секунд передать информацию в объёме одной страницы убористого машинописного текста на расстояние свыше 500 метров (так называемый «радиовыстрел»).

Правда, несмотря на все достижения технического прогресса, пронизавшего суть взаимоотношений спецслужб со своими секретными помощниками, при всём том оставалось одно большое «НО». Например, изопродукцию, отснятые микрофотоплёнки, тогда ещё не научились передавать, минуя тайники. Так что к ним время от времени вынуждены были прибегать и агенты, и их операторы.

Кроме того, деньги агенту по почте не пошлёшь, значит, опять тайники! Вот на них-то, проклятых, «Тригон» и погорел. А дело начиналось так.

Глава шестая. Не все Колумбы открывают Америку

С первого дня работы в управлении общих международных проблем Министерства иностранных дел СССР Александр Огородник почувствовал, что пришёлся не ко двору.

Он, сумевший пробиться на верхний этаж внешнеполитической синекуры благодаря блестящему знанию испанского и английского языков, своей работоспособности и умению вовремя подсказать оригинальную идею начальству, да так ловко и корректно, что оно сразу выдавало её наверх в качестве собственных умозаключений, не мог не вызывать зависти у сослуживцев.

Ситуация осложнялась тем, что некоторые из них после окончания МГИМО если и бывали за границей, то лишь в краткосрочных, не более месяца, командировках. А этот новенький, надо же! Поработав недолго в Комитете молодёжных организаций при ЦК ВЛКСМ, уехал на целых три года в Колумбию…

Действительно, рослый красавец о тридцати четырех годах, неженатый, без роду и племени, был инородным телом в коллективе, куда люди попадали лишь благодаря своим родственным связям в верхних эшелонах власти. И хотя за душой у них ничего не было, но за спиной кто-то стоял… Очень влиятельный!

Первоначальная притирка характеров с коллегами кончилась не в пользу Александра Огородника. Возможно, виной тому были его самоуверенная надменность и снисходительно-покровительственное отношение к окружающим.

Когда кто-нибудь из них обращался к нему с рабочим вопросом, у него во взгляде уже горел немой укор:

«Ну что ж ты, даже этого не знаешь… Впрочем, а можно ли от тебя вообще чего-нибудь путного ожидать? Ты не только плывёшь по течению, тебе ещё и в спину дует попутный ветер — твоё знатное происхождение и связи!»

Словом, вскоре Огородником овладело чувство стадного одиночества.

Спасение от ненавистного коллектива он находил только в своей борьбе на два фронта и, как это ни покажется странным, в общении в ходе конспиративных встреч со своим куратором из Комитета, полковником Н-ским, которому был передан на связь по возвращении из Колумбии.

Последний втайне благоволил к своему подопечному.

В «Стахановце» его прежде всего привлекал темперамент авантюриста, безоглядная дерзость провинциала, покорившего столицу, быстрота в мыслях и движениях и отчаянно продувной вид. Хотя полковник нисколько не сомневался, что его агент — один из тех, что торопятся жить, да так, чтобы, высосав весь сок из апельсина, оставить корки для неудачников…

Где-то в глубине души полковник даже завидовал умению агента держать себя на людях и одеваться.

Действительно, Огородник, весь трещавший от модности, победоносный и важный, выгодно отличался от других агентов, которые были на связи у Н-ского, как выделяется райская птица на сером утином дворе.

Лишённый природного вкуса и не разбиравшийся в цветовой гамме галстуков, платков и вообще тканей, Н-ский нередко прибегал к совету и помощи своего агента, чтобы выбрать какую-нибудь вещицу в подарок своей жене или дочерям.

Однако по прошествии нескольких месяцев увлечение Н-ского своим новым агентом изменилось диаметральным образом — он стал трезвее воспринимать его, а со временем стал даже осторожничать в общении с ним.

Причиной тому послужил шквал донесений от других агентов, работавших со «Стахановцем» в одном управлении.

Содержание всех донесений было вариацией на одну тему — как плох и неприятен новый сотрудник. Все источники, как один, отмечали заносчивость, неуживчивость, высокомерие Огородника и его неумение ладить с коллективом. Можно было, конечно, положить под сукно все эти «писульки» и не придавать им значения, сославшись на субъективизм источников, тем более что по работе претензий к Огороднику не было, но…

Во-первых, вся полученная Н-ским информация исходила от агентов, состоявших в родственных связях с чиновниками со Старой площади. Поделись агенты впечатлениями об Огороднике со своими высокопоставленными домочадцами, пошли бы телефонные звонки по спецсвязи, что само по себе было не только неприятно, но и требовало бы принятия каких-то мер.

Во-вторых, кроме эмоций в донесениях присутствовали и факты, на которые полковник как профессионал контрразведки не мог не обратить внимания: частые отлучки Огородника с рабочего места, не вызванные служебной необходимостью, после которых он возвращался крайне возбуждённый, нервный и даже, что уж совсем было не свойственно «Стахановцу», какой-то испуганный.

А тут ещё циркуляр, подписанный самым высоким

руководством Второго главка (контрразведка Союза), досконально проверить всех недавно вернувшихся из-за границы дипломатов на предмет их возможной причастности к массовой утечке информации особой важности из недр МИД СССР к американцам. В общем, было над чем призадуматься полковнику Н-скому…

* * *

Для начала, а скорее для собственного успокоения, он решил посоветоваться с генералом С-вым, заместителем начальника американского отдела Второго главка. Но понимания не встретил.

— Какая, к черту, Колумбия! В твою вотчину, Управление общих международных проблем, за последние полгода получили назначение шесть дипломатов, до этого проработавшие по году и более в США… Вот среди кого надо искать шпиона, а не размениваться на мелочь, на сотрудников, работавших в Колумбии! Колумба он нашёл, видите ли! Может, ты с его помощью хочешь открыть для Комитета Америку и выйти на ЦРУ?! Ты всех вернувшихся из Штатов проверил? Нет?! Ступай и немедленно бери их в плотное изучение. «Наружка», «прослушка», всё по полной программе, не мне тебя учить… А своего «Стахановца» выброс из головы или оставь до лучших времён… Он — не тот Колумб, которого мы ищем в качестве источника утечки информации к американцам… Я тебе большее скажу, он приглянулся самому министру, да-да, не смотри на меня так! Сам Андрей Андреевич Громыко на него глаз положил, хочет взять к себе референтом…

В общем, действуй, но смени вектор поиска!

Несмотря на полученную от старшего товарища отповедь, Н-ский решил действовать на свой страх и риск.

Вернувшись в свой рабочий кабинет в «высотке» на Смоленской площади, он первым делом собрал все агентурные сообщения, фигурантом которых был «Стахановец», и поместил их в отдельную папку.

На обложке жирнофломастерно вывел: «Колумб». Прихлопнул сверху ладонью и про себя подумал: «Ну и что с того, что он станет референтом Громыко? Да пусть будет хоть апостол Пётр, для контрразведки он всего лишь объект! Пока объект наблюдения, а там — видно будет…»

Глава седьмая. Как важно содержать обувь в чистоте

Весна 1977 года выдалась на удивление дружной и тёплой. Снег сошёл уже в марте, и ветер носил по столичным улицам и площадям тучи песка — остатки антиобледенительной смеси, которой в течение всей зимы в изобилии посыпались тротуары и проезжие части улиц.

Все ждали, когда зарядят весенние дожди, но… И тогда на улицы по распоряжению московских градоначальников выкатили полчища поливальных машин: надо же было как-то спасаться от свалившейся из-под ног напасти!

…Около трёх часов пополудни полковник Н-ский, сытый и благостный, покинул мидовскую столовую на пятом этаже «высотки» на Смоленской площади и размеренной поступью направился в свой кабинет.

Попадавшиеся навстречу девчушки-секретарши приветствовали полковника, как ему казалось, с каким-то ехидно-насмешливым прищуром во взгляде.

И тут Н-ского осенило:

«Проклятая молния на гульфике, наверняка, опять разошлась, а я теперь, как голый на эскалаторе, выступаю по мидовским коридорам с расстёгнутой мотнёй, всё исподнее — нуружу!

Говорил же агенту «Джорджу», привези мне кримпленовые штаны, но не с капроновой молнией, а как положено — с металлической! Так нет же, черт его побери, купил то, что подешевле… Сэкономил, стервец! И на ком?! Сколько ведь я для этого «Джорджа» добрых дел сделал! Да если б не я, он до сих пор бы числился в невыездных! И вот те на, отблагодарил меня за то, что я устроил ему поездку в Италию… Секретуткам на посмешище! Стоило два раза надеть эти штаны с проклятой капроновой молнией — расходится, зараза, и всё тут! Сегодня целое утро с нею промаялся, чуть на работу не опоздал… Нет, положительно, надо заглянуть в туалет, посмотреть, всё ли в порядке, уж больно вызывающе смотрели на меня эти… прости Господи, секретутки!»

Полковник решительно толкнул дверь туалета и застыл в оторопи. Стоя в одних носках перед раковиной, Александр Огородник мыл башмаки!

Пожалуй, Н-ский меньше бы удивился, если бы застал своего агента совершенно голым в туалетной комнате. А тут на тебе!.. Его агент, «Стахановец», как всегда одетый с иголочки,

ухоженный и надушенный какими-то импортными благовониями, в галстуке, который разве что только в западном журнале мод и встретишь, стоит босиком перед умывальником и моет свои туфли!

— Как? Вы, Александр Дмитриевич, моете свои башмаки?! — вместо приветствия ошалело произнес Н-ский.

«Стахановец», с трудом скрыв неприязнь, посмотрел на своего шефа по делам конспиративным в висящее над умывальником зеркало и процедил сквозь зубы:

— Алексей Иванович, вы не оригинальны! Точно такой же вопрос задал генерал Грант своему шефу Абрахаму Линкольну… Ну, вы, конечно, знаете, о ком идёт речь… Гражданская война Севера и Юга в Соединённых Штатах, Линкольн — президент, генерал Грант — его подчинённый, командующий северной группировкой войск…

Так вот, когда Грант застал Линкольна за мытьём собственных башмаков, он был удивлён не менее вашего и задал точно такой же вопрос… И вы знаете, как на это отреагировал президент Линкольн?

«Да! — ответил он, — я мою свои башмаки, а вы чьи башмаки моете?» На этом их диалог был исчерпан, у Гранта более не возникло никаких вопросов…

— Послушайте, Александр Дмитриевич, вы почему позволяете себе такой тон в разговоре со мной?! — Н-ский захлебнулся от ярости.

— Да нет, Алексей Иванович, я себе позволяю лишь одно — мыть собственные башмаки, а вот вы… Что В Ы себе позволяете? Что? Вымыть собственные туфли в мидовском туалете — это уже государственное преступление?! Тогда, увольте! Получается, что мы с вами в заурядные, бытовые процедуры вкладываем совершенно различный смысл…

Ну что с того, что я вдруг решил вымыть свои башмаки? Вы видели, какая пылища на улицах Москвы?! Так неужели я должен сидеть в приёмной министра иностранных дел СССР в засранных башмаках?!

— Извините, Александр Дмитриевич, вы, конечно, правы… Извините! Я ничего не имел против… Против того, чтобы вы во всём блеске предстали перед Андреем Андреевичем Громыко, ради Бога… Мне кажется, вы сегодня излишне возбуждены, Александр Дмитриевич… — пошёл на попятный Н-ский.

Огородник носовым платком вытер вымытые туфли, показно выбросил его в корзину для мусора и, не попрощавшись, покинул туалетную комнату…

* * *

В глубоком раздумье Н-ский подошёл к рукомойнику.

Подошёл просто так, без всякой задней мысли, раздумывая лишь над тем, что в последнее время у него почему-то перестали складываться отношения с «Стахановцем»…

Посмотрел в зеркало на свой гульфик. Так и есть, молния разошлась и из ширинки выглядывали черные сатиновые трусы. Объяснение ехидно-насмешливым взглядам секретарш было найдено. Взгляд Н-ского упал на дно раковины, где минутой назад Огородник мыл башмаки. К краю раковины прилипли какая-то грязь и кусок кленового листа!

Голова контрразведчика сработала, как компьютер:

«Стоп, а при чем же здесь пыль?! Ты же, Александр Дмитриевич, пытался убедить меня, что удаляешь пыль, но никак не налипшие на подошву листья и грязь! Откуда же они у тебя на подошвах?! И не в этом ли объяснение твоей раздражительности, более того, неприязни ко мне, когда я вдруг застал тебя за смыванием… Чего? Уж не следов ли?.. Но следов чего?!»

* * *

В диком возбуждении, не отдавая себе отчёта, зачем он это делает, полковник схватил обрывок кленового листа и грязь, оставшиеся в раковине, и, забыв о расстёгнутой ширинке, бросился к себе в кабинет…

«Так, спокойно, спокойно! — приказал себе полковник. — Надо сейчас же, не торопясь, без спешки, постараться во всём разобраться…»

Рука сама собой потянулась к папке с надписью «Колумб».

Н-ский вновь внимательно прочёл все сообщения агентов, сигнализировавших об отлучках «Стахановца» в рабочее время.

Да, действительно, Огородник покидал здание МИД на Смоленской площади, как правило, в обеденный перерыв…

Ну и что? Он — холостяк, у него могли быть кратковременные свидания со своими любимыми женщинами, дело, как говорится, молодое. В конце концов он мог отлучиться, чтобы съездить в химчистку, магазин, да мало ли куда ещё…

Насторожило одно сообщение, представленное агентом «Лаурой».

Однажды в сентябре прошлого года Огородник, как обычно задержавшись после обеденного перерыва, предстал перед сотрудниками управления общих международных проблем в

брюках, манжеты которых были замызганы грязью, при всём том, что на дворе во всю красу цвело «бабье лето». Выглядел он, так же как сегодня, чрезвычайно возбуждённым, даже агрессивным…

«Так, — подытожил Н-ский, — с этой лирикой пора кончать! — и решительно начал выписывать даты всех отлучек Огородника с работы, начиная с сентября 1976 года. — Пусть ребята из Второго главка сами разбираются, имеет ли отношение Огородник к утечке информации из Управления международных проблем МИД СССР и референтуры министра иностранных дел к противнику…

* * *

Результаты проведенных аналитических, а затем и биохимических исследований, сделанных на основании первичных данных, поступивших от полковника Н-ского, поставили «на уши» руководство Второго главного управления КГБ (контрразведка Союза).

Все отлучки Огородника с рабочего места по времени совпадали с так называемым «графиком повышенной разведактивности кадровых сотрудников резидентуры ЦРУ в Москве».

Это когда американские разведчики, как тараканы, разбегаются во все стороны — разъезжаются на своих скоростных авто врассыпную в разные концы столицы, чтобы «растащить», отвлечь кагэбэшную «наружку» от одного места — места, где будет произведена закладка тайника для особо ценного агента…

* * *

Сотрудники Второго главка давно подозревали, что тайники для своего агента американцы закладывают в лесопарковой зоне столицы. Поэтому кленовый лист и остатки почвы, изъятые Н-ским из умывальника, пришлись как нельзя кстати.

Биохимическим анализом было подтверждено, что лист и грязь из умывальника являются частью флоры Сокольнического парка…

За Огородником было установлено круглосуточное наружное наблюдение, все его передвижения по Москве снимались видеокамерой.

Тотальный контроль за Огородником осложнялся тем, что он, будучи долгое время секретным агентом органов госбезопасности

СССР, был осведомлён (разумеется, в определённой мере!) о методах работы КГБ.

Но умный человек (а то, что дело приходится иметь с очень умным противником, ни у кого не вызывало сомнений!) умеет читать между строк и слышать в недосказанном окончательный вердикт, превращая намёк в непреложную истину…

* * *

Фиксировалось всё: в какое время суток и как он запарковал машину у своего дома или у здания МИД на Смоленской площади, то есть ставит ли он свою «Волгу» радиатором к проезжей части или, наоборот, к тротуару; закрывает ли окна машины; в каком положении находятся стеклоочистители, и так далее, ибо во всем этом мог присутствовать скрытый знак для его заокеанских работодателей.

Через некоторое время была зафиксирована постановка объектом условных знаков на телеграфных столбах Кутузовского проспекта, что явно свидетельствовало о готовности «Колумбом» изъять или заложить тайник…

Чтобы получить дополнительные данные о возможно проводимой Огородником шпионской деятельности, на его квартире провели негласный обыск.

Результаты обыска превзошли самые смелые ожидания: там обнаружили такую шпионскую экипировку, которой позавидовал бы Джеймс Бонд!

Стало ясно, что Огородник — тот самый «крот» в системе Министерства иностранных дел СССР, за которым безуспешно охотилась вся контрразведка Союза последние два года…

* * *

Результаты скрытного наблюдения за «Колумбом», знание его привычек и особенностей поведения во внеслужебной обстановке дали свои плоды.

Уже после того, как Огородник был негласно задержан и неожиданно (?!) скончался в Лефортово, его роль с успехом продолжал выполнять наш оперработник, загримированный под изменника.

Это понадобилось для того, чтобы взять с поличным связника шпиона, который должен был бы передать ему новую порцию инструкций, заданий и прочих материалов, которые могли бы

явиться на суде той самой базой вещественных доказательств о противоправной деятельности Огородника.

И сотрудники московской резидентуры ЦРУ заглотили наживку, заготовленную Комитетом госбезопасности СССР…

Глава восьмая. Черный пояс по карате у женщины в белом

Вечером 15 июля 1977 года кадровая сотрудница ЦРУ Марта Петерсон, действовавшая под прикрытием вице-консула посольства США в Москве, отправилась закладывать тайник, предназначавшийся для «Тригона».

Запарковав служебную автомашину у кинотеатра «Россия», она торопливо вошла в зал. Шёл фильм «Красное и чёрное», и последний сеанс уже начался. «Наружка» вела наблюдение издалека, так как на разведчице было белое, с крупными цветами, платье.

«Женщина в белом» уселась в кресло у запасного выхода и минут десять делала вид, что следит за происходящим на экране. Убедившись, что вокруг всё спокойно, Петерсон поверх платья натянула чёрные брюки и такого же цвета пиджак, наглухо застегнулась и распустила собранные в пучок волосы.

Совершенно преобразившись, Петерсон выскользнула из помещения. Теперь это уже была «женщина в чёрном».

К машине она не вернулась, а села сначала в автобус, затем покаталась на троллейбусе и в метро — проверялась. Лишь после этого поймала такси и приехала к Краснолужскому мосту. Там её уже поджидали.

Хотя место выглядело в этот ночной час совершенно пустынным, на самом деле здесь находилось довольно много людей. Они скрыто наблюдали за всем происходящим в районе моста и за перемещениями разведчицы.

В операции было задействовано более трёхсот оперативных сотрудников из разных подразделений.

В момент закладки Петерсон «булыжника» в тайник всё вокруг осветилось, вспыхнул настоящий фейерверк — казавшееся пустынным место вдруг стало многолюдным.

При задержании госпожа вице-консул показала блестящее владение… русским матом и приёмами карате, по мировой классификации — «черный пояс», шестой дан…

Но разве можно было устоять перед Владимиром Зайцевым, асом восточных единоборств, гремевшим на весь Комитет?! Разведчица была нейтрализована без единого синяка… у Зайцева.

Задержанную доставили на Лубянку и вызвали советника американского посольства для опознания.

В его присутствии вскрыли контейнер, закамуфлированный под булыжник. Там обнаружили инструкции, вопросник,

микрофотоаппаратуру, золото, деньги и две ампулы с ядом.

Содержимое не вызывало сомнений, что предназначалось именно для объекта «Колумб»…

Разведчики — народ суеверный. Петерсон не была исключением. Прощаясь со следователем и своим спарринг-партнёром, она сказала, что никогда больше не будет брать билет на последний сеанс…

Глава девятая. Мандат на самоубийство?

Уступая настойчивым требованиям «Тригона», его оператор Олдрич Эймс (впоследствии ставший нашим «суперкротом» в недрах ЦРУ и плодотворно проработавшим на нашу разведку около девяти лет) снабдил агента пилюлей с моментально действующим ядом, которая была вмонтирована в зажигалку.

Огородник объяснил своё желание иметь под рукой смертельную пилюлю, чтобы живым не сдаться кагэбэшникам.

Несколько месяцев спустя «Тригон» сообщил, что ему нужна другая такая же пилюля, поскольку он потерял зажигалку. Немедленно ЦРУ выслало ему яд, спрятав его в дорогой авторучке «паркер».

По прошествии нескольких лет с момента задержания «Тригона» в Лэнгли наконец узнали, что первую пилюлю с ядом агент использовал для отравления своей любовницы.

Так же как и Пепита Гонсалес, несчастная молодая женщина ожидала ребёнка, отцом которого был Огородник. Последний к тому времени вошёл в круг советской элиты и собирался жениться на дочери секретаря ЦК КПСС Константина Русакова, поэтому прежняя пассия представляла реальное препятствие его жизненным планам, и «Тригон» попросту ликвидировал её…

Не исключено, что и вторую смертельную капсулу Огородник-«Тригон» заготавливал не для себя, а ещё для какой-то из своих многочисленных наложниц. Так как о неразборчивости Огородника в установлении половых контактов с женщинами друзьям и знакомым было известно ещё со студенческой поры, недаром они меж собой окрестили его «Сексозавром».

Женщины были для него всем, и прежде всего — источником его неистощимой жизненной энергии.

Со стороны казалось, что брал он их своей привлекательной внешностью, показным снобизмом и изысканными манерами. Всеобщее заблуждение!

Огородник, как мужское воплощение Сирены, притягивал их магией с л о в а, которое иной раз бывает посильнее всех прочих искушений.

Можно предположить, что первый удавшийся опыт применения яда для распутывания гордиева узла зашедшей в тупик любовной связи вдохновил «Тригона» настолько, что он был готов и в дальнейшем так же безжалостно решать свои интимные проблемы с помощью яда.

Однако судьба распорядилась по-своему…

* * *

Доставленный в Лефортово Огородник на первом же допросе согласился с предъявленным ему обвинением в шпионаже в пользу США и вызвался собственноручно изложить признание.

Попросил стопку бумаги и свою авторучку, «паркер» с золотым пером, отобранную во время ареста. Пояснил, что долгие годы пользуется только ею, поэтому шариковой ручкой ничего путного написать не сумеет.

Не подозревая подвоха, торжествующие конвоиры выполнили пожелание — давно не попадались столь покладистые шпионы! Безоговорочная готовность Огородника помочь следствию стала ясна сразу, как только ему отдали «паркер».

Выверенным движением он свинтил колпачок, прикусил скрытый кончик ручки и замертво рухнул под стол…

Вскрытием, проведенным, там же, в Лефортово, было установлено, что Огородник скончался от острой сердечной недостаточности. Это указывало на то, что был применен сильнейший яд из семейства кураreподобных. Такое «зелье» разрабатывалось только в спецлабораториях двух стран — СССР и США.

Смерть Огородника — пример тому, как паркетные генералы, движимые не интересами дела, а лишь желанием быть включенными в список награждённых, пренебрегли основным законом жанра — осмотрительностью.

Стремясь первыми «снять пенки», чтобы, отчитавшись наверху, схватить незаслуженный орденок на парадный мундир, они отстранили профессионалов от участия в заключительной части оперативной разработки — первом допросе шпиона. Головокружение от успеха — взяли! — перешло в самоупоение, которое обернулось преступным легкомыслием.

На поверку оказалось, что всё время, продвигаясь к «полосатым штанам» — генеральским лампасам — они не набирались опыта, а лишь совершенствовали собственные ошибки…

Так считают некоторые бывшие кураторы Комитета госбезопасности со Старой площади.

Свою версию происшедшего они подкрепляют ссылкой на действия рядового полицейского чина, Дж. — Дж Смита, проводившего личный обыск нашего знаменитого разведчика Конона Молодого. (Прототип главного героя фильма «Мёртвый сезон».)

* * *

После задержания Лонсдейл-Молодый был доставлен в Скотленд-Ярд, где ему предложили выложить содержимое карманов на стол и раздеться догола.

Обыск и составление описи обнаруженных вещей продолжались долго.

Когда Дж. — Дж. Смит подал разведчику опись, тот заметил, что одна из его пишущих ручек была внесена как «шариковая».

— Минуточку. Это ведь не просто дешёвый карандаш. Это очень дорогая вещь с золотым пером…

С этими словами Лонсдейл-Молодый взял свой золотой «паркер» в руки и случайно направил его одним концом в сторону полицейского.

— Немедленно оставьте ручку! — завопил Смит, готовый от страха броситься под стол.

— Сэр, вы прочитали слишком много детективных романов, — с улыбкой произнес не потерявший хладнокровия разведчик и положил ручку на стол.

После этого она, со всеми мыслимыми мерами предосторожности, была разобрана на части. Даже убедившись, что «паркер» — не огнестрельное оружие, Дж. — Дж. Смит не отдал его хозяину, а приобщил к остальным изъятым при обыске вещам…

* * *

Однако и сегодня находятся профессионалы из бывшего Комитета госбезопасности СССР, кто придерживается иного мнения, утверждая, что самоубийство «Тригона»-«Стахановца» произошло отнюдь не по причине головотяпства генералов.

Двойному агенту, считают они, попросту дали возможность тихо уйти со сцены, так как нити потянулись бы очень высоко, если бы он «запел». А деваться было некуда — «запел» бы обязательно.

Во-первых, со многих, далеко не рядовых, сотрудников центрального аппарата КГБ были бы наверняка сорваны эполеты: как же вы, имея на личной связи агента, не разобрались, что он двурушник?!

Во-вторых, Огородник располагал компрометирующими материалами на представителей верхушки советского истэблишмента, с которыми общался не только в служебной обстановке, но и был вхож в их семьи. Вплоть до самого ареста

Огородника в качестве будущего зятя принимали в доме секретаря ЦК КПСС Константина Русакова.

Достаточно сказать, что будучи референтом министра иностранных дел СССР, Огородник не понаслышке знал, что жена его шефа, Лидия Дмитриевна Громыко, не брезговала банальной спекуляцией носильными вещами.

В качестве «челнока» она постоянно курсировала между Нью-Йорком и Москвой, осуществляя поставки дефицитных товаров на столичный рынок.

Пользуясь дипломатической неприкосновенностью, она за один только рейс умудрялась привезти такое количество шуб и женской одежды, которого хватало, чтобы затоварить несколько крупных московских комиссионок.

По некоторым данным, на вырученные деньги она приобретала бриллианты, которые затем сбывала за океаном. И такой круговорот длился не один год. А чего мелочиться, играть — так уж по-крупному!

Да и разве только это было известно агенту Комитета госбезопасности СССР и доверенному лицу двух членов Политбюро?

Словом, уход из жизни Огородника-«Стахановца»-«Тригона»(надо же, триедин в одном лице!) устраивал многих в бывшем Советском Союзе…

* * *

После смерти Огородника Комитетом был издан приказ, предписывавший бойцам «Альфы» всякого задерживаемого по подозрению в принадлежности к агентуре спецслужб противника раздеть догола, тщательно обыскать все полости на теле, а затем переодеть. Как правило, переодевали в ведомственные спортивные костюмы.

Последующие задержания шпионов, работавших в пользу США, подтвердили правомерность этих действий. Как оказалось, всем своим агентам ЦРУ в обязательном порядке вручало ампулы с моментально действующим ядом.

Делалось это вовсе не из гуманных соображений. Руководство ЦРУ заботилось не об облегчении участи провалившихся агентов во время пребывания в «застенках КГБ», отнюдь! Его беспокоили **последствия** разоблачения и **безопасность работавших со шпионами американских операторов.**

ЦРУ пеклось лишь о том, чтобы достоянием нашей контрразведки не стали сведения о методах, способах

поддержания связи, ухищрениях и т. д., о которых на допросах мог бы поведать провалившийся «крот».

Книга третья. Тайна фаянсового экспорта

Часть первая. «Медовая ловушка» для дипломата

Глава первая. «Экспроприация» драгоценностей

14 ноября 1980 года было совершено разбойное нападение на квартиру вдовы писателя Алексея Толстого, Людмилы Ильиничны, которая унаследовала от мужа немалое количество бриллиантов, антиквариата, подлинников полотен всемирно известных художников. В одночасье большая часть наследства перешла в руки налетчиков.

Но самой дорогой утратой оказалась уникальная, невиданной красоты французская брошь из коллекции Людовика XV, исполненная в виде королевской лилии, с огромным рубином в центре и тридцатью бриллиантами, образующими силуэты лепестков.

Поскольку версии об организаторах и исполнителях налета оказались несостоятельными, следователям ничего не оставалось, как вернуться к обстоятельствам, предшествовавшим ограблению.

Выяснились неожиданные подробности.

Накануне бандитского нападения Толстая была на приёме, устроенном румынским послом в Москве. Желая «под занавес» — ей было более восьмидесяти лет — блеснуть на публике, она надела фамильные драгоценности.

Поскольку до посещения румынского посольства Людмила Ильинична никогда прилюдно не демонстрировала свои сокровища, сыщики предположили, что на брошь «положил глаз», а впоследствии организовал ограбление кто-то из присутствовавших на дипломатическом приёме.

Подозрение пало на Бориса Буряце, артиста цыганского театра «Ромэн», известного в криминальной среде под кличкой «Борис Бриллиантович», который активно промышлял спекуляцией валютой и драгоценностями, да и вообще был нечист на руку. В тот злополучный для Толстой вечер он присутствовал на приёме.

Впрочем, Буряце захаживал в посольство как к себе домой, так как был дружен с семьёй румынского посла в Москве, жена которого также была цыганкой.

* * *

В конце 1981 года народная артистка СССР Ирина Николаевна Бугримова получила приглашение участвовать в праздничном представлении по случаю годовщины советского цирка. На торжество были приглашены избранные представители столичного бомонда и партноменклатуры.

Все присутствовавшие женщины, как водится, надели по случаю свои лучшие украшения. Но даже Галина Брежнева и Светлана Щёлокова, знающие толк в драгоценностях, через чьи руки прошли сотни и тысячи самых изысканных ювелирных изделий, были поражены красотой «камешков» семидесятилетней дрессировщицы.

Коллекция Ирины Николаевны, о которой мало кто знал в Москве, специалистами была признана одним из самых лучших частных собраний драгоценностей не только у нас в стране, но и во всём мире. Описание многих предметов коллекции присутствовало в каталогах самых престижных ювелирных магазинов Западной Европы и Америки. Дрессировщица получила сокровища в наследство от своих родителей, но никогда прежде не рисковала появляться в них на людях, опасаясь стать жертвой охотников за бриллиантами.

Бугримову постигла участь вдовы Алексея Толстого.

Вечером 30 декабря 1981 года все бриллиантовые украшения Ирины Николаевны исчезли из ее квартиры в высотке на Котельнической набережной.

…Злой рок преследовал обладателей фамильных драгоценностей: однажды появившись на людях в бриллиантах, и Толстая, и Бугримова подписали себе приговор.

Предметы посягательств, обстоятельства, при которых о них стало известно окружающим, наконец, дерзость налетов, подсказали сыщикам, что в обоих эпизодах организатором был один и тот же человек. И вновь, как и в случае с Людмилой Толстой, неосязаемые нити потянулись к столичной «бриллиантовой мафии» вообще и к Буряце, в частности.

Однако все попытки следователей прокуратуры Союза пригласить на допрос Буряце натолкнулись на непредвиденное, но чрезвычайно жёсткое противодействие со стороны… Галины Брежневой.

Подозрения — не улики, и следователи, дабы избежать неприятностей по службе, прекратили разработку цыганской версии. До поры…

* * *

По решению, принятому на самом верху, оба преступления были объединены в одно уголовное дело, а само оно было передано в производство Комитету государственной безопасности.

Чтобы переломить ситуацию в свою пользу и успокоить столичного обывателя, Комитет через свою многочисленную агентуру распространил «контрслух» — сведения о якобы состоявшейся поимке злоумышленников.

Публикациям в газетах в то время мало кто верил, поэтому делалось всё сугубо конфиденциально, по принципу «дойти до каждого»:

«Мариванна, вы слыхали? Нет?! А ведь двоих уже взяли! Да-да, тех самых, ну, что артисток, того… Ограбили… Скоро суд, но только это между нами, Мариванна!»

Эти два громких преступления, связанные с деятельностью столичной «бриллиантовой мафии», кардинально изменили отношение к ней председателя КГБ. Из безучастного оно стало более чем заинтересованным, и его ведомство принялось за дело засучив рукава…

Глава вторая. «Бриллиантовые девочки»

Во времена правления Брежнева в СССР каждые 2–3 года происходило существенное повышение цен на ювелирные изделия из золота и драгоценных камней, причем сразу на 100–150 процентов.

Решение об этом принималось на заседании Политбюро, куда приглашался министр финансов СССР, и оно считалось совершенно секретным. Однако сведения о предстоящем подорожании не являлись прерогативой только чиновников высших государственных рангов.

…Ещё за неделю-две до повышения цен Галина Леонидовна, дочь Брежнева, и её подруга Светлана Щёлокова, жена министра внутренних дел Союза ССР, — два самых крупных «камня» столичной «бриллиантовой мафии», скупали партии ювелирных изделий из золота и драгоценных камней на сотни тысяч рублей. Лучшие образцы оставляли себе, остальное перепродавали втридорога.

Фамилии предприимчивых «девочек» говорили сами за себя, поэтому они левой ногой открывали двери в кабинеты директоров самых крупных ювелирных магазинов Москвы: «Самоцветы», что на Арбате, и «Березка» на улице Горького. Но предпочтение отдавалось магазину «Алмаз» в Столешниковом переулке.

Прежде всего потому, что в конце 1970-х именно там, у входа в магазин, находилась нелегальная биржа по купле-продаже золота и «камешков», где без перерыва на обед тусовались «бриллиантовые мальчики», которые не торгуясь скупали у подруг любое количество драгоценностей, за минуту до этого извлеченные из сейфа директора магазина.

Нередко подруги приобретали драгоценности непосредственно на московской ювелирной фабрике, что на улице Лавочкина. При этом они, как правило, не расплачивались, а оставляли расписки, немалое число которых было изъято позднее из сейфа директора при аресте.

Не брезговали «девочки» и банальной спекуляцией носильными вещами. Поставки товара осуществляла Лидия Дмитриевна Громыко, жена министра иностранных дел, постоянно курсировавшая между США и Москвой.

Пользуясь дипломатической неприкосновенностью, она за один только рейс умудрялась привезти такое количество шуб и женской одежды, которого хватало, чтобы затоварить несколько столичных комиссионок.

А чего мелочиться, играть — так уж играть по-крупному!

Впрочем, деньги, и немалые, у Галины и Светланы водились всегда, источником коих была не только спекуляция драгоценностями и ширпотребом.

Испокон веков в Москву со всех концов страны приезжали тысячи обиженных и пострадавших, справедливо или неправедно.

Наивные правдолюбцы шли в приёмную ЦК КПСС, Прокуратуру СССР, Верховный Суд.

Искушённые и разуверившиеся — к Галине Брежневой и Светлане Щёлоковой.

Дело в том, что подруги могли способствовать принятию нужного просителям решения, даже не обращаясь к своим отцу и мужу. Они могли оказать покровительство и в освобождении от уголовного наказания, а нередко и содействовать назначению на некоторые посты в провинции. Зная это, все ходоки, обращавшиеся напрямую к Галине и Светлане, выкладывали на стол столько хрустящих аргументов с портретом Ленина, что подруги тотчас принимались решать их проблемы. Они без устали работали под девизом: «Все средства хороши, но лучше — наличные!»

Кроме денежных вознаграждений за протекцию «девочки» получали массу подарков, которые им привозили из всех республик, краев и областей необъятной страны. Ведь было же известно, что и генсек, а тем более глава МВД, патологически чувствительны ко всякого рода подношениям; а что, их родные —

дочь и жена — из другого теста? Да быть того не может!

…Брежневу и Щёлокову сближала не только неуемная страсть к драгоценным камням, но и постоянный поиск полных опасностей приключений. Было в этих страстях что-то из книжек XIX века о пиратах, ставших маркизами. Галя и Света строили свою жизнь не по классикам марксизма-ленинизма, а по «Графу Монте-Кристо».

Ирония, а может, издевка судьбы, состояла в том, что Галина Леонидовна была удостоена высшей награды Советского Союза — ордена Ленина, втихую преподнесенного ей в 1978 году как подарок к 50-летнему юбилею.

Вручил награду член Политбюро, министр иностранных дел Андрей Громыко. Вернувшись из Нью-Йорка, где он участвовал в работе очередной сессии Организации Объединённых Наций, Андрей Андреевич прямо из аэропорта направился в Кремль и тут же был взят в оборот Генеральным.

— Ну вот, Андрей, остались только мы с тобой, — сказал Брежнев, встречая соратника, — принято коллективное решение наградить Галину Леонидовну Брежневу орденом Ленина, но все куда-то запропастились… Я, как ты понимаешь, не могу быть крёстным отцом собственной дочери, так что награду будешь вручать ты!

Дело в том, что хотя на заседании Политбюро (Громыко на нём отсутствовал) члены и кандидаты единогласно проголосовали за награждение Галины Леонидовны, но в день торжества они так же единодушно и скоропостижно покинули Кремль…

…Авантюристки по натуре, Брежнева и Щёлокова вели бурную, разухабистую жизнь. Провернув очередную аферу с «брюликами», они отправлялись в заграничные вояжи вдохнуть тлетворного аромата загнивающего капитализма — уж больно был он дурманящ! И хотя появлялись они там инкогнито, но местным папарацци не составляло труда выяснить, «кто есть кто».

Подруги сами провоцировали репортёров светской хроники, появляясь в казино и других злачных местах в экстравагантных нарядах, расцвеченные драгоценностями, как рождественские елки — стеклянными шарами. А разовые чаевые, которыми «девочки» одаривали гостиничную прислугу, швейцаров баров и ресторанов, равнялись месячному заработку квалифицированного рабочего таких концернов, как «Фиат» или» Рено»!

По возвращении на Родину пикники с шашлыками из осетрины чередовались с приёмами в посольствах западных стран, куда Галину и Светлану неизменно приглашали как живых экспонатов Алмазного фонда. И дипломатические рауты, и

выезды на пленэр заканчивались попойками со скандалами в столичных ресторанах «Метрополь», «Националь», «Узбекистан».

Интимные партнёры, — а у Галины, вдобавок, ещё и мужья — менялись как перчатки.

Достаточно назвать несколько известных имен: Евгений Милаев, Марис Рудольф Лиепа, Игорь Кио, Борис Буряце, наконец, Юрий Чурбанов… А сколько было безымянных, которые пролетали в жизни Гали — Светы, как пассажиры в электричке в часы пик!

Разумеется, информация о всех проделках тандема «Галя — Света» бесперебойно поступала к Андропову, но до поры оседала в его сейфе. Вслед за ограблениями квартир Толстой и Бугримовой председатель решил, что наступила пора действовать…

Глава третья. Загадочный «урюк»

Комитет госбезопасности давно держал на примете человека азиатской внешности, который представлял бесспорный интерес в вербовочном плане. И было из-за чего — азиат имел устойчивые контакты с ближайшим окружением Галины Брежневой, дочери генсека, и ее подруги Светланы Щёлоковой, жены министра внутренних дел. Борис Буряце, матёрый валютчик и спекулянт бриллиантами, а по совместительству популярный в Москве цыганский шансонье, называл его своим другом, хотя за глаза дал ему прозвище «Урюк». Последний активно занимался торговлей валюты и контрабандных товаров, в основном видео-аудиоаппаратуры и японских наручных часов, а на вырученные деньги оптом приобретал золотые монеты царской чеканки, ордена времен Петра Великого и других российских императоров, а также изделия с драгоценными камнями. И надо отдать ему должное — толк в приобретаемых предметах он знал.

Однако, хотя азиат регулярно появлялся на валютно-бриллиантовой «бирже» в Столешниковом переулке и имел обширные знакомства среди ее завсегдатаев, единственное, что о нем было известно «коллегам по цеху»: он — узбек, проживающий в Ташкенте, а в Москву наведывается для продажи валюты и купли драгоценностей…

…В Столешников переулок были стянуты значительные силы разведчиков Службы наружного наблюдения. Каково же было удивление «топтунов», работавших по азиату, когда он вошёл, как к себе домой, в… японское посольство в Калашном переулке. Выяснилось, что спекулянт, ни много ни мало, — советник по экономическим вопросам посольства Японии в Москве Иосихису

Курусу.

К японцу срочно подвели агентессу экстра класса Второго главного управления «Эдиту», выступавшую в роли эксперта Гохрана. Она сумела заинтересовать объекта не только предложением купить у неё большую партию военных регалий петровских времен и старинных золотых монет, но, что важнее, собственной персоной.

Добытые сведения о профессии японца усилили намерение генерала Козлова привлечь его к негласному сотрудничеству с органами госбезопасности. А учитывая особенности национальной психологии и статус иностранца, генерал принял решение завербовать его с использованием компрометирующих материалов.

* * *

«Эдита» сумела настолько войти в доверие к японцу, что он открылся агентессе. Под большим секретом сообщил, что является японским дипломатом. Контрабандой и золотовалютными операциями занимается ввиду крайней необходимости: нужны большие деньги для оплаты врачей, лечащих его ребёнка. Рассказал также и о своих регулярных поездках в Токио, Сингапур и Гонконг для доставки в Союз часов, ювелирных украшений и аудио-видеоаппаратуры. Проблем при перевозке больших партий товара у него не возникает, так как он обладает дипломатическим иммунитетом.

Японец посетовал, что долгое время безуспешно пытается приобрести серебрянный константиновский рубль, за который готов отдать любые деньги. В этой связи он возлагает особые надежды на развитие отношений с «Эдитой» как с работницей Гохрана и готов выполнить все её условия.

*(**Справка**.Константиновский серебрянный рубль, год чеканки 1825, изготовлен по недоразумению ввиду отсутствия информации о завещании императора Александра I. Константин, следующий после Александра, сын Павла I, формально должен был унаследовать престол. Однако из-за того, что он состоял в неравнородном браке с польской дворянкой Иоанной Грудзинской, его дети не могли претендовать на царский трон. По этой причине Александр I незадолго до своей кончины подписал манифест о назначении наследником младшего брата — Николая. По мнению экспертов, в мире на сегодня сохранилось лишь шесть подлинных экземпляров константиновского рубля. Но даже подделки, датированные 1859–1860 гг., не смущают коллекционеров. Цена*

одной монеты на аукционе Sotheby's в 1981 году достигала 100 тысяч долларов.)

В порыве откровенности японец с явным сожалением признался, что в Москве находится без жены, да и вообще истосковался по женскому обществу. Намекнул, что не прочь навестить агентессу на дому.

Следуя отработанной линии поведения, «Эдита» охотно подхватила эту тему, сказав, что непременно пригласит Курусу к себе в гости, как только муж уедет в командировку. Иностранец тут же поинтересовался, чем занимается её супруг.

«Эдита» с демонстративным простодушием ответила, что муж работает геологоразведчиком, ищет алмазы и золото в Якутии, и поэтому надолго уезжает в командировки…

В заключение японец пояснил, почему он заинтересован поддерживать деловые отношения только с «Эдитой» — удобнее и безопаснее продавать контрабандный товар одному надежному посреднику, чем многим случайным покупателям. К тому же, со слов Курусу, «Эдита» принадлежит к элитной группе государственных служащих, а это гарантия безопасности их бизнеса, ибо она рискует не менее, чем он, и, значит, будет предельно осмотрительна и конспиративна в делах.

* * *

Когда о состоявшемся разговоре агентесса сообщила своему оператору — генералу Козлову — тот немедленно дал ей задание соблазнить азиата, то есть загнать его в «медовую ловушку».

Решено было завлечь японца на квартиру агентессы. Остановились на том, что делать это надо не спеша, подержав какое-то время японца на сексуальном карантине — пусть дозреет!

* * *

«Эдита» поддерживала деловые отношения с Курусу около месяца. За это время она приобрела оптом и сдала на Лубянку столько первоклассной видеоаппаратуры и японских часов «Сейко», «Ориент» и «Ситизен», что руководство КГБ СССР разрешило продать их по бросовым ценам всем желающим сотрудникам, чтобы как-то окупить расходы на их приобретение.

Когда дипломат вновь вернулся из Сингапура с очередной партией товара и позвонил агентессе, та сказала ему, что прийти

на встречу не может, так как повредила ногу, поэтому в течение двух недель вынуждена будет сидеть дома. А в настоящий момент она лежит в постели голодная, так как муж уехал в длительную командировку, и ей даже чаю некому заварить.

В подтверждение своих слов «Эдита» расплакалась навзрыд в телефонную трубку. Японец и растерялся, и обрадовался одновременно. Помолчав секунду, — упоминание о постели задело за живое, к тому же ему недвусмысленно было сказано, что «Эдита», объект его вожделений, одна, — Курусу нетерпеливо спросил, что же делать с привезенным товаром.

Будто не расслышав вопроса, «Эдита», перейдяна шепот, добавила, что если Курусу-сан желает взглянуть на константиновский рубль, то она может предоставить ему такую возможность — монета временно находится у нее дома.

Все сомнения мгновенно разрешились, японец прокричал в трубку, что немедленно берет такси и выезжает. Бросив трубку, он опрометью выбежал из телефонной будки. Вернулся, чтобы узнать адрес, а заодно поинтересовался, не будет ли «Эдита» возражать, если он захватит с собой пару бутылок шампанского…

«Эдите» спешно забинтовали ногу, вооружили костылями. Макияж она наложила сама.

В сопровождении двух бригад «наружки» Курусу через двадцать минут подъехал на такси к дому агентессы. Женщина встретила японца, прыгая на костылях и морщась от боли…

* * *

Свою роль агентесса-обольстительница играла с упоением: халатик постоянно распахивался, то обнажая до самого основания стройные ноги, то вдруг из него одновременно выкатывались две молочные луны пудовых грудей…

От такого натиска Курусу вмиг забыл и о привезенном товаре, и о константиновском рубле.

Залпом осушив пару бокалов шампанского, он попросил разрешения снять пиджак. На пиджаке не остановился, стащил и надетый поверх рубашки полотняный пояс с кармашками-ячейками, заполненными часами и золотыми браслетами. С облегчением вздохнул — «кольчуга» весила около десяти килограммов!

В свою очередь, «Эдита» попросила разрешения прилечь на кровать — болит нога. Вновь предательски распахнулся халатик. Зачарованный Курусу вперил взгляд в манящее лоно. Ленивым движением женщина одернула подол. Губы ее были закушены,

лукавые глаза, источавшие похоть, призывно смеялись. Запахивая полы халата «Эдита», отрешенно глядя в потолок, стала поправлять прическу. Нет, она просто издевалась над молодым изголодавшимся самцом!

Завуалированный стриптиз стал последней каплей, что переполнила чашу плотских вожделений японца. Не в силах более противостоять разбушевавшейся физиологии, он с остервенением рванул брючный пояс и вмиг оказался меж её ног…

Женщина вскрикнула и начала робко сопротивляться. Притворная борьба, а по сути — освобождение от халата, еще больше раззадорили японца. Дрыгая ногами, он пытался освободиться от брюк. Затрещала рвущаяся материя — это лопнули по шву брюки, из которых азиату наконец удалось выпрыгнуть…

…Тела сплелись в пароксизме страсти, комната наполнилась криками и сладострастными стонами. Дьявольская пляска достигла апогея, когда хлопнула входная дверь и в прихожей раздались хмельные мужские голоса…

— Боже мой! Муж! — закричала агентесса, пытаясь столкнуть с себя вошедшего в раж азиата. — Вернулся раньше времени… Что делать? Что делать?!

Забыв, что у нее по сценарию перелом, «Эдита», извиваясь всем телом, начала обеими ногами колотить по ногам навалившегося на нее японца.

— Иосихису! Да остановись ты наконец!!

— Сейчас-сейчас!! — обезумев от азарта, заорал японец.

— Как ты тут без меня, золотце мое? Что ты там делаешь, почему не встречаешь своего зайчика? — раздался из прихожей голос «мужа».

Только тогда японец осознал всю трагичность момента. Действительно, что делать? Прыгать в окно? Под кровать? В шкаф? Поздно! Взгляд Курусу беспокойно метался в поисках брюк. А, черт! Распоротые на две половинки штаны валялись на полу. Что толку их надевать?!

На пороге комнаты с букетом красных гвоздик и в сопровождении амбала зловещего вида появился «зайчик» — оперативный сотрудник из Службы Карпова. Амбал, сыщик по профессии, драчун по призванию, московскими «топтунами» прозванный «Витя-выключатель», потому как одним ударом мог сразить наповал годовалового бычка, был привлечен к мероприятию для оказания на японца психологического воздействия.

…Мизансцена развивалась по всем канонам байки о вернувшемся из командировки муже и неверной жене.

Женщина, делая вид, что пытается перехватить инициативу, спрыгнула с постели и, застегивая на ходу халат, со стаканом вина ринулась к мужу.

— Коля, дорогой!

В следующую секунду стакан полетел на пол, жена — на постель.

— Ах ты б…! — завидев голого незнакомца, стоявшего у разобранной постели, заорал «муж» и добавил несколько этажей непечатных выражений.

Развернувшись, он бросился к незадачливому любовнику и влепил ему пару оплеух. Для пущей драматизации обстановки схватил подвернувшийся под руку костыль, копьем метнул его в выбегающую из комнаты жену и снова бросился к японцу. Накал страстей был так высок, актёры настолько вжились в роли, что никто из них не вспомнил, что по сценарию у «Эдиты» сломана нога, и уж бежать она никак не может…

Витя-выключатель перехватил обезумевшего от ревности приятеля и глыбой навис над иностранцем…

Приоткрыв дверь в комнату, «Эдита» не своим голосом прокричала:

— Коля не трогай его, он — иностранец, дипломат. Он пришёл к нам в гости!

— Дипломаты в гости без штанов не ходят! Ты ещё скажи, что он папа римский! Ишь, стоило уехать в командировку, как она здесь международным развратом занялась!

Разбушевавшийся Коля схватил початую бутылку шампанского и грохнул ею о пол.

Курусу продолжал стоять посреди комнаты, судорожно соображая, что предпринять. Если бы не штаны, он уже давно попытался бы пробиться к двери, но…

В прихожей раздалась трель звонка.

«Эдита» сразу вспомнила, что у нее сломана нога, громко застонала и, прихрамывая, направилась к двери.

На пороге стоял ее оператор генерал Козлов в форме майора милиции с двумя людьми в штатском.

— Вам чего? — как можно грубее спросила агентесса.

— Что у вас здесь происходит? — грозно ответил на вопрос вопросом Козлов. — Соседи позвонили в милицию, говорят, убийство…

«Майор» придирчиво оглядел присутствующих и остановил взгляд на Курусу.

— Так-так, значит, не убийство, а разбой! Вовремя мы прибыли. Разбой только начался! Вы, похоже, лишь портки успели с гражданина снять! А если бы мы задержались?

Козлов шагнул к стулу, на котором лежал полотняный пояс, приподнял его. Посыпались часы, броши, браслеты…

Витя-выключатель нагнулся, чтобы поднять один. В ту же секунду «майор» проворно выхватил пистолет, двое в штатском также обнажили стволы.

— Не двигаться! Всем лечь на пол! Быстро! Лицом вниз! Стреляю без предупреждения! Кузькин, вызови подмогу!

Тот вынул из кармана переговорное устройство.

— Седьмой! Я — пятый! Здесь ограбление! Группу захвата в четвертую квартиру… Второй этаж! Живо!

— Вот оно в чем дело! — произнес Козлов, носком башмака сгребая в кучку раскатившиеся по полу часы и браслеты. — Неплохо поживились бы ребята, опоздай мы на пять минут… Кто хозяин этих вещей?

Японец оторвал голову от пола, но тут в квартиру ввалились дюжие автоматчики в камуфляже.

— Забрать всех в отделение, оставить пострадавшего и ответственного квартиросъемщика… для допроса!

— Я не могу ехать, у меня сломана нога, ко мне врач сейчас должен прийти! — скороговоркой выпалила «Эдита».

— Вы останьтесь! — приказал Козлов.

Глава четвертая. Из постели — в контрразведку

— Вы кто такой? — нарочито грубо спросил Козлов японца, когда «мужа» и Витю-выключателя автоматчики выволокли из квартиры.

Курусу пробормотал что-то невнятное.

— Предъявите документы! — скомандовал «майор».

В это время один из оперов уже расстегивал кармашки пояса и с ловкостью фокусника раскладывал часы и браслеты на столе. Другой деловито щелкал фотокамерой.

Агентесса сослалась на боль в ноге и прилегла на кровать.

— Я дипломат, — заявил Курусу и трясущимися руками предъявил свою аккредитационную карточку.

— В таком случае, — заявил лжемайор, — я обязан сообщить о вашем задержании в МИД…

Подняв трубку телефона, он стал наугад вращать диск.

— Не надо! — покрывшись испариной, взмолился японец. — Пожалуйста, не надо никуда звонить, — и, указывая на «патронташ» с часами и золотыми изделиями, — забирайте всё… Здесь целое состояние!

В это время один из оперов навел на него фотоаппарат и несколько раз щелкнул затвором. Курусу окончательно сник.

— Часики и золотишко нам не нужны, — примирительно сказал Козлов, — но договориться сможем…

* * *

Вербовка состоялась.

Тут же в квартире «Эдиты» японец в подтверждение своей готовности сотрудничать с правоохранительными органами СССР (какими конкретно, Курусу еще не знал) собственноручно описал известные ему подробности кражи уникальных бриллиантов из квартиры народной артистки СССР Ирины Бугримовой.

Покончив с сочинением на заданную тему, иностранец поинтересовался, как подписывать его.

— Да чего там… подпишите его одним словом: «Самурай»! — бодро ответил Козлов. — Чтоб никто не догадался… ни сейчас, ни впредь! Не возражаете?

Нет, японец не возражал. Любовь зла… Он лишь на секунду задержал взгляд на лице генерала, улыбнулся своей догадке и сделал решительный росчерк.

Перед тем как выпроводить «новобранца» за порог, Козлов детально проинструктировал его о способах связи, обусловил дату и место следующей встречи.

Как только за новоиспеченным агентом закрылась дверь, генерал отправил « Эдиту» на кухню разбинтовываться и готовить кофе, а сам нетерпеливо сгреб со стола ворох исписанных бумаг и стал вчитываться в каракули японца, более похожие на иероглифы, чем на кириллицу.

Через минуту Козлов схватил трубку и набрал номер прямого телефона Андропова. Вовремя вспомнил, что перед ним не защищенный от прослушивания аппарат городской АТС, в сердцах швырнул телефонную трубку, чертыхнулся и, наспех попрощавшись с агентессой, опрометью выбежал из квартиры.

В тот же вечер Козлов доложил председателю подробности проведенной вербовки и содержание представленного «Самураем» донесения.

* * *

На следующее утро Андропов, ознакомившись с донесением «Самурая», уведомил Брежнева о «грозящей ему опасности» и заручился его поддержкой в реализации своих планов: под предлогом проведения оперативных мероприятий по защите

чести Семьи и, как следствие, — престижа державы, Андропов получил карт-бланш на разработку связей Галины Леонидовны, первой в числе которых значилась Светлана Щёлокова…

Таким образом, генсек фактически жаловал Андропова грамотой, позволяющей бесконтрольно держать «под колпаком» самого министра внутренних дел!

Брежнев так и не понял, какую злую шутку сыграл с ним Андропов, получив из его рук исключительное право разрабатывать окружение Галины Леонидовны. Впрочем, Леонид Ильич в то время уже мало что понимал…

Глава пятая. «Борис бриллиантович»

1. Донесение на заданную тему

«Я близко познакомился с Борисом Буряце в 1977 году в Мисхоре, когда по заданию посла выезжал на два дня в Крым. Раньше мы нередко встречались на “бирже” в Столешниковом переулке и даже стали приятелями.

Общаясь с постоянными клиентами “бриллиантовой биржи”, я, как правило, представлялся узбеком из Ташкента, и они верили, потому что по-русски я говорю почти без акцента. Но там, в Мисхоре, я почувствовал, что Борису я должен открыть свой реальный статус и свое имя. Почему? Чтобы установить с ним более тесные деловые отношения, так как его я всегда считал одним из основных игроков или, скорее, законодателей цен на “бирже”.

Борис оценил мою откровенность и во время общения со мной всегда старался отвечать тем же.

В кругах деловых людей, которые занимаются операциями с валютой и драгоценностями, Буряце известен под кличкой “Борис Бриллиантович”. Думаю, что основанием для этого послужила его страсть к драгоценным камням вообще и к “брюликам”, в частности. Не исключено, что “Бриллиантовичем” его называют еще и потому, что дела, которые он проворачивает с “камешками”, поражают воображение. Он постоянно носит золотой перстень с бриллиантом в четыре карата, на шее у него — толстая крученая золотая цепь с огромным крестом из платины, который украшен бриллиантом в шесть каратов. Он не расставался с этими украшениями и, даже купаясь в море, никогда их не снимал. Я спросил Бориса, как это он не боится появляться на людях, таская на себе целое состояние. Он засмеялся и указал на приближающуюся к пляжу белую “Волгу”.

“Вон, видишь, — сказал он, — катит моя мадам. Она везет мне обед, смену белья, а заодно — смену охранников. Эти, — Борис

указал на сидевших поблизости двух громил, которые, несмотря на жару, не снимали рубашек, под которыми бугрились кобуры с пистолетами — мне надоели!"

…Когда подъехала "Волга", я был ошеломлен, увидев, что из нее вышла… Галина Брежнева, которую Буряце за глаза называл Мадам. Я встречался с нею в разных посольствах на дипломатических приемах, и поэтому сразу узнал ее.

Я догадался, что в роли телохранителей, на которых указывал Борис, выступают сотрудники правительственной охраны, приставленные к дочери вашего Генерального секретаря, но я никак не мог понять, что может быть общего между нею, дочерью первого лица великой страны, и спекулянтом "брюликами", каким я знал Буряце. Возможно, размышления отразились на моем лице, потому что Борис поспешил объяснить мне, что Галина безумно в него влюблена.

"А вообще, — сказал он, — моя Мадам — женщина с "заскоками", она ведь на пятнадцать лет старше меня, ей за пятьдесят и у нее уже есть внучка".

"Ну так брось ее, какие проблемы? — сказал я. — Ты же молод, красив. С твоими деньгами, твоим умом любая женщина сочтет за счастье выйти за тебя замуж!"

Подумав, Борис ответил:

"Видишь вот это? — он сжал рукой висящий на груди платиновый крест. — Вот это — моя мадам. Тяжело таскать на шее такую дорогую вещицу, но зато прибыльно и престижно… Где бы я ни появлялся с этим крестом, все почтительно расступаются, и места, предназначенные для избранных, достаются в первую очередь мне!

На Западе, Курусу-сан, говорят: "Если вы видите, что ваш банкир выпрыгивает из окна десятого этажа, бросайтесь за ним — это прибыльно".

Я руководствуюсь той же логикой. Поэтому, несмотря на все причуды и истерики Мадам, я готов пойти за ней в огонь и в воду — куда угодно ей… Кстати, вот это, — Борис вновь тронул крест, — я приобрел по настоянию и с помощью Мадам. Она толк в таких вещах знает и коллекционирует их… Знаешь, какая у нее богатая коллекция "брюликов"! Я пристрастился к ним под ее влиянием… Я, вообще, многим ей обязан. Она меня ввела в такое общество, в которое ни за какие деньги не попадешь: писатели, заместители министров, торговые тузы…

Но все же я очень от нее устал. Ладно бы только ее причуды и скандалы, которые она мне ежечасно устраивает! С ними еще можно мириться… Хуже другое — ведь мне приходится ложиться с ней в постель, ну, ты понимаешь… Так вот, самое ужасное в

том, что когда я по ее просьбе начинаю обнимать и целовать в губы, мне постоянно кажется, что я целую Леонида Ильича… Моя Мадам, старея, внешне всё больше походит на своего отца…

Да ты и сам это сейчас увидишь, вот она, уже подходит… Ты только присмотрись повнимательнее! У нее же очень грубые, крупные мужские черты лица. А тут еще с возрастом у нее усы начали расти. Недавно я по телевизору увидел, как Брежнев лобызался с Эрихом Хонеккером, ну, ты знаешь, гэдээровский генсек, так меня чуть не стошнило на стол… Хорошо, что успел до ванной добежать, а то бы опозорился перед гостями… Короче, когда мне приходится целовать её в губы, я стараюсь закрывать глаза… Ну, ничего! Христостерпел и нам велел… Вот купит она мне квартиру, а там видно будет".

"Но она ведь замужем, — удивился я, — и ее муж занимает большой пост в Министерстве внутренних дел!"

"Ну, а что муж? — равнодушно ответил Буряце. — Его интересует только карьера. К Мадам он совершенно равнодушен. Правда, узнав о том, что у неё со мной любовь, муж пару раз подсылал своих людей, ментов поганых, чтоб меня поколотили, но теперь Мадам приставила ко мне охранников из КГБ, которые в обиду меня не дадут. Ее мужу, генералу Чурбанову, совсем невыгодно идти на разрыв с Мадам, потому что он сразу потеряет благосклонность ее отца. Чурбанов это хорошо знает, потому и терпит меня — выбора у него нет!"

…Приблизившись к нам, Галина вместо приветствия громко выругалась. Прокричала, чтобы Борис помог прибывшим на смену охранникам вынести из машины хлеб, банки с икрой, виноград, ящики с шампанским и водкой. Отдав распоряжения, Галина без тени стеснения начала снимать с себя платье, чтобы переодеться в поданный телохранителем шелковый халат.

Я попытался отвернуться, но Борис, который демонстративно проигнорировал указание Мадам помочь охране, тихо сказал мне:

"Не вздумай отворачиваться, иначе ты сразу попадешь в немилость. Она обожает, когда её нагую рассматривают молодые мужчины! "

…За время, которое я провел в обществе "сладкой парочки", я понял, что Борис умный и очень ловкий человек.

Галина — крайне раздражительная и конфликтная женщина. Когда Борис напоминал ей, что пора возвращаться к родителям, которые отдыхали неподалеку, в Ореанде, Галина закатывала истерику, швыряла в любовника гроздья винограда и обвиняла его в том, что он ее не любит.

Опьянев, Галина стала плакать и кричать:

"Я люблю искусство, а мой муж — мудак, хотя и генерал. Ну

что поделаешь, чурбан — он и есть чурбан!"

По возвращении в Москву я несколько раз бывал в гостях у Буряце, в квартире на улице Чехова, которую для него приобрела Галина.

…В декабре 1981 года, вернувшись из Гонконга, куда я летал, чтобы приобрести Борису видеоаппаратуру, я застал у него дома двух неизвестных мне молодых людей. Все трое оживленно обсуждали план тайного проникновения в квартиру какой-то артистки.

Я хотел уйти, но Борис попросил остаться, сказав, что у него от меня секретов нет.

Из разговора мне стало известно, что в квартире артистки находятся драгоценности необыкновенной красоты на астрономическую сумму. Таких нет даже у Галины, что вызывает ее зависть и злость. Злость от того, что она предложила артистке огромные деньги за коллекцию, но та отказалась ее продавать. После чего Брежнева сказала:

"Если она не хочет мне их продать, то лучше, чтобы они исчезли из Союза! "

Насколько я понял, родственник одного из молодых людей работает в отделе, контролирующем сигнализацию в доме артистки. Он должен был в обусловленное время отключить ее, чтобы сигнал тревоги не поступил в отделение милиции. Еще двое или трое мужчин должны были подъехать к дому на машине и на глазах консьержа вытащить огромную елку. В случае возможных вопросов мужчины должны были бы отвечать, что елка — новогодний подарок артистке, а они лишь выполняют поручение привезти и оставить дерево у дверей квартиры.

Буряце согласился с остальными заговорщиками, что все будет выглядеть естественно, и их действия не вызовут подозрений у консьержа, так как у знаменитых артистов масса поклонников, которые способны выражать свои симпатии самым экстравагантным образом…

Самурай»

2. Сколько веревочке ни виться…

Последующие события развивались стремительнее, чем в крутом кинобоевике. Поскольку бриллианты Бугримовой было невозможно сбыть внутри страны, генерал Козлов по указанию Андропова приказал ввести особый таможенный контроль во всех международных аэропортах и пограничных пунктах Советского Союза. Удача не заставила себя ждать. Через два дня в аэропорту Шереметьево был задержан гражданин — в полу его пальто был вшит замшевый мешочек с тремя самыми крупными

бриллиантами из коллекции Бугримовой. Ещё через несколько дней оказались за решёткой и другие члены банды профессиональных грабителей, специализировавшихся на, как они именовали свой промысел, «изъятии у населения бриллиантовых излишков».

Расследование дела об ограблении квартиры Ирины Бугримовой получило новый импульс, когда от подследственных были получены данные, что наводчиком, получившим за свои труды баснословные комиссионные, в обоих случаях был Борис Буряце.

В его квартире был проведен тщательный обыск, который не только усилил подозрения в причастности цыгана к похищению драгоценностей, но и заставил вернуться к другим нераскрытым делам.

Буряце был вызван на допрос.

В норковой шубе и норковых сапогах, с болонкой в руках и дымящейся сигаретой в зубах, «Бриллиантович» вошел в кабинет следователя. Но спесь слетела моментально, как только ему было объявлено, что он задержан и ближайшие десять дней ему придется провести в Лефортовской тюрьме.

Следователи любезно — им было известно о его близости с Галиной Брежневой — предложили ему уведомить своих родственников. Борис позвонил Галине, но та ещё не успела прийти в себя после затянувшейся новогодней попойки и в растерянности бросила трубку…

…Через некоторое время суд приговорил Буряце к пяти годам лишения свободы с конфискацией принадлежавшего ему имущества, в том числе и подарка Брежневой, квартиры на улице Чехова…

Глава шестая. Проверка по законам жанра

Поскольку «Самурай» без видимых угрызений совести уже представил письменную информацию о Буряце и Брежневой, Козлов решил развить достигнутый успех, а заодно и провести проверку «новобранца» на лояльность.

Об остальных его качествах — смелости, авантюризме и глубоком знании русского языка — было известно достаточно. А уж то, что японец умеет соблюдать конспирацию, не вызывало никаких сомнений: контрабандисты, вынужденные вести двойную жизнь, умеют хранить тайну.

«Доверяй, но проверяй!» — принцип, которому неуклонно следуют офицеры-агентуристы всех спецслужб мира.

Особенно интенсивны проверки в начальный период

негласного сотрудничества. А если «новобранцем» является подданный иностранной державы, завербованный с использованием компрометирующих материалов, то у его оператора только и забот: каким рентгеном «просветить» обращенного в новую веру, как убедиться самому и доказать начальству, что мы имеем дело не с двурушником, который одинаково ловко «таскает каштаны из огня» и для нас, и для противника, или, того хуже, — кормит нас «дезой».

Сказанное выше вовсе не означает, что со временем агенту будут доверять беспрекословно и всякую добытую им информацию начнут принимать как откровение Божие. Отнюдь. И в дальнейшем представляемые агентом сведения будут подвергаться всестороннему анализу и проверкам, а он — постоянно находиться под контролем. Но одно точно: проверок станет меньше, хотя проводиться они будут изощренней и тоньше.

Не мудрствуя лукаво, Козлов прибег к испытанному многими поколениями контрразведчиков трюку. В ходе очередной явки вручил «Самураю» плоскую металлическую коробочку в виде табакерки с несколькими кнопками, измерительной шкалой и стрелкой на лицевой крышке.

Попросил агента, разумеется, пообещав приличное вознаграждение, спрятать эту коробочку на пару-тройку дней в кабинете японского посла, лучше всего где-нибудь за книгами.

Осторожный «Самурай» поинтересовался, зачем «табакерка» должна непременно оказаться именно в кабинете посла.

Генерал пустился в пространные объяснения об ухудшении экологической обстановки из-за расплодившихся в столице НИИ и лабораторий, занимающихся исследованиями в области радиоэлектроники. По утверждению Козлова, жители Москвы рассылают письма во все государственные инстанции, требуя оградить их от действия пресловутых электромагнитных излучений. Поэтому в настоящее время КГБ выясняет, действительно ли настолько загрязнена окружающая среда, что надо принимать неотложные меры. Но для того, чтобы преждевременно не создавать паники, делает это скрытно. Добавил, что Моссовет принял решение начать изучение обстановки со зданий дипломатических представительств, конкретно — с кабинетов послов и других высокопоставленных иностранных чиновников. Вручаемый регистратор должен зафиксировать наличие или, наоборот, отсутствие указанных излучений.

Внешне японец был польщен проявлением заботы о здоровье его соотечественников, да не кем-нибудь, а самим Комитетом

госбезопасности. Однако сомнения оставались. «Самурай» с опаской взял регистратор в руки и спросил:

— А он не взорвется?

— Слово офицера, н е т! — с пафосом ответил генерал. — Он не только не взрывается, но и не может никому причинить вреда.

В отличие от предыдущих объяснений, это было святой правдой.

— Не надо только нажимать эти кнопки…

Других вопросов со стороны «Самурая» не последовало, он забрал регистратор излучений и на следующий день спрятал его в кабинете посла.

В том, что регистратор находится в японском посольстве, и именно в крыле, где расположен кабинет посла, сотрудники оперативно-технического управления имели возможность убедиться, пеленгуя из разных точек микрорайона издаваемые им позывные. Через равные промежутки времени регистратор выплевывал в эфир сигналы, подобные знаменитым «бип-бип», что издавал наш первый искусственный спутник Земли.

В назначенный день «Самурай» вернул Козлову прибор, в котором была еще одна техническая хитрость: регистратор был устроен таким образом, что попади он при посредничестве «Самурая» или без его участия в руки японских контрразведчиков, которые попытались бы определить его предназначение, то это было бы обязательно зафиксировано при контрольном обследовании нашими технарями.

Тщательно проверив прибор, специалисты пришли к заключению, что в нём не только никто не ковырялся, но его даже не пытались просвечивать какими-либо лучами.

Ну чем не проверка агента на «детекторе лжи»!

Теперь, когда «Самурай» успешно прошел первый тест на надежность (сколько еще их будет!), Козлов теоретически мог рассчитывать на его помощь и в других, более деликатных вопросах — добывании секретной информации.

А то, что «Самурай» является секретоносителем, Козлову стало ясно еще во время вербовки, когда при отработке способов связи японец просил не звонить ему на работу. Такая просьба могла поступить только от дипломата, допущенного к секретам, и, кроме того, предупрежденного о том, что его телефон контролируется службой собственной безопасности посольства.

Глава седьмая. Контрабандист поневоле

Встреча с «Самураем» должна была состояться в баре на третьем этаже гостиницы «Интурист» в 4 часа пополудни, когда

заведение закрывается на санитарный час и остаются лишь «ведомственные», вроде Козлова, посетители. Впрочем, коллеги никогда не мешали друг другу, рассредоточиваясь по углам. «Цеховая солидарность», понимаешь!

Генерал прибыл на место загодя, чтобы осмотреться и спокойно осмыслить предстоящий разговор с агентом.

Последние два дня в рабочем кабинете это сделать не удавалось: вслед за арестом Буряце Козлова беспрестанно вызывал к себе то Андропов, то его заместитель Семен Цвигун, а то и кураторы КГБ со Старой площади.

Особенно раздражала генерала позиция, занятая Цвигуном.

Козлов понимал, что зампред не по своей воле вмешивается в дело о краденных бриллиантах, а лишь выполняет указание своего родственника, генерального секретаря, чтобы в случае необходимости отвести удар от Галины Брежневой. Но уж больно беспардонно он это делал!

…Как только копия агентурного сообщения «Самурая» легла на стол Цвигуну, он немедленно затребовал к себе Козлова.

— Слушайте, — заорал зампред, едва только генерал перешагнул порог его кабинета, — вы со своим агентом обосрали весь мой замысел!

— То-то у меня чувство, будто я наелся говна, — парировал Козлов.

— Вон из кабинета! — захлебнувшись от ярости, прорычал Цвигун.

— Вон из контрразведки! — в тон ему ответил Козлов и, пулей вылетев из кабинета самодура, прямиком направился в приёмную Андропова.

Если бы не вмешательство Юрия Владимировича, не сносить бы погон строптивому генералу — уволили бы в одночасье без выходного пособия.

Впрочем, Козлов играл наверняка, понимая, что с его уходом Комитет потеряет только что приобретенного ценного агента. А советники японского посольства не каждый день оказываются в агентурных сетях КГБ!

* * *

Устроившись за столиком в глубине зала, генерал недовольно поморщился: сидевшие в центре зала четверо дюжих бритоголовых парней о чем-то громко спорили. Говорили по-английски. Судя по выговору, внешнему виду и по тому, как они лихо опрокидывали в себя фужеры с виски, Козлов сделал вывод,

что перед ним американцы, скорее всего, морские пехотинцы из охраны здания посольства США.

«Вот напасть, нигде нет покоя! — чертыхнулся про себя Козлов. — Не попросить ли администратора, чтобы он спровадил этих вояк?»

Оценивающе окинув взглядом возмутителей спокойствия, генерал понял, что и весь обслуживающий персонал бара будет бессилен унять не в меру разошедшихся морпехов.

«Черт с вами, живите!» — Козлов углубился в размышления.

Вновь и вновь генерал мысленно возвращался к вопросу об использовании «Самурая» в добывании информации по «Сётику».

Идея была весьма заманчивой, но возникали серьезные сомнения в возможности ее реализации: согласится ли «Самурай» выполнять задание по «Сётику», ведь речь пойдет о добывании японцем сведений о японской фирме. Не сочтет ли агент его предложение оскорбительным, а свое участие в операции — антипатриотичным?

Каждый раз в памяти генерала всплывали целые абзацы из наставлений полковника Кошкина, известного разведчика и специалиста-ниппониста, к которому генерал обратился накануне вербовки Курусу, чтобы получить консультацию о национальных особенностях мышления японцев, их традициях и обычаях.

Всё это необходимо знать, чтобы с самого начала партии взять правильную ноту. Ведь каким бы высоким ни было вознаграждение, выплачиваемое Комитетом агенту за представленные сведения, одной денежной подпиткой не обойтись. Чтобы сотрудничество стало полнокровным, надо найти ключик к внутреннему «Я» секретного сотрудника.

* * *

Николай Петрович Кошкин, много лет проработавший в Японии и поднаторевший в вербовках местных жителей, предостерег Козлова от упрощенческого подхода, доказал на примерах, что «вести» японца гораздо труднее, чем завербовать. Хотя и последнее — задача не из легких. И не только в Японии. Ее граждане и за пределами своей страны с большим трудом идут на контакт с чужеземными спецслужбами. Причина, по которой японец согласится добывать информацию в пользу иностранной державы, должна быть исключительно веской. Вместе с тем они охотно и без всяких предварительных условий поставляют сведения своей тайной полиции. Более того, считают это своим священным долгом.

Рассуждая о японском шпионаже вообще, и о возможности привлечения конкретного японца к секретному сотрудничеству, Кошкин сослался на некий трактат, разработанный ближайшим сподвижником Гитлера — Рудольфом Гессом, который в начале 30-х стоял у истоков создания новых спецслужб рейха и считается отцом концепции тотального шпионажа в Германии.

Дело в том, пояснил Кошкин, что Гесс позаимствовал ее у японцев, которые на протяжении долгого времени создавали и оттачивали принципы тотального шпионажа. В Японии накануне и Первой, и Второй мировой войн им были подчинены все сферы жизни. Гесс взял эти принципы и с успехом перенес их на немецкую почву. В своем трактате Гесс делал вывод, что шпионаж является второй натурой японцев.

…На протяжении многих поколений в Японии сложилась внутренняя система массового шпионажа, когда сосед шпионил за соседом, а оба они, в свою очередь, находились под присмотром третьего соседа.

Это стало возможно потому, что японские властители всегда обращались со своим народом, как с детьми. Со времен сегуната широко использовались сыщики, добровольные осведомители и секретные агенты.

Гесс считал, что это обстоятельство развило в японской нации склонность к шпионажу, которая настолько укоренилась, что японцы занимаются им всюду, где представляется удобный случай, особенно в заграничных поездках. По возвращении на родину они передают информацию японскому консулу или своей полиции.

Донесения как профессиональных агентов, так и стукачей-любителей передаются в Центральный разведывательный орган (ЦРО) в Токио одним из следующих способов.

Первый.

Через консульства, которые переправляют развединформацию в посольства с курьерами; посольства, в свою очередь, посылают ее в Японию, чаще всего дипломатической почтой.

Второй.

Через специальных агентов-курьеров, передвигающихся под видом должностных лиц, якобы совершающих инспекционные поездки.

Наконец, сведения, в которых заинтересован ЦРО, могут быть переданы через капитанов японских торговых и пассажирских судов, которым донесения вручаются, как правило, в последнюю минуту перед отплытием в Японию.

Со слов Кошкина, проблема тотального шпионажа уходит

корнями в историю нации.

Японцы — очень сплоченная нация. Но в отличие от немцев, не менее сплоченного народа, жители Страны Восходящего Солнца еще в недалеком прошлом находились в полной изоляции, постоянно готовые к отражению агрессии со стороны более сильных соседей.

Япония — мононациональное государство, с единым языком и одной культурой. Там нет нацменьшинств, очень мало эмигрантов. До сих пор японцы стремятся оградить свой внутренний мир от внешнего вторжения, всеми силами противостоят проникновению чуждой им по духу европейской, не говоря уж об американской, культуре.

У японцев очень развито чувство сопереживания, у них не принято завидовать успехам, злорадствовать по поводу неудач. А коллективизм и взаимовыручка, терпение и трудолюбие возведены в абсолют!..

Далее Кошкин прочел Козлову целую лекцию о развитии японского шпионажа, возведенного в ранг государственной политики, внутренней и международной. Шпионаж вошел в плоть и в кровь, наконец, в гены японцев. Вопрос имел глубокие корни, уходящие в историю формирования японского общества в целом.

Большую роль в деятельности японской разведки и контрразведки играли так называемые патриотические общества. Через них-то и происходило распространение тотального шпионажа в Японии.

Созданные в конце девятнадцатого века патриотические общества поначалу вели разведывательную и подрывную деятельность против главных на тот момент противников Японии — Китая и России — с целью выявления слабых мест и воздействия на них.

Общества вербовали своих членов из различных социальных слоев. Они требовали от них прежде всего беззаветной преданности идеям и идеалам Общества. Если такой преданности не было, то, независимо от наличия у кандидатов других качеств и положительных сторон, его отвергали.

Именно исключительная преданность членов Обществу привела к тому, что деятельность этих организаций за пределами Японии стала значительной и опасной. Члены Обществ, отобранные для наиболее важной работы, обучались языкам и подрывной деятельности. Агенты, которые предназначались для сбора информации, набирались из лавочников, туристов, продавцов литературы, порнографических открыток, медикаментов, инструкторов по спорту, рыбаков, бизнесменов, студентов, изучающих ислам и английский язык, ученых,

священников, археологов.

Агентам не обещали никаких наград, да они и не рассчитывали на это. Материалы патриотических обществ переполнены биографиями «маленьких людей». Все, что эти люди узнавали и докладывали своим руководителям, передавалось правительству, военным властям или другим заинтересованным инстанциям.

В такой стране, как Япония, сохранившей старинные военные традиции, вплоть до капитуляции, невозможно было провести ясную линию между военными и гражданскими лицами. Точно так же не всегда можно разграничить деятельность и функции патриотических обществ от действий и функций военной разведки. На протяжении всего военного и предшествующего ему периодов отмечалось тесное сотрудничество обществ и официальной разведки, их действия часто дополняли друг друга. Многие бывшие военнослужащие входили в патриотические общества, а те, в свою очередь, отдали военной разведке своих лучших агентов.

В этом плане показателен пример с военным атташе Японии в ряде западноевропейских стран и в России Мотодзиро Акаси, и Обществом, которое он представлял: «Кокурюкай», что в переводе на русский означает «Черный дракон». Последнее было самым значительным из всех японских патриотических обществ, основанное еще в 1901 году Рехэй Утида.

«Кокурюкай» — это китайское название реки Амур, разделявшей Манчжурию и Россию. В названии Общества содержится намек на его главную цель — оттеснить русских из Манчжурии за Амур, из Кореи и любого другого места на Тихом океане, то есть деятельность «Кокурюкай» была нацелена на войну с Россией.

«Кокурюкай», как и другие патриотические общества, имело свои учреждения. В Токио ему принадлежали две школы, где проводилось обучение всем видам шпионажа. Они прикрывались безобидно звучавшими названиями: «Академия подготовки националистов» и «Школа иностранных языков».

Осенью 1900 года японское Военное министерство назначило полковника Мотодзиро Акаси военным атташе во Франции, Швейцарии, Швеции и России. Его назначение, на которое министерство вначале не соглашалось, было произведено по настоянию Рехэй Утида. Влиятельный член «Кокурюкай», Утида пригрозил, что если Акаси не будет назначен на эту должность, Общество прекратит передачу информации своих агентов военному министерству.

«Очень скоро, — сказал Утида на прощание своему

ставленнику, — мы нанесем удар по нашим врагам в Сибири. Европейская часть России находится на очень большом расстоянии от нас. Но именно там делается политика и оттуда идут указания в азиатскую часть империи, в Сибирь. Мы смогли бы приобрести важную информацию, если бы имели в Европейской части России своих агентов…»

Акаси отличался особой проницательностью, гибким умом, завидной твердостью, отсутствием жалости — тем, чем должен обладать преуспевающий шпион. В скором времени он продемонстрировал, в какой степени обладал всеми этими качествами.

За 15–20 лет подготовки Япония достигла не только высокого промышленного и военного развития. Огромная армия ее разведчиков, превосходящая по численности шпионскую службу любой другой страны, раскрыла многие секреты и намерения России в районах, которые стали объектами нападения. Японцы доказали на практике, что хорошо и широко поставленный шпионаж в состоянии обеспечить половину победы еще до того, как будет нанесен первый открытый удар.

Но, видимо, самым удивительным нововведением было отношение японцев к шпионам и шпионажу. Ведь на Западе вплоть до Первой мировой войны так называемые «приличные люди» с презрением относились к шпионам и шпионажу.

Японцы же с момента зарождения в Японии шпионажа включили его в Бусидо — строгий кодекс морали и поведения самураев. Шпионаж, провозгласили они, осуществляемый в интересах родины, является как почетным, так и благородным делом. Разве не требует он смелости и отваги — тех достоинств, которые более всего ценятся самураями? Отношение японцев к шпионажу находилось в полном соответствии с их культом служения родине и идеалами патриотизма, они воодушевляли многих из тех, кто в минуты душевной слабости колебался принять на себя риск, вытекающий из шпионской деятельности.

Бусидо делал японских шпионов вдвойне опасными. Одним из примеров кодекса Бусидо в действии являются камикадзе — летчики-смертники Второй мировой войны…

«Как я уже сказал, товарищ генерал, — с нажимом сказал Кошкин, видя, что тема начала утомлять его добровольного адепта, — одной из особенностей японцев, больше всего поразивших Рудольфа Гесса, был повышенный интерес в шпионажу.

В своем трактате Гесс писал: “Каждый японец, выезжающий за границу, считает себя шпионом, а когда он находится дома, он берет на себя роль ловца шпионов”.

Под влиянием руководителей разведки японцы воспитывались в таком духе, чтобы в любом мероприятии всякой иной нации на Тихом океане, в особенности Соединенных Штатов, усматривать шпионские намерения. С этой целью устраивались выставки, на которых демонстрировались экспонаты, показывающие вероломные и преступные, с точки зрения японцев, методы работы иностранных шпионов. На улицах расклеивались сотни плакатов, призывающих к бдительности, устраивались антишпионские дни и недели. Антишпионские лозунги печатались на спичечных коробках и выставлялись в витринах магазинов. Охота за шпионами превращалась в искусственно насаждаемую манию.

Пресса, радио и официальные лица постоянно призывали каждого японского мужчину, женщину и ребенка быть настороже, искать шпионов и сообщать обо всем, что вызывает хотя бы малейшее подозрение. В результате такой обработки население питало к иностранцам беспримерную ненависть. Нечто подобное, если вы помните, товарищ генерал, мы пережили в годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне», — подытожил свой экскурс в историю становления японских спецслужб полковник Кошкин.

«Думаю, Николай Петрович, что мы по части нагнетания шпиономании на государственном уровне сумели догнать японцев в 30-е годы», — заметил Козлов.

«Нет-нет, Леонид Иосифович! — в тон собеседнику ответил специалист по Японии. — В этом вопросе их вообще никто не догонит. Последнее, что я хотел бы добавить к тому, что уже сказано. По моему мнению, всё перечисленное, в том числе и отношение японцев к шпионажу, не только помогло им выжить, добиться впечатляющих успехов в экономике и самоутвердиться, но одновременно породило гипертрофированное чувство собственного величия и превосходства над другими народами, а также способствовало развитию у них и без того достаточно выраженной ксенофобии, враждебности ко всему чужеземному, будь то образ жизни, идеалы или мировоззрение…

Убедившись на собственном опыте, что всех благ можно добиться только своим трудом, японцы с порога отметают всякие предложения добывать информацию для иностранных государств, считая последних паразитами.

Совсем по-другому ведет себя японец, попадая в зависимость от спецслужб под угрозой компрометации.

Личное в сознании японца ассоциировано с общественным, он ощущает себя частицей, неотделимой от однородной общности — нации. В его представлении они спаяны воедино. Для него

скомпрометировать себя — это подвести коллектив, а по большому счёту — нанести ущерб своей стране. А это — позор! Чтобы избежать его, японец скрепя сердце выполнит любое задание. Его моральные принципы позволяют это сделать…»

«Это то, что мне нужно!» — воскликнул Козлов.

* * *

Размышления Козлова были прерваны появлением агента.

Генерал заметил, с какой неприязнью Курусу посмотрел в сторону американцев, его глаза-щелочки, казалось, закрылись совсем.

— Вы знаете, кто они, Леонид-сан? — обратился агент к Козлову после взаимных приветствий.

— Полагаю, что это американцы, морские пехотинцы, которые охраняют американское посольство… — предельно спокойно ответил генерал, внимательно наблюдая за собеседником.

— Вы совершенно правы! Американскую солдатню я даже с завязанными глазами по запаху узнаю! — агент умолк, потупив взгляд.

— Не обращайте на них внимания, Курусу-сан. Судя по количеству пустых бутылок на их столе, они сидят давно и скоро уйдут! — почти ласково произнес Козлов и положил ладонь на руку японца.

В этот момент один из американцев скомкал пустую пачку из-под сигарет и, швырнув ее себе под ноги, притоптал ботинком.

Конечно, как и все японцы, агент был очень вежлив и терпим к проявлениям чужого невежества, но тут он не выдержал, взорвался:

— Совсем обнаглели! Что хотят, то и делают, будто они у себя дома. Ненавижу эту нацию, будь она проклята!

Консультации Кошкина не прошли для генерала даром. Из прослушанного курса он знал, что подобное откровение для японца — чрезвычайная редкость. Обычно они умеют скрывать свои эмоции и не выказывать истинных чувств, а уж если японец говорит такое, значит, у него весьма серьезный счет к американцам и его ненависти нет предела.

«Эврика! — мысленно закричал Козлов. — Теперь я знаю, в какой упаковке преподнести моему “самурайчику” задание по “Сётику”! Почему контрагентами фирмы должны быть только немцы? А что если сказать агенту, что она имеет подозрительные контакты с американцами?! Ай, да молодцы морпехи! Какую

стартовую площадку вы мне подготовили для обсуждения задания. Вот так находка! Теперь осталось подлить масла в огонь и — вперед!»

Доверительно наклонившись к агенту, генерал тихо произнес:

— К сожалению, Курусу-сан, американцы весь мир считают пустой пачкой из-под сигарет — так и норовят швырнуть его себе под ноги и растоптать солдатским башмаком… Что поделаешь, молодая нация — ни глубоких исторических корней, ни культурных традиций…

Козлов выжидательно посмотрел на японца. Зёрна упали на благодатную почву. Курусу, почувствовав в собеседнике единомышленника, завелся с пол-оборота, заговорил громко, с жаром:

— Сегодня ровно месяц, как умерла моя жена… Её мать в 1945-м жила в Нагасаки, когда американцы сбросили на город свою атомную бомбу. В результате она получила лучевую болезнь.

Как выяснилось потом, болезнь передалась по наследству и моей жене, хотя она родилась через десять лет после бомбардировки…

Вы думаете, что я искатель приключений или преступник по призванию?! Нет, нет и нет!! Я — контрабандист поневоле! Мне нужны были деньги, чтобы оплачивать операции по пересадке костного мозга моей жене. Вы знаете, сколько это стоит?! А какие это мучения!! Теперь вот и мой сын страдает белокровием, его ждет участь моей тещи и жены! А эти, — оборот головы в сторону подгулявшей компании, — не зная горя, пьют виски, веселятся!! Они умертвили близких мне людей, меня сделали преступником!! Но преступники — они! Они, а не я!! — исступленно прокричал Курусу.

Американцы обернулись на крик. Заметив, что японец указывает рукой в их сторону, они рассмеялись и стали репликами подзадоривать его.

В следующую секунду неведомая пружина подбросила Курусу вверх и он в мгновение ока очутился у стола американцев. Козлов бросился вдогонку, но было поздно.

Схватив со стола пустую бутылку, «Самурай» обрушил её на голову одного, отбитое горлышко всадил в шею другому. Обливаясь кровью, жертвы рухнули под стол. Уцелевшие американцы с неожиданной для пьяных резвостью вскочили на ноги, разом обнажив ножи-стилеты.

В тот же миг Курусу очутился на столе. Неуловимое движение ногой, леденящий душу боевой клич «Й-а-а!», и еще один морпех со стоном распластался у стола. Резко присев и

сделав полный оборот вокруг собственной оси, японец пружинно выпрямился и в прыжке, с криком «Й-а-а!» припечатал обе ноги к затылку рванувшего было от стола американца. От удара Курусу отбросило назад и он навзничь рухнул на стол.

Генерал сгрёб в охапку стонущего «Самурая» и поволок его к выходу…

Глава восьмая. Психологический этюд

После инцидента с морскими пехотинцами Козлов стал встречаться с «Самураем» на конспиративной квартире: береженого Бог бережет.

Во время первой же явке на конспиративной квартире генерал разыграл психологический этюд, преследовавший две цели.

Во-первых, надо было заставить агента в будущем вести себя благоразумнее — не всякий же раз при его встрече с американцами рядом окажется генерал КГБ!

Во-вторых, надо было создать мощную моральную мотивацию, которая помогла бы держать агента в состоянии перманентной психологической зависимости от своего оператора. Зависимость, подобную той, что возникает между ведущим и ведомым.

…Мозговую атаку Козлов повел с первой минуты встречи.

После взаимных приветствий генерал, выдержав многозначительную паузу, вынул из портфеля и подал «Самураю» пресс-бюллетень Госдепа (Министерство иностранных дел) США, где в рубрике «Происшествия» была опубликована заметка о трагическом инциденте в баре гостиницы «Интурист». Она заканчивалась словами:

«Начальник управления информации МИД СССР заверил посла Соединенных Штатов в Москве, сэра Мэтлока, что злоумышленник, нанесший тяжелые увечья двум нашим морским пехотинцам, непременно окажется в руках правосудия, так как на его задержание мобилизованы лучшие сыщики московской полиции. Телевидение ежедневно демонстрирует фотографию нападавшего, ее копии розданы мобильным полицейским Москвы. За поимку злодея нашим послом назначено вознаграждение в 10 000 долларов.»

Прочитав заметку, Курусу беззаботно рассмеялся:

— Леонид-сан, вы же свидетель тому, что у меня не было времени подарить свою фотографию американцам… То, что здесь написано, — блеф!

Козлов, блестящий актёр по жизни, с напускной

озабоченностью сдвинул брови, всем своим видом показывая, что не разделяет оптимизма собеседника.

— Для такого серьезного человека, как вы, Курусу-сан, ваше замечание звучит по крайней мере легкомысленно… Милиция опросила весь обслуживающий персонал гостиницы и на основании полученных данных составила ваш фотопортрет, или фоторобот. Вот, полюбуйтесь! — с этими словами генерал подчеркнуто небрежно бросил на стол фотографию.

Улыбка моментально исчезла с лица японца.

— Но это же действительно я, это мой портрет! Абсолютное сходство! Для того чтобы создать его, милиции, похоже, пришлось опросить десятки людей… Я и представить себе не мог, что меня наблюдало столько людей, пока я шёл в бар…

— Да, вынужден констатировать: в вашем случае органы правопорядка оказались на высоте. Бутерброд всегда падает икрой на пол, что поделаешь… К тому, что изложено в заметке, могу добавить, что ваше фото вывешено на специальных стендах милиции и роздано всему обслуживающему персоналу всех гостиниц Москвы… Потому-то я и назначил встречу здесь, а не в баре или ресторане, как мы договаривались вначале… Вас ищут, Курусу-сан, и вам надо проявлять предельную осторожность! Согласитесь, десять тысяч долларов — сумма, которая может впечатлить любого милиционера и швейцара… При встрече они имеют законное право задержать вас! — на едином дыхании продекламировал Козлов, внимательно наблюдая за агентом.

Ларчик открывался просто. Штатный художник оперативно-технического управления Комитета карандашом сделал рисунок с фотоснимков, которыми генерала в свое время снабдили сотрудники службы наружного наблюдения, отслеживавшие контакты японца при посещении им валютно-бриллиантовой «биржи» в Столешниковом переулке.

Рисунок сфотографировали, и он превратился в фоторобот. Что касается пресс-бюллетеня, издаваемого Госдепом, то он тоже являлся продуктом оперативно-технического управления.

«Самурай» беспокойно заерзал на стуле.

— Что же мне делать, Леонид-сан? Я же по долгу службы должен посещать публичные места, выставки, презентации… Там ведь всегда дежурят милиционеры… Вы представляете, что будет, если меня арестуют на глазах посла! Мне же конец!

«Да, дружок, тебе конец… если откажешься дружить со мной!» — усмехнулся про себя Козлов.

— Вообще-то, есть один вариант… — это было произнесено так неопределенно, что Курусу, потеряв над собой контроль, почти закричал:

— Вы уверены, Леонид-сан, что он есть?! Что я должен для этого сделать?!

«Вот это уже слова не мальчика, но… “Самурая”!» — мысленно похвалил японца генерал.

— Сделать сначала должен я! Вы же будете действовать потом…

Не понимая скрытого в подтексте смысла, агент покорно произнес:

— Я готов, Леонид-сан…

— На всё?

— На всё!

— Что ж, ловлю вас на слове, Курусу-сан… Значит, так! — приободрился Козлов. — В ближайшие два дня я попросил бы вас не появляться в общественных местах, если это не вызвано крайней служебной необходимостью… По городу постарайтесь передвигаться только в автомашине с дипломатическими номерами. За это время, надеюсь, руководство столичной милиции успеет отдать распоряжение своим сотрудникам о прекращении розыска…

— Два дня? А хватит? — в глазах-щелочках мелькнул лучик надежды.

— Мне хватит одного… Одного звонка начальнику городской милиции! Я просто скажу ему, что вы уже арестованы нами и находитесь в лефортовской тюрьме… Только в этом случае поиски злоумышленника, изувечившего двух американских солдат, могут быть прекращены на законном основании… Ну а что касается вашего последнего вопроса, — генерал стал не спеша заколачивать последний гвоздь в распятие, — то я скажу, что делать потом!

— Если вы считаете, что это самый надежный путь…

— А другого пути нет! Самый надежный — это вместе со мной, Курусу-сан!

Оба дружно рассмеялись. Один иронично, другой — с облегчением. Воистину: «Мысли о несчастье, которое тебе по случайности удалось избежать, сами по себе могут сделать человека счастливым».

Разыграв этюд, Козлов, не теряя времени, — куй железо, не покидая явки, — перешел к основной цели встречи: к отработке задания «Самураю» по добыванию информации о «Сётику».

Часть вторая. Тайна фаянсового экспорта

Глава первая. Не боги горшки… экспортируют

Вернувшись в свой рабочий кабинет, Козлов отключил городские телефоны и попытался проанализировать складывающуюся ситуацию и заодно наметить конкретную область максимально эффективного применения возможностей «Самурая».

Генерал опасался, что председатель, однажды получив от агента информацию, которую он может использовать в своих политических играх, потребует и впредь нацеливать японца на добывание компрометирующего материала об окружении Брежневой и, прежде всего, о Светлане Щёлоковой и её муже. Козлов же, будучи контрразведчиком до мозга костей, душой и телом приросший ко Второму главку (контрразведка Союза) был убежден, что бриллиантовыми делами дочери генсека должно заниматься Пятое (идеологическое) управление.

Он знал, что заставить Андропова отказаться от мысли использовать «Самурая» в интересах политического сыска можно, лишь сыграв на опережение. Надо было как можно быстрее получить от японца информацию, относящуюся к компетенции Второго, и только Второго главка.

«Конечно, — рассуждал Козлов, — представь “Самурай” сведения об устремлениях японских спецслужб, которые всё более идут на поводу у ЦРУ и всё чаще выполняют задания американцев, Андропову и в голову не придёт направлять агента на добывание компромата на окружение Брежневой. Не станет же председатель использовать не по профилю потенциал такого ценного агента! Это ж всё равно, что долгожданное наследство растратить на подаяние нищим или гвозди забивать китайскими вазами… Стоп-стоп! У меня ведь что-то было по вазам… Ну, конечно же, — “Сётику”! Почему бы не начать работу с “Самураем” с информации об этой японской фирмы? В общем, секретным агентом он, конечно, станет, но информацию — вперёд!»

* * *

«Сётику» привлекла внимание аналитиков Службы Козлова тем, что в течение полугода регулярно, раз в два месяца, в металлических контейнерах, установленных на железнодорожных

платформах, через весь Советский Союз доставляла в Гамбург… фаянсовые вазы.

Формально придраться было не к чему: сопроводительные документы были всегда в полном порядке, на платформах находились только опломбированные контейнеры с вазами и прочими фаянсовыми безделушками.

И все же было в этой транспортировке нечто, внушавшее подозрение.

«Ладно бы экспортировались вазы, представляющие художественную ценность, а то ведь — обыкновенные горшки! — который раз говорил себе Козлов, вновь и вновь мысленно возвращаясь к вопросу о перевозке изделий японских ремесленников. — Да и вообще, стоит ли овчинка выделки: зачем черепки, которым грош цена в базарный день, везти на продажу в Германию, страну, которая славится саксонским фарфором?!

Или мне пора на пенсию по причине возникновения маниакальной подозрительности, или кто-то дьявольски изощренный проворачивает какие-то незаконные операции, при этом немало потешаясь, над недотепами из русской таможни и контрразведки! Нет-нет, здесь явно что-то не так!»

В конце концов Козлов распорядился завести дело оперативной разработки под кодовым названием «Горшечники», которое до вербовки «Самурая» продвигалось ни шатко ни валко — не было источников, имевших прямые выходы на японские фирмы, сотрудничавшие с СССР.

Подозрения Козлова в отношении «Сётику» не были лишены оснований — во все времена разведки мира пользовались двумя видами прикрытий: официальным и неофициальным.

Под официальным подразумеваются посольства, торговые и экономические миссии и иные учреждения за границей, над которыми в прямом смысле полощется на ветру государственный флаг страны, действующий на местных контрразведчиков, как красная тряпка на быка. Официальное прикрытие обеспечивает надежную защиту разведчикам в случае провала, расшифровки и прочих неприятностей, от которых не застрахован ни один «рыцарь плаща и кинжала».

Но у официального прикрытия есть и один существенный недостаток: контрразведка страны пребывания заведомо подозревает всех официальных иностранных представителей в проведении подрывной деятельности, и потому, независимо от обоснованности подозрений, постоянно держит их «под колпаком».

Чтобы повысить эффективность работы своих разведчиков и вывести их из-под недремлющего ока противоборствующих

спецслужб, и было придумано неофициальное прикрытие. При его создании каждая разведка использует наиболее доступные ей возможности. Оно также зависит от изощренности воображения разработчиков конкретной операции…

Советская разведка, имея весьма ограниченные возможности упрятать своих сотрудников в каких-то неправительственных учреждениях (за малым количеством таковых в СССР), широко практиковала использование разведчиков-нелегалов, превращая в иностранцев рязанских и саратовских парней и девчат.

По окончании специальных, глубоко законспирированных курсов они с чужими документами и чужой биографией-легендой направлялись в особо охраняемые и труднодоступные места и учреждения, где одно лишь появление советского человека вызвало бы переполох не меньший, чем появление гуманоида неземной цивилизации.

В отличие от советской разведки, перед ЦРУ, английской Сикрет Интеллидженс Сервис (СИС), израильским Моссад никогда не возникало проблем по обеспечению своих сотрудников неофициальным прикрытием.

Дело в том, что в капиталистических странах всегда существовало многообразие форм собственности, и разведчики этих спецслужб могли спокойно выступать под вывеской всевозможных частных компаний и фирм. И не только своих, доморощенных, но и любой другой страны, а также транснациональных, в которых бок о бок работают граждане разных государств.

К тому же американцы, англичане и израильтяне в интересах своих разведок успешно использовали паспорта других стран, маскируя свое происхождение и отводя от себя возможные подозрения. Иногда ЦРУ, СИС и Моссад на свои деньги попросту создавали частные фирмы-прикрытия, причем определить их национальную принадлежность бывало так же сложно, как без соответствующих тестов установить отца ребенка, мать которого не отличалась разборчивостью в связях с мужчинами.

О такой форме маскировки иностранных, прежде всего американских, разведчиков, прозванной профессионалами «глубоким прикрытием», Козлов был достаточно осведомлён. Поэтому он допускал, что в Японии может действовать американская секция «глубокого прикрытия», которая использует фаянсовые горшки как ширму, прикрывающую… Что? Вот это «что» и нужно было выяснить. А помочь в сборе доказательств противоправной деятельности «Сётику» или тех, кто за ней стоит, реально мог «Самурай», так как в круг его служебных обязанностей входили вопросы экспорта в СССР продукции

японских производителей. Именно он мог представить исчерпывающую информацию о «Сётику»: кто ее хозяин иучредители, когда она появилась на японском и международном рынках, как давно экспортирует продукцию в Европу, где еще находятся ее покупатели и контрагенты, существуют ли они вообще.

«Решено! “Сётику” станет пробным шаром для “Самурая”! Посмотрим, как он отреагирует на задание по этой фирме!»

Глава вторая. Песочные замки председателя

Через два дня Козлову удалось попасть на приём к Андропову.

— Такой явки в моей практике ещё не бывало! — подытожил генерал свой доклад.

Андропов, заложив руки за спину, в глубокой задумчивости прошёлся по кабинету и остановился у окна.

— Скандал, конечно, будет вселенский… Не исключен и ответный прессинг в отношении наших сотрудников в Вашингтоне или Нью-Йорке… Но я думаю сейчас о другом.

Козлов при этих словах весь напрягся.

— Не считаешь ли ты, Леонид Иосифович, что, устроив побоище, жертвами которого пали американцы, Курусу сам себе соорудил крест, а тебе осталось лишь взять в руки гвозди, молоток и… распятие готово!

— Юрий Владимирович, я полагал, что «Самурай» пригвоздил себя к нашему кресту уже тогда, когда «слил» нам информацию о Буряце и его подельниках…

— Отчасти, да… Однако на твоём месте я не стал бы обольщаться. То, что японец чистосердечно сообщил о Буряце, его участии в планировании и организации преступных операций с драгоценностями, наконец, об отношениях этого эстетствующего прощелыги с Галиной Брежневой — ещё не доказательство его готовности сотрудничать с нами. Тот его шаг можно расценивать как уступку, сделанную под определённым нажимом, — ты ведь вербовал Курусу на основе компрматериалов, не так ли?

Японец «потёк», потому что не желает с треском вылететь отсюда и расстаться с дипломатической службой! Его пугает не уголовное преследование за контрабанду — он обладает дипломатическим иммунитетом и отделается высылкой из СССР — его страшит крушение карьеры, и не просто дипломатической — государственной. За границей она дорогого стоит, ценят и дорожат ею больше, чем у нас! Словом, я буду считать, что вербовка Курусу прошла успешно и он состоялся как наш агент,

лишь когда от него будут получены сведения о скрытых аспектах экономической политики Японии в отношении ее иностранных партнёров, прежде всего СССР, а пока что для меня он не «Самурай», а всего лишь дипломат по фамилии Курусу. Точка!

Андропов умолк, чтобы перевести дыхание.

— Я собираюсь дать задание «Самураю» по фирме «Сётику», я вам о ней докладывал, — воспользовался паузой Козлов.

— Погоди, не перебивай… О чём это я говорил? Ах, да! «Слив», как ты выражаешься, информацию о краже бриллиантов, агент нанёс удар нашим согражданам, а в баре были искалечены граждане США! Как говорится, почувствуйте разницу… Кстати, тебе не кажется, что своими откровениями об отношении к американцам, как и последующей агрессией в их адрес, он расчистил тебе дорогу, вручил ключик к своей душе?

«Чёрт побери, председатель, как обычно, бьёт прямо в “десятку”! Но то, что вы, уважаемый Юрий Владимирович, собираетесь мне сказать только сейчас, мною уже давно осмыслено!» — обрадовался Козлов и бодро ответил:

— Разумеется, Юрий Владимирович, я думал об этом! Действительно, нацеливая «Самурая» на добывание интересующей нас информации, я собираюсь использовать его ненависть к американцам. То есть каждый раз, отрабатывая ему задание по каким-либо японским объектам, я буду подчеркивать, что, представляя нам сведения о них, «Самурай» сможет насолить американцам… Я правильно вас понял, Юрий Владимирович?

— Вот-вот, именно так! — Андропов удовлетворённо потер руки. — Но ещё раз подчеркиваю, надо постараться как можно быстрее заполучить от Курусу весомую информацию об экономической стратегии и тактике Японии в отношении Советского Союза… Это, как ты понимаешь, не столько даже вопрос экономики, сколько политики! Начни с малого…

— Юрий Владимирович, я и собираюсь начать с малого, с «Сётику»! — не дождавшись окончания паузы, Козлов вновь нарушил ход рассуждений председателя.

— Далась тебе эта «Сётику»! Дойдёт очередь и до неё! — Андропов уже с трудом сдерживал раздражение. — Мне надо, чтобы твоя Служба прояснила ситуацию с вывозом одной японской фирмой нашего морского песка…

— Песка?!

— Да-да, ты не ослышался — именно песка! Фирма зачем-то тайно вывозит его с побережья Камчатки уже в течение более полугода, а вот зачем, мы до сих пор не знаем…

— Юрий Владимирович, может быть, в этом песке японцы обнаружили какие-то химические элементы, используемые,

скажем, в радиоэлектронной промышленности? — высказал предположение Карпов, пытаясь определить, к чему клонит шеф.

— Ерунда это всё! Песок, он и есть песок. Вот, полюбуйся! — с этими словами председатель открыл сейф и подал генералу папку для входящих шифртелеграмм.

Шифртелеграмма № — 1983\081 от 22.01.82 г.

члену Политбюро ЦК КПСС

Председателю КГБ СССР

генералу армии Андропову Ю.В.

Распоряжением Совета министров СССР № 1339-Р от 10.08.81 г. японской фирме "Икебуко" отдан в аренду сроком на один год участок прибрежной полосы (песчаная коса) протяженностью 12 000 м и шириной 500 м. в районе пос. Озерновский (юго-восточная оконечность Камчатского п-ова). Официально на арендуемой территории "Икебуко" намерена возвести временный порт для своих рыболовецких судов, ведущих промысел в Алеутской котловине Берингова моря.

Следует отметить, что с момента вступления в силу договора об аренде японцы по периметру участка возвели ограду из колючей проволоки с сигнализацией и выставили вооруженную охрану.

Наблюдением за действиями японцев, проводимым с пограничных катеров, установлено, что до настоящего времени фирмой "Икебуко" на участок не завезено никаких строительных материалов. Вместе с тем, используя многочисленные экскаваторы, землеройные машины и плавучие насосные станции, японцы круглосуточно (ночью — при свете прожекторов) ведут выемку грунта (черного песка) не только на арендуемой территории, но также с дна прилегающей морской акватории.

Эти свои действия руководство "Икебуко" называет "подготовительными работами", предшествующими возведению портовых построек.

По мнению наших инженеров-строителей, это объяснение звучит неубедительно, таккак объём уже выполненных японцами земляных работ соотносим разве что со строительством метрополитена, но никак не с возведением временных портовых сооружений.

Обращает на себя внимание тот факт, что вынимаемый грунт (черный песок) грузится на рыболовецкие траулеры, принадлежащие "Икебуко", и отправляется в неустановленном направлении.

Из официальных объяснений, полученных от руководства фирмы, следует, что песок сбрасывается в открытое море, однако, по неподтвержденным данным, песок вывозится в Японию, где

перерабатывается на специальных фабриках.

С учетом изложенного прошу Вашего указания установить истинные намерения японцев при заключении договора об аренде песчаной косы и рассмотреть целесообразность его продления в 1982—83 гг.

Начальник УКГБ СССР по Камчатской области

генерал-майор Демидов М.С.»

— Давненько я, Юрий Владимирович, не строил песочных замков… — Козлов выжидающе посмотрел на Андропова.

— Никто тебе и не предлагает, Леонид Иосифович. Этим займётся будущий начальник экономической контрразведки Комитета генерал-майор Щербак… Тебе же надо через Курусу выяснить, на что идет вывозимый караванами судов камчатский песок…

«Давно пора уже было создать экономическую контрразведку! — подумал Козлов. — А то всю экономику отдали на откуп МВД, БХСС, Щёлокову… Пустили козла в огород! Можно подумать, что КГБ только и делает, что печется об идеологическом здоровье масс… А защита госсекретов, а шпионы?!»

— Я тебе шифртелеграмму еще вот для чего показал… Тебе не кажется, что японцы повели фронтальное наступление с целью овладеть нашими сырьевыми ресурсами?

— Да-да, конечно, Юрий Владимирович! — генерал живо подхватил мысль шефа. — Сначала «Сётику», теперь вот «Икебуко»… И всё-то у них с виду простенько, как-то вроде по-детски, даже и придраться не к чему… То вазочки фаянсовые в глаза нам суют, теперь вот песком мозги решили запудрить…

Пропустив мимо ушей слова подчиненного, Андропов продолжал:

— Нет, ты можешь себе такое представить, Леонид Иосифович? Япония, входящая в клуб десяти самых развитых в промышленном отношении стран, и вдруг скрытно похищает у нас песок, причём караванами! У меня это в голове не укладывается, я отказываюсь что-либо понимать и принимать на веру! Дело твоей чекистской чести выяснить, зачем японцам понадобилось столько песка!

— А может быть, — не унимался Козлов, — японцы освоили какую-то неизвестную миру технологию по переработке песка во что-то более ценное? Я тут недавно в газете прочитал, что шведы научились из слоновьего дерьма делать высококачественную бумагу… В один присест слон выдает на-гора 20 килограммов говна, а шведы из него — 2000 листов писчей бумаги, которую мы у них за валюту покупаем. Может, и японцы из говна, то есть из

песка, научились алмазы делать?..

— Ты мне, Леонид Иосифович, проблему с песком не переводи в говеную плоскость! Сказано тебе: изготовить из песка алмазы невозможно. Остальное — это воспаленное воображение и утопия!

— Но для чего-то ведь японцы закупают песок! — обиженно произнёс Козлов.

— А вот это и предстоит тебе выяснить! — немедленно отреагировал Андропов.

«Ловко запрягает меня председатель! — подумал Козлов — Ну, Юрий Владимирович, ну, виртуоз! Но меня беспокоит другое, вы уж не обессудьте, шеф… Первым заместителем министра внешней торговли, курирующим вопросы заключения договоров с иностранными партнерами, является Юрий Леонидович Брежнев, сын генсека. Раскопай я в заключенной сынком сделке с песком какие-то нарушения, начиная от получения им взятки за предоставление режима наибольшего благоприятствования покупателю, и кончая нанесением ущерба государственной безопасности, меня же первого и сожрут. Ну не вас же, Юрий Владимирович! Вы — неуязвимы. А после того, как я положил вам на стол информацию “Самурая” о Буряце и его связи с Галиной Брежневой, вы вообще стали неприкасаемы! Но когда клан Брежнева вознамерится зажарить меня на вертеле, вы же первый откреститесь от Козлова!»

Вслух же генерал произнёс совсем другое:

— Юрий Владимирович, если я не ошибаюсь, вопросами заключения договоров с зарубежьем ведает Министерство внешней торговли…

Козлов умолк, ожидая ответной реакции шефа.

— Это — вопрос не вашей компетенции, генерал, — с раздражением ответил председатель, поняв, к чему клонит подчиненный: боится оказаться крайним и лишиться погонов. — Знайте, вы ничем не рискуете, выполняя мое личное поручение по выяснению цели масштабной кражи японцами нашего песка! Вы вот сейчас мысленно запаниковали, мол, «сдаст» меня Андропов, если в ведомстве сына Леонида Ильича будет обнаружено что-то противозаконное. Ошибка! Не «сдал» же я вас после того, как Курусу представил информацию на Галину Леонидовну?

— Никак нет, Юрий Владимирович!

— А после вашего конфликта с Семёном Цвигуном?

— Никак нет, Юрий Владимирович!

— То-то же! Время не разбрасывать, но собирать камни!

Недобро блеснув стеклами очков в сторону окаменевшего в кресле Козлова, Андропов извлек из тумбочки стола кувшин и

стал поливать стоявшие на специальной подставке цветы. Вдруг, оставив кувшин, председатель торопливо подошёл к столу и начал листать настольный календарь. Когда он поднял голову, Козлов вновь увидел привычного Юрия Владимировича, спокойного и ироничного.

— Впрочем, твоя взяла — начни с «Сётику». — Председатель снова перешёл на «ты». — К песку мы вернемся позже… Мне тут кое-какие организационные вопросы, связанные с заключением Внешторгом договора об аренде нашей территории, надо решить… Н-да… Скажи, сколько времени может занять работа по «Сётику»?

Козлов от удивления всем корпусом откинулся на спинку стула.

«Чёрт побери, Юрий Владимирович, вы же сами прекрасно знаете, что ахиллесова пята контрразведки — это прогнозирование. Кто может ответить на ваш вопрос?! Сколько времени! А почему бы вам не спросить, в какую сумму эта работа обойдётся?! Сколько времени! Ничего себе вопросик!»

Вслух же Козлов произнёс иное:

— Сколько времени вы мне даёте, Юрий Владимирович?

Козлов с опозданием понял свою ошибку. Андропов круто пресекал попытки подчиненных уйти от ответа на поставленный им вопрос, а уж с теми ловкачами, которые пытались на его вопрос ответить встречным, вообще переставал общаться с глазу на глаз. Но на этот раз пронесло!

Андропов, расхаживая посреди кабинета, был настолько увлечён своими мыслями, что даже не обратил внимания на оплошность генерала. Вместо взбучки Козлов получил ответ, повергший его в крайнее недоумение: уж не забыл ли председатель о его присутствии? Уж не бредит ли шеф?!

Тем временем Андропов в состоянии какого-то сомнамбулического оцепенения расхаживал по кабинету, бормоча себе под нос:

— Чазов полагает, что Леонид Ильич после самоубийства свояка, Семёна Цвигуна, оклемается не скоро… На больничном пробудет как минимум до конца января… Заседания Политбюро отменены до его выздоровления… Если его состояние не улучшится к февралю, он вынужден будет передать право вести заседания мне… Может, дождаться февраля и самому решить вопрос с договором об аренде? Или рискнуть, не дожидаясь? Может, все-таки начать с «Сётику»?.. Если наши усилия окажутся результативны, это станет моим козырем, и тогда можно, не откладывая до лучших времен, поднимать вопрос о заключении Внешторгом договора с «Икебуко» даже в присутствии

генерального… Н-да, дилемма!

Неожиданно обернувшись к Козлову, Андропов без всякого перехода сказал, как отрезал:

— Даю две недели! Управишься?

— Юрий Владимирович, — взмолился Козлов, — я ведь только собираюсь ввести «Самурая» в разработку «Горшечники», то бишь «Сётику»…Я ещё не знаю, есть ли у агента выходы на фигурантов дела, может быть, у него имеются другие возможности… Но несмотря ни на что, я считаю разработку «Горшечники» делом перспективным… Думаю, «Самурай» не подведёт, Юрий Владимирович! — в мажоре закончил Карпов.

— Он думает! Уж как вы все думаете, мне известно… Я недавно прошел по кабинетам начальствующего состава центрального аппарата. Было часов десять вечера. Захожу к одному генералу, другому, третьему. Сидят, пишут что-то, звонят куда-то, отвечают на телефонные звонки. Пригласил я их к себе в кабинет и спрашиваю:

«Что вы делаете так поздно?» Отвечают: «Работаем». «А что вы делаете днём?» «И днём работаем». «И по утрам тоже работаете?» «Разумеется, товарищ председатель, работаем и утром!»

Вот мне и любопытно стало, когда же они думают, если постоянно заняты работой?! К тебе, Леонид Иосифович, это тоже относится. Ты ведь тоже только и делаешь, что работаешь… А думать начинаешь в моём кабинете, не так ли? А подумать есть о чём. Мы сейчас наблюдаем закат эры… И крушение кланов. Тебе, конечно, это в голову не приходило… А пора бы уж, раздвинув шторы, выглянуть в окно, узнать, чем живет наш народ!..

«Вот, оказывается, на что вы замахнулись, Юрий Владимирович! Уж не на место ли генерального метите, коль скоро о народе заговорили? Все с этого начинают, а потом… Ладно, к чёрту! Воистину: “по Сеньке шапка” — вы о народном благе печётесь, а мне Внешторгом и Юрием Леонидовичем заниматься… Стоп! А что если Андропов таким образом решил расчистить себе путь к трону: дочь Галину скомпрометировал с моей помощью, теперь моими же руками сына Юрия собирается убрать? Их отца-старика в открытом поединке ему пока еще не осилить, но стоит ославить его детей на весь Советский Союз, смотришь, не выдержит отцовское сердце и он сам дойдёт до точки, он же — доходяга! Ловко вы с брежневской семейкой хотите расправиться, Юрий Владимирович! Собственно, вы уже начали кампанию по дискредитации генерального, отдав указание председателю Гостелерадио Лапину ежедневно передавать по всём каналам хронику публичной жизни и

выступлений Леонида Ильича, как и бесконечное вручение ему наград, — пусть весь народ видит его маразм и немощность управлять державой. Ежедневная демонстрация на экране выжившего из ума вождя еще больше подорвёт его позиции в глазах мирового сообщества… Судя по всему, не сам по себе песок или его похищение японцами вас заботит, Юрий Владимирович! Вам нужно публично разоблачить роль сына Брежнева в заключении договора на аренду нашей территории, чтобы окончательно подорвать позиции генсека, а там, смотришь, на царствие вас пригласят… Удастся ли вам, шеф, возвести свои замки на песке?!»

Андропов прервал размышления Козлова. Сказал, как гвоздь вбил:

— Форсируй разработку «Сётику», а затем спокойно и вдумчиво разберись с причинами масштабного похищения японцами нашего песка. И ролью Юрия Леонидовича в этой сделке… Всё ясно?

— Так точно, това…

Андропов жестом остановил Козлова.

— Ты же знаешь, субординационное декламирование мне не по душе…

Андропов вернулся к своему столу, грузно опустился в кресло и стал неторопливо перебирать бумаги.

Поняв, что аудиенция окончена, Козлов напоследок решил перевести стрелки беседы в чисто оперативную плоскость.

— Так что же мы будем делать с «Самураем», Юрий Владимирович?

Задавая вопрос, генерал имел ввиду возможные санкции в отношении агента за дебош в баре.

— Что будем делать? Завидовать будем! Мы ведь с тобой, Леонид Иосифович, ни президенту США, ни директору ЦРУ голову раскроить не можем. А жаль! — с усмешкой ответил Андропов. — А если говорить серьезно, то ты у нас, Леонид Иосифович, — один из самых опытных агентуристов и отменный психолог. Ты всегда был настоящим ловцом человеческих душ. В расставленные тобой силки залетали птицы и более высокого полета, чем Иосихису Курусу… Он в сравнении с ними — серый воробушек. Словом, японец у тебя на связи, вот ты и решай сам, что с ним делать! Помнится, перед вербовкой ты заверял меня, что он — кладезь оперативно значимой информации, относящейся к компетенции Второго главка, не так ли? Вот и посмотрим, что он за кладезь, когда он отработает «Сетику»!

«Не удержался-таки старик от подначки! Не смог отказать себе в удовольствии… А так хорошо начал: и “отменный

психолог”, и “ловец душ”… Что ж, и на том спасибо, Юрий Владимирович. Я в долгу не останусь!»

— Вы, Юрий Владимирович, как всегда, на гребне волны…

— Верно! Потому что именно Я поднимаю эту волну! — немедленно отреагировал Андропов.

Глава третья. Благословение председателя

Через несколько дней «Самурай» вызвал генерала на экстренную встречу, в ходе которой сообщил добытые им сведения о «Сётику».

С его словвыходило, чтопосле очередного финансовогокризиса в Японии фирма оказалась на грани банкротства, что повлекло за собой смену ее руководства.

Новый президент Хидэе Арита не нашел ничего лучшего, как воспользоваться предложением о сотрудничестве, поступившим от одной американской компании, ведущей разработки в области радиоэлектроники. Ни названия компании, ни характера и направленности проводимых ею разработок агенту выяснить не удалось, так как ее продукция никогда не была представлена на мировом рынке радиоэлектронного оборудования.

По данным агента, полгода назад руководство «Сётику» по непонятным причинам стало демонстративно открещиваться от сотрудничества с американцами, хотя фактически оно развивалось, и довольно успешно.

Более всего удивляло «Самурая» то, что произошло это вслед за тем, как американцы выделили фирме безвозвратный кредит, сумма которого в несколько раз превышала ее годовой оборотный капитал.

Агенту удалось выяснить, что переговоры о выделении денег проходили в обстановке повышенной секретности, их содержание осталось тайной за семью печатями, в которую посвящены были только два человека: президент и старший вице-президент фирмы. Ни протокол намерений, ни договор о сотрудничестве не подписывались.

Впрочем, с точки зрения Козлова, всё это не выходило за рамки чисто организационных вопросов. В представленной «Самураем» информации генерал искал и не находил ответа на самый главный вопрос: что может быть общего между японской фирмой, осуществляющей контейнерные перевозки по территории СССР экспортной продукции отечественных производителей, с американской компанией, занимающейся производством радиоэлектроники неизвестного предназначения?

Безусловно, генерал обратил внимание на необъяснимую с

точки зрения расчетливого бизнесмена и законов коммерции филантропию американцев, которые, выдав сказочный кредит, по сути, способствовали возрождению «Сётику».

Не осталось незамеченным Козловым и то обстоятельство, что вслед за получением кредита японцы максимально засекретили не только характер и содержание своих отношений с американцами, но и сам факт существования таковых. Но все это генерал считал производным, вторичным. Он был убежден, что, докопайся мы до первопричины, заставившей американцев искать сближения с «Сётику», можно было ответить и на остальные вопросы.

Еще через день Козлов, докладывая Андропову о ходе работы по делу оперативной разработки «Горшечники», предложил одним ударом разрубить узел безответных вопросов.

— Каким образом? — поинтересовался председатель.

— Очень просто, Юрий Владимирович, — бойко ответил Козлов. — Получив информацию о прибытии в Находку контейнеров с японскими черепками, я вылетаю туда и на месте выясняю, что в действительности собираются перегонять через весь Советский Союз японцы, выполняя задание американцев…

— Ну а почему ты решил, что «Сётику» действует по заданию американцев?

— К тому, что вам уже известно об этой фирме и ее отношениях с загадочной американской компанией, производящей электронику неизвестного назначения, я могу добавить лишь одно: старые, проверенные меха наполнились молодым вином неустановленного качества…

— А если без аллегорий?

— Меха — это «Сётику», которая за долгие годы сотрудничества с нами зарекомендовала себя как добросовестный и законопослушный партнер. Вино — это продукция, выпускаемая американской компанией. Кстати, тот факт, что ни о ней, ни о производимых ею товарах ничего не известно в японских деловых кругах, можно расценить как косвенное свидетельство того, что она работает на военно-промышленный комплекс США…

— Ну и при чем же здесь «Сётику»?

— А при том, что американцам как раз и нужен такой проверенный нами и положительно зарекомендовавший себя перевозчик, как «Сётику». Им нужна не столько сама фирма, сколько ее доброе имя, вывеска! Исходя из предположения, что американская компания работает на ВПК, я пришел к заключению, что она с помощью своего японского партнера проталкивает в Западную Европу не какую-нибудь контрабанду, Боже упаси! — транспортирует нечто более серьезное…

— Что именно? — вырвалось у Андропова, которого заинтриговала тема, развиваемая его подчиненным.

— А вот это «нечто» я и собираюсь выяснить, проведя негласный досмотр контейнеров… С вашего разрешения, разумеется!

— Ну а если ожидаемый тобою рейс окажется порожним? — не сдавался председатель. — Что тогда? Ты представляешь, в какую сумму нам обойдутся штрафные санкции за вскрытие контейнеров и чем нам это аукнется в деловом мире?

— Юрий Владимирович, осечки быть не может! — бодро ответил Козлов. — Я всё просчитал. Результат будет положительный! А он, по-моему, важнее технологии. Так что вскрывать буду сам! Кроме того, не вы ли, Юрий Владимирович, сказали: «Отсутствие в поведении разведчиков признаков, указывающих на проведение ими враждебных акций — это не их заслуга, это — недоработка нашей контрразведки». — Вот я и решил недоработок не допускать…

— Рисковый ты парень, Леонид Иосифович, — покачал головой польщённый Андропов. — Знай, даже если ты и найдёшь что-то в контейнерах, это не снимет с тебя ответственности за выполнение моего задания по песку… Ну а сейчас принимайся за «Сётику»!

— Слушаюсь, товарищ генерал армии!

Глава четвертая. «Горшечники» разбились вдребезги

Как только «Самурай» сообщил дату доставки очередной партии горшков из Японии в порт Находку, Козлов немедленно вылетел во Владивосток.

Прибывшие контейнеры перегрузили с парохода на открытые платформы, и они стояли «под парами», чтобы отправиться по Транссибирской магистрали в путешествие по нашей стране. Чтобы не насторожить японских экспедиторов, доставивших контейнеры, Козлов распорядился: «Дать грузу “зелёный сигнал”!»

В двадцати километрах от Находки платформу отцепили и, загнав её в заранее подготовленный пакгауз, принялись осматривать контейнеры.

Удача! Один из них имел не предусмотренные для обычных контейнеров форточки, похожие на дверцы, закрывающие иллюминаторы на судах. Странно, что таможенники раньше не обратили внимание на них! Козлов, которого обуял азарт охотника, преследующего раненого зверя, дал указание немедленно вскрыть контейнер.

— Как! — возразил ему начальник управления КГБ по Приморскому краю, — а пломбы?! Их нарушать нельзя! Да и вообще, в отсутствие отправителя или получателя досматривать мирный груз иностранного государства запрещено. Вы, Леонид Иосифович, ставите на карту престиж страны — в моей практике это беспрецедентный случай, тем более что вы находитесь на территории моей компетенции! Вопрос надо бы согласовать с Москвой…

— Иван Иваныч, — засмеялся Козлов, — ты сумеешь приготовить яичницу, не разбив яиц? Я — нет! А если серьёзно, то вот она, Москва… Перед тобой! — при этом генерал ткнул пальцем себе в грудь. — Я преодолел девять часовых поясов, чтобы всю ответственность взять на себя! Какое еще согласование?! У тебя под носом курсируют горшки с форточками, а ты ни сном ни духом, и вдруг вспомнил, что пломбы срывать нельзя! Ты где деньги получаешь? На Лубянке или в Лэнгли?!

Козлов осекся, поняв, что переборщил.

— Ну, я этого так не оставлю! — взревел Иван Иваныч. — Напишу в партком Комитета, чтобы вас, Леонид Иосифович, там научили подбирать слова!

Козлов всегда испытывал чувство брезгливости к тем сотрудникам, кто в качестве своего самого сильного аргумента в споре использовал угрозу обратиться в партком. Да и вообще, считал генерал, парткомы в системе КГБ нужны не более, чем священники в публичных домах. Кровь ударила Козлову в лицо и, едва сдержавшись, он бросил вслед удалявшемуся к своей машине Иван Иванычу:

— Давай, пиши, начальник местечковой контрразведки… Я отвезу твою писульку, чего уж там! — усмехнулся Козлов, — ведь, отправляясь в Приморье, он получил благословение от самого председателя. — Но знай, еще до того, как меня вызовут на партком, я в кадрах поставлю вопрос о твоем служебном соответствии!

* * *

Срезали пломбы, распахнули двери. По всей длине контейнера от пола до потолка сложены аккуратно упакованные ящики. Вскрыли первый… второй… десятый. В мягкой упаковке оказались расписанные японскими кустарями фаянсовые вазы.

«Неужели ошибка? — Козлов вытер платком лоб, покрывшийся испариной. — Не может быть! Нет-нет, не мог я так

грубо ошибиться!»

Обернувшись, генерал встретился взглядом с ехидно улыбающимся приморским начальником. Мгновенно взяв себя в руки, бесстрастным голосом спросил:

— Ну что? Уже написал? Давай сюда свой пасквиль!

В ответ Иван Иваныч снова отошел в сторону.

Досмотр продолжили. Аккуратно, чтобы не повредить, вскрывали все ящики подряд. Наконец, после того, как поисковики вытащили наружу и распотрошили более пятидесяти ящиков, они наткнулись на фанерную перегородку, за которой скрывалось достаточно просторное помещение, размером с ванную комнату, загроможденное загадочной аппаратурой. Ну не контейнер — кабина космического корабля!

Экспертам, которых Козлов привез из Москвы, предполагая, что дело придется иметь с радиоэлектронными штучками, потребовалось около шести часов, чтобы сделать предварительное заключение.

Это была сложная система, оснащенная блоками регистрации гамма-излучений и питания, накопления и обработки поступившей информации. Кроме того, там находились дозиметры и фоторегистрирующая аппаратура. Система была абсолютно автономна — управлялась компьютером.

Внимательно изучив всю эту фантастическую аппаратуру, эксперты пришли к выводу, что в контейнере находится специальная лаборатория, способная собирать и накапливать информацию на всём протяжении пути от Находки до Ленинграда…

При более тщательном обследовании, проведенном уже в Москве, специалисты установили, что уникальная разведывательная система фиксировала наличие мест, где проводилась выемка ураносодержащего сырья, а также производственные объекты по его переработке. Она была способна «засечь» транспорт, на котором перевозились компоненты атомного производства, и даже определить направление его движения. В местах наиболее интенсивного радиоактивного излучения автоматически открывались вентиляционные заслонки контейнера и производилась фотосъемка окружающей местности глубиной до нескольких километров по обе стороны железнодорожного полотна. Счетчики излучений и фоторегистрации, а также спидометры давали возможность точно определять, где именно находится данный объект.

Таким образом, обнаруженная аппаратура могла скрытно «прощупывать» довольно обширное пространство вдоль всей

Транссибирской магистрали, устанавливать и контролировать перемещение наших атомных объектов.

Генерал Козлов понял, почему в сопроводительных документах были заявлены именно вазы. Заяви «Сётику» о перевозке бамбуковых циновок, и кто знает, как к контейнерам отнеслись бы русские грузчики, а фаянсовые изделия — товар хрупкий, требует особо бережного отношения: не кантовать, с горки не спускать! Очевидно, отправители рассчитывали, что, задекларировав в качестве груза легко бьющиеся предметы, они тем самым заставят наших рабочих проводить погрузочные операции с особой осторожностью. А это — залог того, что ценнейшая аппаратура (впоследствии нашими специалистами она была оценена в 200 миллионов долларов!) прибудет в пункт назначения в целости и сохранности. Конечно, фирмамогла бы указать и бытовую радиоэлектронику — не менее хрупкий груз, также требующий деликатного обращения, но в этом случае не было никакой гарантии, что контейнеры не подвергнутся разграблению. Платформы-то открытые и неохраняемые…

…Лаборатория на колесах использовалась по следующей схеме: завершив пиратский рейд в глубь территории СССР, она из Гамбурга переправлялась в Штаты, и после снятия информации ее обратно доставляли в Японию, и все повторилось бы сначала. Установить, сколько оборотов проделала «карусель», не представилось возможным. Нам оставалось уповать на то, что до разоблачения и экспроприации лаборатории в контейнерах находились только фаянсовые вазы. Должны же были истинные хозяева контейнеров сначала проделать несколько экспериментальных рейсов, а не лезть в воду, не зная броду!

…Нелегко пришлось руководству «Сётику», на которое пало подозрение в пособничестве Центральному разведывательному управлению.

Чтобы сохранить свой бизнес на нашем рынке, президент «Сётику» Хидэе срочно вылетел в Москву, чтобы пробиться на прием к председателю Совета министров. Тихонов продержал Ариту в приемной целую неделю, ожидая, когда Леонид Ильич поднимется с больничной койки, но в итоге был вынужден обратиться за консультацией к Андропову, который после смерти Суслова стал в партии и государстве человеком «номер два».

Добившись наконец аудиенции, президент слезно умолял председателя не предавать дело огласке и инициативно предложил нам в качестве компенсации полмиллиона долларов. Тихонов, памятуя наказ Юрия Владимировича, согласился. Молчание, оно дорого стоит! Скорее всего, Арита выложил деньги не из своего кармана — из кассы так и оставшейся инкогнито

американской компании по производству электронной чудо-аппаратуры.

Это осталось за кадром, как, впрочем, и то, что в качестве компенсации за риск и моральные перегрузки получил кругленькую сумму в «зелёных» и «Самурай»…

Словом, все сработали неплохо: и те, кто придумал, и те, кто разгадал. Разумеется, и те, кто помог разгадать!

Глава пятая. Тайна «чёрного песка»

Радостно возбужденный Козлов вернулся на Лубянку с явки — «Самурай» опять не подвёл! Теперь можно и ответить председателю на его подначку, пусть убедится сам, что японец — действительно кладезь оперативно значимой информации!

Едва генерал переступил порог своего кабинета, как раздалась малиновая трель аппарата прямой связи с председателем. На собственном опыте генерал убедился, что такие совпадения происходят, лишь когда звонящий очень часто набирает твой номер.

— Где ты ходишь?! — раздалось в трубке. — Зайди ко мне!

Несмотря на командный тон, в голосе шефа Козлову послышалась некоторая растерянность.

Войдя в кабинет, генерал по знаку Андропова сел в кресле напротив и поразился необычно удручённому выражению его лица. Несколько минут сидели молча. Андропов — опустив глаза. Карпов, всматриваясь в него, пытался понять, что происходит. «Что же могло такого случиться на Политбюро? На вас, Юрий Владимирович, лица нет!»

По какому-то совершенно необъяснимому импульсивному движению души генерал неожиданно для самого себя сказал:

— Юрий Владимирович, интуиция вас не подвела: тайна похищения японцами камчатского песка раскрыта! «Самурай» в подробностях изложил механизм этой аферы! Руководство Внешторга — у вас в кармане… Оно не только главный подписант договора с «Икебуко» об аренде песчаной косы, но и локомотив, протащивший идею японцев на заседание Политбюро… Агентом представлена информация, раскрывающая механизм разграбления природных богатств Камчатки японской государственной фирмой «Икебуко»! И всё это благодаря радению нашего предсовмина — вслед за его распоряжением японцы с минимальными затратами, открытым способом, у нас под носом ведут добычу редкоземельных металлов, золота, платины…

Всё это Козлов выпалил залпом. И вдруг увидел выражение лица Андропова. Тот смотрел на собеседника каким-то

настороженным змеиным взглядом несколько долгих минут и молчал. Пауза затягивалась. Наконец Андропов расщепил губы и хриплым от внутреннего напряжения голосом спросил:

— Доказательства изложены письменно?

Агентурное донесение

«Выполняя Ваше задание по выяснению скрытых аспектов деятельности государственного предприятия “Икебуко”, источник во время служебной командировки в Токио встретился и имел беседу со своим одноклассником Иту Ритсу, который в настоящее время является членом наблюдательного совета указанного предприятия.

Следует отметить, что несмотря на длительный перерыв в наших отношениях, разницу в занимаемом положении в обществе и материальном достатке, Иту Ритсу сохранил к источнику дружеские чувства, вел себя искренне, о чем могут свидетельствовать представленные им сведения о деятельности “Икебуко” на советском рынке.

Во время беседы, проходившей в ресторане “Сиехиро”, Иту Ритсу на мой недоуменный вопрос, зачем его фирме понадобилось сооружать порт на Камчатском полуострове, со смехом пояснил, что взятая в аренду территория является предметом, но отнюдь не целью заключения контракта. А строительство там портовых сооружений — это блеф, который играет роль своего рода маскировки в получении доступа к так называемому“ черному песку”.

Далее он рассказал следующее.

Действующий вулкан Майон, расположенный неподалеку от острова Катандуанес (Филиппины), регулярно выбрасывает в прибрежные воды Филиппинского моря вулканический пепел, который по дну Идзу-Бонинского и Японского желоба тихоокеанским течением выносится только на побережье Камчатки, конкретно — в район поселка Озерновский.

Таким образом, прибрежная полоса усыпана вулканическим пеплом, прозванным неспециалистами “черным песком”. Он буквально перенасыщен редкоземельными элементами, такими как: скандий, иттрий, лантан и лантаниды. Кроме того, в “черном песке” высокое содержание золота и платины.

Ферриты, содержащие скандий, — это элементы памяти всех компьютеров, а сплавы скандия — перспективные конструкционные материалы в авиации и электротехнике.

Иттрий используется в качестве легирующей добавки для повышения электропроводности радиодеталей.

Лантан и лантаниды используются в электронике, лазерной и оптической технике.

Прибрежная зона в поселке Озерновском — это единственное место на земном шаре, где открытым способом можно добывать перечисленные редкоземельные металлы.

“Русские буквально топчут сапогами бриллианты! — заявил Ритсу. — Похоже, они им не нужны, вот мы и нашли им применение!”

Необходимо отметить, что администрация “Икебуко” в целях конспирации нанимает обслуживающий персонал траулеров только на один рейс. Никто из них не должен быть профессиональным моряком или членом профсоюза. Все они, как правило, выходцы из Вьетнама, Лаоса или Индонезии, готовые за гроши исполнить любую работу.

По завершении разгрузочных работ поденщиков партиями по пять человек под присмотром вооруженных охранников препровождают в кают-компанию, где им вручают по пять долларов и кормят. При этом насильно заставляют выпить по стакану рисовой водки, в которую подмешиваются наркотики, вызывающие временное нарушение памяти. Делается это для того, чтобы по списании на берег ни один из рабочих не мог вспомнить, чем он занимался на судне.

По словам Иту Ритсу, за один рейс караваном зафрахтованных траулеров в Японию доставляется до 10 тысяч тонн “черного песка”.

В дальнейшем выплавленные металлы “Икебуко” продает на внутреннем и международном рынках фирмам, производящим радиоэлектронное, лазерное и оптическое оборудование, которое экспортируется во все страны мира, в том числе и в СССР. Производство редкоземельных металлов из “черного песка” является основной статьей дохода предприятия моего одноклассника. В этой связи он посетовал, что чиновники Внешторга, зная об этом, постоянно требуют огромное количество дорогостоящих подарков для себя и своих родственников, однако всё возрастающие аппетиты оправдывают тем, что им якобы надо давать взятки “на самом верху”.

Счета за ужин в ресторане и за поездки на такси по городу прилагаю.

Самурай».

Когда Андропов, закончив читать, поднял голову, Козлов увидел в его глазах огонь восторга от предвкушения мести. Это был сигнал, и Козлов откликнулся на него, как пожарный конь, скачущий на звук сигнального колокола.

— Юрий Владимирович, складывается впечатление, что если какой-то иностранный предприниматель захочет разбогатеть, то ему надо всего лишь заключить контракт с нашим министерством

внешней торговли…. А нам, контрразведчикам, как прибывшим на место автокатастрофы врачам, остается лишь констатировать смерть… Кого? Донора в лице Советского Союза… Кроме соцлагеря и революционных партий Латинской Америки и Африки мы, оказывается, подкармливаем еще и Японию… Но не деньгами — драгоценным песком! Какое дьявольски изощренное воображение надо иметь, чтобы до такого додуматься! Нет, вы только представьте, сколько десятков тысяч тонн песка украло у нас «Икебуко» за время работы на песчаной косе! И ведь песочек-то не просто «чёрный» — бриллиантовый! Ничего себе плодотворное сотрудничество!

— Почему украло? Предприятие оплачивает аренду в валюте… — вкрадчиво подлил масла в огонь председатель.

— Да в том-то всё и дело, Юрий Владимирович, что платят японцы лишь за аренду площадки, а стоимость похищаемого песка в арендную плату не входит. Получается, скорлупа — дороже самого яйца! Вы только представьте: за наём территории они платят копейки, а ценнейшая руда достается им даром! Доведись им закупать её по мировым ценам, они бы вылетели в трубу! Не удивлюсь, если Внешторг затем закупает у «Икебуко» или у другой фирмы оптику и электронику, где составляющие детали изготовлены из тех самых редкоземельных металлов, что выплавлены из нашего «чёрного песка»!

— Так это не вина японцев, а заслуга… Плюс преступное разгильдяйство головотяпов из Внешторга!

— На поверку выходит, Юрий Владимирович, что ребята из «Икебуко» нашу географию и залежи полезных ископаемых изучили лучше, чем чинуши из Министерства внешней торговли… Проблема, в конце концов, не в этом… Что мы будем делать с «Икебуко»? — Козлов с усилием потер тыльной стороной ладони лоб.

— Чтобы тебя, Леонид Иосифович, хоть как-то успокоить, расскажу тебе один исторический курьёз.

Однажды незабвенный Лазарь Каганович, будучи членом Военного совета, выступал на слете бойцов-отличников Калининского фронта. Шёл сорок третий год, и всех интересовал один вопрос: когда же союзники откроют второй фронт. На это Каганович ответил так: «Открытие второго фронта целиком зависит от одного человека — от Черчилля… Если бы Черчилль был членом ВКП (б), мы с товарищем Сталиным вызвали бы его в Кремль и сказали: или открывай второй фронт, или клади партбилет на стол! А так, ну что мы можем сделать?»

— Усвоил? Но достать японцев всё-таки есть возможность… и не только их, но и разгильдяев из Внешторга! Я ведь не зря тебе

байку о партбилете рассказал… Его кое-кто из руководителей Министерства внешней торговли положит-таки на стол, не поможет даже то, что он является членом ЦК КПСС! Я об этом позабочусь лично…

Андропов, чтобы унять волнение, вынул из тумбочки кувшин. Резко поднялся и, расплескивая воду, стал поливать цветы. Успокоившись, неторопливо стал диктовать Козлову пункты плана оперативных мероприятий. В заключение сказал:

— Леонид Иосифович, срочно запроси токийскую резидентуру — пусть представят данные о японском экспорте радиоэлектроники, компьютеров и оптики за последний год. Думаю, что со времени заключения «песчанного договора» с Внешторгом продажа Японией перечисленных товаров на мировом рынке стала одной из самых доходных статей её бюджета, ведь «Икебуко» — наполовину государственное предприятие. Ну что ж! Вопрос о сдаче в аренду Внешторгом части нашей территории мы и рассмотрим на ближайшем заседании Политбюро… Председательствовать на нём буду я! Генсек, похоже, надолго занемог… Всё, за работу! Ты, Леонид Иосифович, знаешь мой принцип: сочетать пессимизм знания с оптимизмом действий. Неважно, что я не удовлетворён нынешней ситуацией, надо делать работу!

Андропов подошёл к своему рабочему столу, полистал календарь.

— Послушай, Леонид Иосифович, так ты у меня уже два года не был в отпуске… Не пора ли отдохнуть? Подписываю твой рапорт на отпуск с завтрашнего дня… Всё, свободен!

— А как же информация из токийской резидентуры, товарищ председатель?

— Ну, это дело техники, справятся и без тебя… Отдыхай!

В это время раздался стук в дверь, и вошёл заместитель начальника шифровального управления.

Ознакомившись с телеграммой, Андропов поднял голову и с сожалением произнёс:

— Отпуск отменяется, Леонид Иосифович… На время! Вот проведёшь работу по этим французам — и свободен, как я тебе уже сказал…

— Н-да, нечего сказать, шустрые ребята, эти французы… Стоило только потеплеть климату в высших слоях политической атмосферы, я имею в виду намеченный на июнь совместный советско-французский космический полёт, как французы тут же запросили поездку в категорически закрытую для иностранцев зону, в майкопский район…

— Короче, работай, — подвёл итог председатель, передавая

шифртелеграмму Козлову, — закончишь и сразу уходишь в отпуск, договорились?

Однако, как выяснится позже, Андропов только лишь предполагал — располагали иностранные разведки…

Часть третья. Что наша жизнь? Игра в шпионы!

Глава первая. На краю провала

Многоэтажный дом по Ленинградскому проспекту, где находилась конспиративная квартира генерала Козлова, имел форму буквы «П» и занимал целый квартал. Каждая из трех составных частей фасадом выходила на разные улицы и имела свой порядковый номер. Арки в разных крыльях дома позволяли войти с одной улицы, а выйти на противоположную. Что и рекомендовалось делать посетителям явочной квартиры.

…Попрощавшись с «Самураем» и заперев дверь, Козлов подошел к окну, из которого хорошо просматривался двор.

Едва агент достиг центральной арки, где запарковал машину, как рядом с ним, будто из-под земли, вырос мужчина. Это был капитан 3-го ранга Тосио Миядзаки, начальник отдела собственной безопасности (ОСБ) японского посольства. Профессионал многоопытный и коварный, он доставлял немало хлопот Службе Козлова. Портрет Миядзаки в различных ракурсах имелся в картотеке генерала.

* * *

Где-то через полгода после того, как Тосио Миядзаки прибыл в Москву, Козлов предпринял попытку «потрогать его за вымя» — выяснить уровень профессиональной подготовки, сильные и слабые стороны, привязанности, чтобы определить возможность его использования в наших интересах, а если повезет, то и с ходу установить с ним оперативный контакт.

Начали, по традиции, с того, что подвели к Миядзаки «ласточку», которой была поставлена одна задача: совратить!

Японец сделал вид, что готов обеими ногами ступить в капкан, а затем в него же и загнал обольстительницу, да так, что вытаскивала ее оттуда вся Служба Козлова.

Вслед за «ласточкой» на горизонте объекта появился «голубь сизокрылый» — смазливый мальчонка нетрадиционной сексуальной ориентации. Опять промашка.

Впервые безотказное оружие Козлова дало осечку. А ведь на женщинах и на «голубых» ломали и неподкупных аристократов англичан, и бесшабашных американцев, а тут всё наоборот. То ли

культура другая, то ли выучка иная. Зашли с другой стороны. Однако и на операциях с валютой и антиквариатом подловить Миядзаки не удалось, как ни пытались. На них «горели» и арабы, и турки, а тут вдруг никак.

Использовались все традиционные чекистские наработки, которые заставили бы любого другого иностранца искать покровительства у Комитета, толкнули бы его в наши объятия, но, увы! К японцу они оказались неприменимы. Он доказал, что у него иной уровень мышления, иная ценностная шкала и, вообще, иное отношение к пребыванию на государственной службе.

Первое время после карповских «наездов» Миядзаки затаился. Выжидал, а затем сам перешел к активным действиям, продемонстрировав, что прибыл в Союз отнюдь не для того, чтобы стать добычей вербовочных устремлений КГБ. Он — охотник и сам не прочь побродить с ружьишком по московским угодьям в надежде подстрелить дичь — завербовать кого-нибудь.

Через некоторое время «наружка» зафиксировала конспиративный контакт японца с заместителем министра легкой промышленности РСФСР Платоновым, активно посещавшим дипломатические приемы в иностранных посольствах в Москве, в том числе и японское.

По прошествии некоторого времени среди появившихся и тщательно скрываемых связей Миядзаки из числа советских граждан был выявлен некий научный сотрудник одного из «почтовых ящиков» в Мытищах, с которым японец также поддерживал подозрительные отношения.

Советским гражданам было сделано соответствующее внушение в лубянских кабинетах, чтобы отсечь их от не в меру активного «охотника за головами», но что делать с ним самим? Его-то на Лубянку не пригласишь!

«Это уже перебор, господин капитан 3-го ранга! — решил Козлов. — Вы уже преступили все допустимые для гостя границы!»

Добыть порочащие иностранца материалы в тиши какого-нибудь ведомственного алькова под недреманным оком оперативных видеокамер уже не представлялось возможным. И тогда Козлов принял решение разделаться с ним раз и навсегда, прибегнув к компрометации неудобного японца.

Требовалось нечто неординарное.

По замыслу Козлова, надо было организовать публичный скандал, вслед за которым вопрос о пребывании Миядзаки в Москве решался бы не в кулуарах КГБ, а на уровне двух министерств иностранных дел — СССР и Японии.

Быстро сказка сказывается…

Казалось, Миядзаки неуязвим. Но… у каждого в шкафу «свой скелет». Найти его — вот в чем вопрос! И Козлов его нашел. Обложив японца, как волка флажками, круглосуточным наружным наблюдением, генерал отыскал брешь, даже не брешь — щелочку. Шеф посольской службы безопасности имел патологическую тягу к… русскому меду. Возможно, у него были неполадки в эндокринной системе или что-то на генетическом уровне. Всё это — гипотезы, в которых Козлову недосуг было разбираться. Фактом являлись регулярные набеги японца в магазин «Дары природы», что на Комсомольском проспекте, где он закупал сразу целый бочоночек янтарного лакомства.

Эту страсть Миядзаки тщательно скрывал от сослуживцев. Подтверждением служило то обстоятельство, что кинжальный марш-бросок к магазину за очередной колодой меда он всегда совершал в одиночку. Было доподлинно известно, что, опасаясь провокаций, он никогда не появляется в общественных местах без сопровождения, а тут… Что ж, все правильно: свои слабости надо скрывать от окружающих. От нашей «наружки» — тем более. Всякий раз, намереваясь посетить «Дары природы», японец предпринимал отчаянные попытки оторваться от «хвоста». Напрасно. Генерал Козлов был осведомлен о невинном пристрастии своего подопечного и ломал голову, как использовать это в своих планах.

* * *

Встреча, свидетелем которой стал Козлов, озадачила его. Сам факт появления начальника ОСБ вблизи явочной квартиры ничего хорошо не предвещал. Более того, все происшедшее утвердило генерала в своем решении избавиться от неудобного разведчика во что бы то ни стало.

«Оказаться просто так в этом дворе японский контрразведчик не мог — таких мест иностранные дипломаты, следуя жестким инструкциям, попросту избегают, — рассуждал генерал. — Конечно, инструкции для таких, как Миядзаки, не указ, потому что ими самими и пишутся, и все же… Настораживает то, как начальник ОСБ возник рядом с агентом. Самый отъявленный оптимист не рискнет назвать их встречу случайной. Конечно же, “Самурая” ждали! Ждали для того, чтобы, застигнув врасплох и используя фактор неожиданности, получить исчерпывающе искренние объяснения!

Тогда возникает другой вопрос: впервые ли агент явился сюда с “хвостом”? Похоже, что впервые. Более того, тот факт, что

Миядзаки сразу решил выяснить обстоятельства появления здесь “Самурая”, свидетельствует о том, что ОСБ ему доверяет. Пока. В противном случае шеф посольской контрразведки никогда бы не подошел к агенту во дворе, а взял бы его в разработку. Стоп! А не мог ли японский контрразведчик попросту допустить ошибку, поторопившись раскрыть свои карты? Ну не компьютер же он — человек!

Всё это выглядит логично, но на вопрос, как и почему здесь оказался Миядзаки, ответа не дает. Что же всё-таки кроется за его появлением?

А если допустить, что “Самурай”, следуя на явку, допустил беспечность: не заметил за собой слежку и приволок сюда шефа ОСБ? Хорошо, если это так! А почему бы и нет? Ведь практикуют же контрразведчики выборочные проверки всех посольских секретоносителей, а “Самурай” исключением не является. Миядзаки незаметно сел ему на “хвост” и оказался здесь. А чтобы не откладывать дело в долгий ящик, ограничился получением объяснений на месте.

В том, что агент сумел убедительно объяснить причину своего появления в этом дворе, сомнений у меня нет. Легенда посещения явочной квартиры надежна, проверена и “Самураем” усвоена, как “Отче наш”. Вопрос в том, поверил ли объяснениям агента Миядзаки?! Да, с этим капитаном 3-го ранга пора кончать, и как можно скорее! Ну что ж, подождем звонка от виновника переполоха».

* * *

Агент позвонил поздно вечером.

Разобрать, что он говорил, было невозможно: рядом с ним звучали мужские и женские голоса, играла музыка.

И неурочный час, и место, откуда звонил «Самурай», говорили сами за себя: агенту крайне необходимо срочно предупредить своего оператора, он опасается «прослушки», поэтому звонит от друзей.

Без лишних слов генерал стал называть номера. За каждым — заранее оговоренная ситуация или способ экстренной встречи. Под номером «пять» значилась встреча в Библиотеке иностранной литературы в определенный час.

Когда Козлов назвал «пятёрку» агент обрадованно прокричал в трубку:

— Да-да! Именно это мне и нужно!

Во время короткой встречи в библиотеке «Самурай» рассказал

Козлову то, что генералу было уже известно, — о неожиданной встрече во дворе.

— Вы мне лучше, Курусу-сан, скажите, как он вам объяснил своё там появление? — прервал агента генерал.

— А никак… Он сказал, что ехал по городу и вдруг заметил впереди мою машину… Ну и поехал следом, а потом дождался моего выхода… Всё!

— Как он отнесся к вашим объяснениям по поводу посещения этого дома? — Вопрос был задан Козловым не из праздного любопытства — необходимо было проверить, сработала ли легенда.

— Вы знаете, Леонид-сан, я в момент встречи с командором Миядзаки почему-то думал о женщинах… Поэтому сказал ему, что посещал свою подругу… Тысячу извинений, Леонид-сан…

«Чёрт бы побрал этих “новобранцев”! — мысленно выругался генерал. — Заботишься о них, разрабатываешь им легенды прикрытия посещения явки, деньги тратишь, а они… А чего, собственно, я хочу? “Самурай” — вдовец, у него крайняя степень спермоинтоксикации… Поэтому он в свое оправдание и брякнул Миядзаки первое, что ему пришло в голову, напрочь забыв о легенде! Действительно, правы эндокринологи и сексологи: “Что у человека в голове — то и в штанах. Что в штанах — то и в голове”. Нет, с этим надо как-то бороться… Но не убеждениями же!»

Заставив себя улыбнуться, генерал спросил:

— И как отнесся к этому офицер безопасности?

— С пониманием, Леонид-сан… Он даже сказал, что я могу пригласить свою подружку на приём в посольство… Это большая честь — приём по случаю дня рождения наследника императора…

«Как ты доверчив, Курусу-сан! Вот уж чего-чего, а наивности я от тебя не ожидал! Он же тебя проверяет, а ты за честь считаешь пригласить подружку на приём! И как это ты ухитрился не попасть в поле зрения Миядзаки, столько времени занимаясь контрабандой? Вот уж воистину, ты был “контрабандистом поневоле”!»

Козлов натянуто улыбнулся.

— И кто же будет вашей избранницей, Курусу-сан?

— Я не знаю, Леонид-сан… Я по этому поводу и хотел с вами посоветоваться… Как говорят французы: «Ищите женщину!»

Генерал вмиг посерьезнел. Задача не из лёгких. Не потому, что в конюшнях Комитета не хватало резвых лошадок, способных и бедро, и походку показать даже на приёме у самого императора. Отнюдь! Надо было подобрать такую агентессу, которая

соответствовала бы представлениям Миядзаки о наивной славянке. Он же её специально пригласил. Смотрины станут для нее рентгеноскопией с Миядзаки в роли рентгенолога. Значит, нужна была такая агентесса, которая не успела ещё «засветиться», то есть не попадала в поле зрения контрразведчиков стран главного противника — США, Западной Европы и Японии. Спецслужбы этих стран регулярно обмениваются информацией о советских гражданах, подозреваемых в сотрудничестве с КГБ.

«А вообще, — подумал Козлов, — чего это я вдруг забеспокоился? Сама судьба ведёт меня за руку! У меня появился шанс посадить “Самурая” “под колпак”. Сейчас есть возможность подставить ему такую красавицу, которая сможет влюбить его в себя, привязать накрепко, а привязав — постоянно контролировать. И ведь что удивительно! Не надо ломать голову и изобретать какую-то комбинацию, чтобы подвести “Распутину” к “Самураю” — он сам напросился в ее объятия! Значит, вы хотите взглянуть на подружку “Самурая”, господин Миядзаки? Есть такая партия — агентесса экстра-класса!»

Чтобы скрыть от агента свой восторг от того, что в памяти сразу возникла подходящая кандидатура для смотрин, генерал нарочито недовольно спросил:

— И когда приём, Курусу-сан?

— Завтра! Начало в семнадцать часов…

— Ну что ж, завтра, так завтра… Вы завтра в 16.30 заедете на явочную квартиру и заберёте свою подружку…

— А как…

Козлов не дал японцу договорить.

— А вот так! Если за вами увяжется «хвост», то он останется с «носом»… Вы ведь сказали господину Миядзаки, где живёт ваша подружка? То-то же! Ищите женщину… Считайте, что на этот раз вы её нашли!

Вдруг Козлова осенило.

«Стоп! А почему бы на приёме не произвести выстрел дуплетом: “Самураю” подставить “Распутину”, а Миядзаки — “Эдиту”?! Она познакомится с командором на приёме. В посольстве он шарахаться от неё не станет, так как чувствует себя в безопасности… Вот там-то его с нею и надо запечатлеть на память, а потом решим…»

— Вы знаете, Курусу-сан, не лишними окажутся ещё два пригласительных билета… Можно ли добыть их без ведома господина Миядзаки?

— Без проблем!

— Хорошо… И если во время приёма увидите рядом с Миядзаки знакомое вам лицо, не удивляйтесь и не подавайте

виду. Так надо!

* * *

В тот же вечер Козлов провел ещё две экстренные явки со своими блистательными «ласточками» — «Распутиной» и «Эдитой», чтобы отработать им линии поведения, которых они должны придерживаться на приёме.

«Распутина» и «Эдита» не были знакомы и действовать должны были в автономном режиме.

Первая сыграет роль наивной и простодушной девушки из провинции. Своим поведением агентесса обязана убедить Миядзаки, что «Самурая» к ней влечет лишь её красота и жажда женской ласки.

«Эдита» же во время приёма подойдёт к неуязвимому командору с бокалом шампанского и, пожелав наследнику престола долгие лета, выпьет вместе с Миядзаки.

Остальное скрытой камерой сделает технарь из Службы генерала Козлова.

Глава вторая. Как разделаться с неуязвимым противником

В 13.30 Миядзаки запарковал свою «тойоту» у магазина «Дары природы» и двинулся за очередным бочоночком своего лакомства

Узнав женщину, которая на приёме буквально не давала ему прохода, Миядзаки сначала опешил от неожиданности, но уже в следующее мгновение во весь опор мчался к оставленной на боковой дорожке машине.

Не тут-то было!

— Тосио-сан, дорогой, остановись, куда же ты! — закричала «Эдита» и ринулась вдогонку.

Любопытство замедливших шаг прохожих было вознаграждено сполна: пышнотелая красавица, будто сошедшая с полотен Кустодиева, гналась за воровато оглядывающимся мужичком с ноготок.

Едва только он юркнул в машину и включил зажигание, как был буквально вдавлен в сиденье вспрыгнувшей к нему на колени женщиной. Свет в окошке заслонили пудовые гири её грудей.

— Тосио, я полюбила тебя с первого взгляда, а ты убегаешь от меня… Может, ты девственник?!! — донеслось из распахнутой двери автомобиля.

Полку любопытствующих зевак прибыло. Невесть откуда появился репортёр «МК» и направил объектив фотокамеры на автомобиль.

Попытки японца вытолкнуть бесстыдницу из автомобиля натолкнулись на яростное сопротивление. Он почти справился с рехнувшейся от страсти нимфоманкой и сбросил её с колен, как вдруг она случайно нажала педаль газа. Взревев, «тойота» помчалась вперед и, преодолев бордюр, выскочила на тротуар. В последний момент японцу удалось дотянуться до баранки, и он судорожно вращал ею, пытаясь свернуть на проезжую часть улицы. Пока Миядзаки остервенело крутил баранку, чтобы избежать столкновения с пешеходами, «Эдита» стащила с себя платье, а спутнику разорвала ширинку на брюках.

Кульминация всей операции: агентесса зубами впилась в крайнюю плоть инородца! Брызнула кровь, раздался нечеловеческий вопль, и «тойота» врезалась в стоящий на обочине грузовик.

Подбежавшим сыщикам «наружки» — загримированным под алкашей, они сначала стояли у входа в магазин, а затем гнались за потерявшей управление иномаркой — едва удалось отодрать женщину от обезумевшего от боли иностранца. При этом они не могли отказать себе в удовольствии и отвесили этому влиятельному лицу пару увесистых оплеух по его ставшей отнюдь не влиятельной физиономии.

Отлились объекту слезы «наружки», сдерживаемые в течение полутора лет!

В милицейском протоколе, однако, было зафиксировано совсем другое: *«Японский дипломат, пытаясь изнасиловать гражданку Иванову, вошел в раж и в припадке садистского наслаждения детородным членом разорвал губы жертве своей патологической страсти».*

Вот до чего доводит импортный секс!

Когда Миядзаки и женщину выволокли наружу, затвор фотокамеры репортёра из «МК» продолжал методично щёлкать, а прохожим предстояло стать зрителями бесплатного экстравагантного шоу…

…Неславянской внешности господин стоял посреди улицы с приспущенными окровавленными штанами, слезно умоляя оградить его от посягательств сумасшедшей и оказать медицинскую помощь. Он уже не обращал внимания на «Эдиту». Совершенно нагая, она одной рукой вытирала перепачканные кровью губы, а второй обнимала корчившегося от боли «партнёра» и ласково приговаривала:

— Ну с кем не бывает, Тосио-сан… Сегодня не смог — не

беда, завтра всё у тебя получится!

Лихих наездников доставили на 2-ю Фрунзенскую улицу в 107-е отделении милиции.

Миядзаки предъявил свою аккредитационную карточку дипломата и потребовал вызвать консула. Заявил, что на него совершено разбойное нападение.

— Как то есть нападение? — возмутился дежурный лейтенант. — Вы что, господин Мудазаки, хотите сказать, что наши женщины вот так вот, среди бела дня, в центре Москвы бросаются на дипломатов?! Может, они ещё и сами раздеваются?! — с этими словами милиционер указал на «Эдиту», которая, подбоченившись, стояла в одних туфлях посредине дежурной комнаты.

— Да-да, именно так! Я не знать этот женщина, я первый раз видеть её…

— Нет, вы только полюбуйтесь на этого негодяя! — закричала агентесса. — Позавчера он обещал жениться на мне, назначил свидание, а теперь, когда ему не удалось меня прилюдно изнасиловать, он уже меня не знает! Это что ж такое творится в Москве, товарищ лейтенант?!

Женщина щёлкнула замком «случайно» оказавшейся при ней сумочки и швырнула на стол две фотографии. Это были фотографии, сделанные во время приема в посольстве скрытой камерой карповским технарём. Прижавшись друг к другу, улыбающиеся Миядзаки и «Эдита» свели бокалы, наполненные пенящимся шампанским. Снимки были маленького формата, окружающих не было видно, создавалось впечатление, что двое влюбленных увлеченно воркуют, даже не замечая присутствия фотографа…

— И вы, господин дипломат, после этого утверждаете, что впервые видите эту гражданку?! Не ожидал, не ожидал я от вас такого… Будем составлять протокол!

Миядзаки всё понял: плутни русской контрразведки.

С мольбой в глазах поверженного гладиатора он забился в угол и до приезда консула не проронил ни звука.

Через день он улетел из Москвы, но не потому, что японскому послу МИД СССР заявил решительный протест по поводу инцидента — ему предстояла серьёзная операция по оживлению бесчувственного органа.

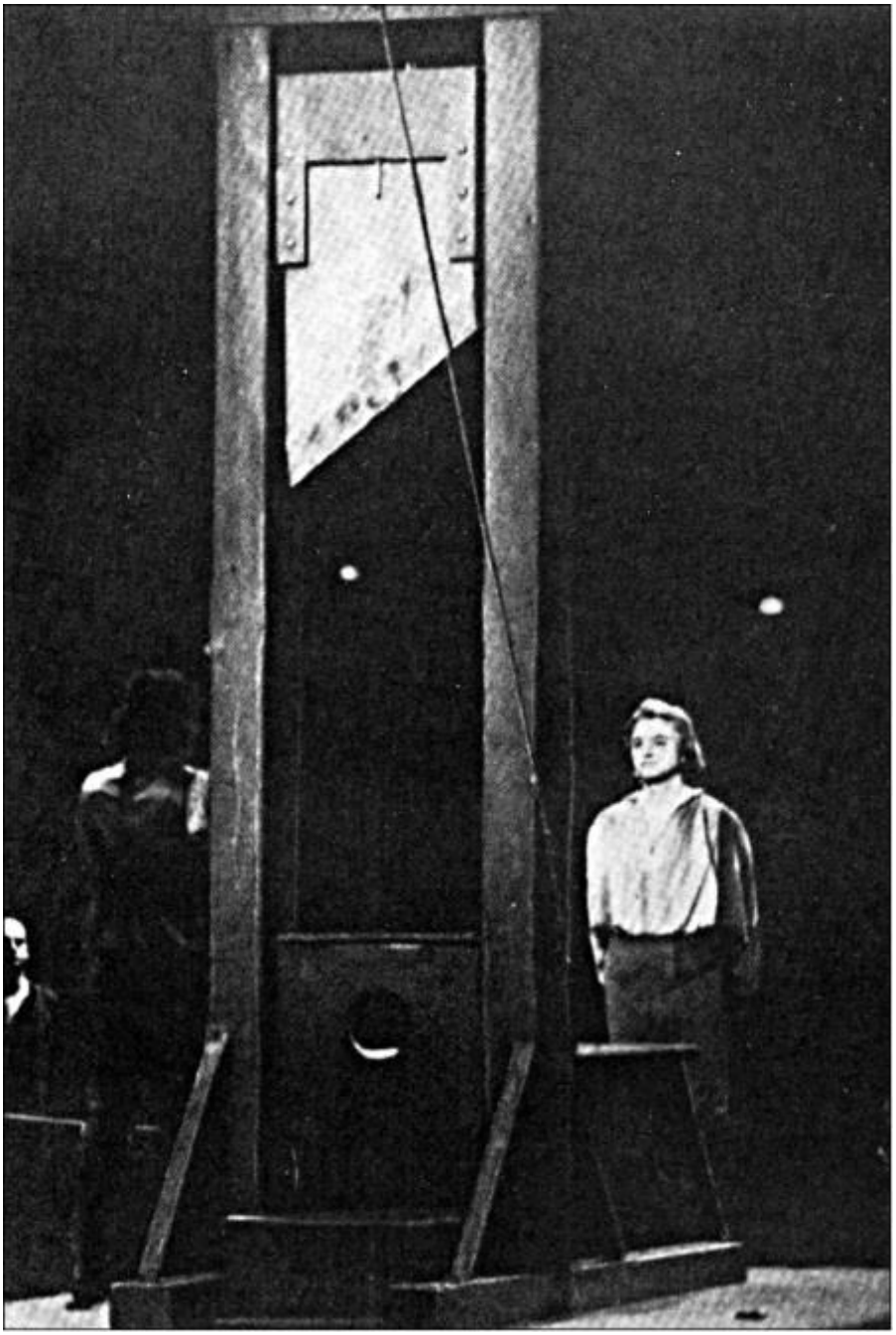
Неизвестно, какие аргументы контрразведчик представил в своё оправдание начальству, но в Союз он больше не вернулся.

Не последнюю роль в компрометации псевдодипломата сыграли и фотографии, сделанные репортером из «МК». Вместе с мидовским протестом они были вручены послу Японии в Москве.

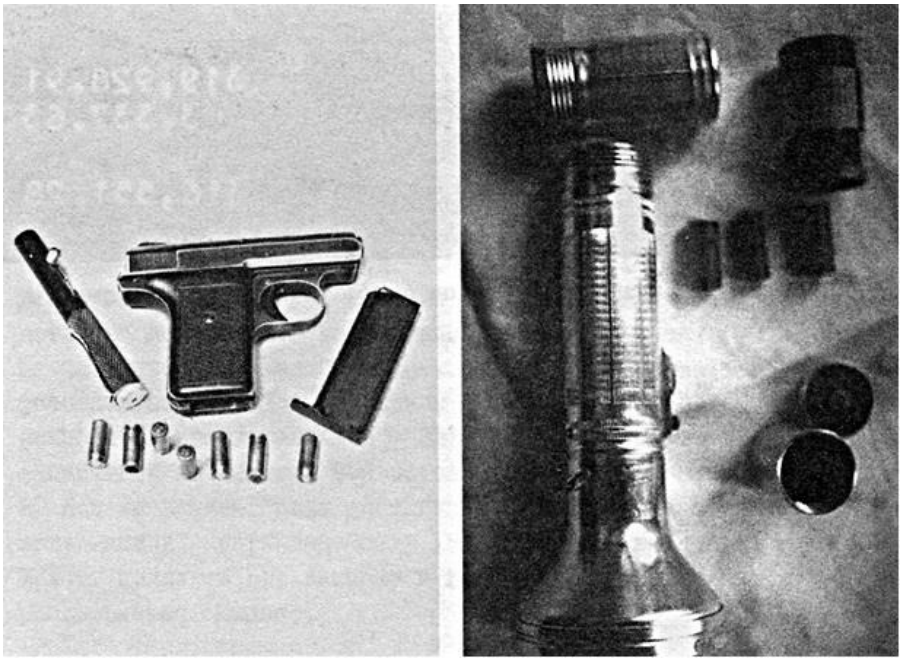
Козлов торжествовал: «Карфаген пал — с ненавистным разведчиком покончено навсегда, за “аморалку” он выдворен из СССР!»

Иллюстрации

1975 год. Александр Огородник. Белый, пушистый. И завербованный…



Универсальное средство от шпионажа и перебежчиков…



Личное оружие Огородника. Рядом с пистолетом авторучка, стреляющая боевым патроном Карманный фонарь китайского производства с контейнером в виде батарейки «Марс»

Пилар Суарес Баркала — наживка «медовой ловушки» для Огородника (кадр оперативной съемки)

Задержание Марты Петерсон, связника «Тригона», 15 июля 1977 г.

Поверх белого платья она, находясь в кинотеатре «Россия», надела черный брючный костюм

«Начинка» Марты Петерсон при выходе на тайниковую операцию с «Тригоном» на Краснохолмском мосту. 15 июля 1977 г.

М. Петерсон на Лубянке после задержания на Краснохолмском мосту

Консул США в Москве господин Гросс перед контейнером для Огородника. Часы у консула и на правой, и на левой руке — вероятно, в одних из них спрятано записывающее устройство

Содержимое контейнера, предназначенного для Огородника: драгоценности, деньги, микропленки, спецупаковка с ядом